Троцкий

ЗАПАД и ВОСТОК

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕНПП
3 458 1

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА

Л. Троцкий

ЕН171
З 458

ЗАПАД и ВОСТОК

ВОПРОСЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ
И МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◆ МОСКВА ◆ 1924

Л. ТРОЦКИЙ

ЕН 71
З 458

ЗАПАД и ВОСТОК

ВОПРОСЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ
И МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

1 7к3

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ. ▽ МОСКВА. ▽ 1924.

ЕН171
З 458

5-я типография
„Транспечати"
Н. К. П. С.
Южный пер., д. 4.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
~~СФ 12036~~ (174/28) 1062493
~~2948/30~~ с1.

Главлит. № 24000. Москва. Тираж 15.000.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В этой книге собраны речи и статьи, относящиеся к вопросам международной политики за последние месяцы. Внутренняя связь частей книги дается характером той „соглашательской“ исторической главы, в которую мы вступили с приходом к власти „Рабочей партии“ в Англии, левого блока во Франции и пр. Этот новый период открывается поражением немецкой революции в конце 1923 года. Закончиться этот соглашательский период может либо новым революционным под‘емом, либо открытым возвращением к власти империалистской реакции. Эти альтернативные возможности отнюдь не обязательно исключают друг друга: новый революционный под‘ем может породить и даже неизбежно породит политическую перегруппировку буржуазии— вправо. Какие из этого возрастут правительственные комбинации, зависит от момента, когда нынешний временный революционный отлив превратится в новый прибой, и от темпа этого прибоя. Основные элементы вопроса исследуются нами в заключительной главе: „Через какой этап мы проходим?“

Остается вопрос прогноза (предвиденья путей дальнейшего развития). Его, однако, нельзя сделать сколько-нибудь обоснованно, если оставаться исключительно в рамках Запада (Европы) и Востока (Азии), не подвергая рассмотрению вопроса о роли Соединенных Штатов Северной Америки,—ибо, при нынешних условиях, это значило бы пытаться подводить счет без хозяина.

Этот основной факт надо понять твердо: хозяином положения являются Соединенные Штаты, потому что они неизмеримо богаче Европы и всего мира. Экономическое могущество заатлантической республики еще только должно в ближайший период в полном об‘еме сказаться не только на международной обстановке, но и на внутренних отношениях в Европе. С остановками и поворотами вспять политика Соединенных Штатов направлена на „умиротворение“ Европы путем полного подчи-

нения ее гегемонии американского капитала. Европейская социал-демократия стремится ныне к этому, как к высшему идеалу. В этом смысле европейский меньшевизм все больше превращается в политическую агентуру англо-саксонского, т.-е., в последнем счете, американского капитала. Ход соглашательской главы в развитии Европы будет в огромной степени зависеть от того, с каким успехом—и с успехом ли вообще—пойдет превращение капиталистической Европы в американский доминион особого типа. Этому вопросу мы посвящаем особую работу, не включаемую нами пока в настоящую брошюру.

Политической осью брошюры является борьба между Вторым и Третьим Интернационалами — идет ли вопрос о Западе, о Востоке, или об Америке, лишь эпизодически затронутой в этой работе. Второй Интернационал, приспособляясь, меняясь или, вернее, перекрашиваясь, остается главной консервативной силой истории. С ним держится и с ним падает капитализм, по крайней мере, в Европе. Третий Интернационал, прокладывая себе путь через все препятствия, придет и приведет европейский пролетариат к революции. Без пролетарской революции Европе нет спасения. Без победы пролетариата в Европе не может быть полного освобождения Востока. Эти два процесса питают и дополняют друг друга.

Л. ТРОЦКИЙ.

15 июля 1924 года.

P. S. В „Приложении“ даны те отрывки из речей и статей, в которых автору этой брошюры приходилось за последние три года говорить о вероятности наступления новой „соглашательской“ полосы в Европе и мотивировать этот свой прогноз.

1. На путях европейской революции.

(Речь в Тифлисе 11 апреля 1924 года).

Признаюсь, я с некоторыми затруднениями приступаю к своему сегодняшнему докладу. Два месяца оставался я на этом прекрасном Кавказе, который мне довелось посетить первый раз в жизни. Это время я провел в одном из самых благодатных, но вместе с тем и самых отдаленных уголков Закавказья, именно в Абхазии. Вы знаете, товарищи, что Абхазия—прекрасная страна, в ней есть прекрасные товарищи, но, к сожалению, эта страна далеко не совершенна в смысле почтово-телеграфной связи. Будучи отрезан от нашего союзного центра—Москвы, я пользовался далеко не полной информацией, при крайней запоздалости к тому же получения газет.

Поэтому, когда ко мне обращались товарищи журналисты и по обычаю, очень дурному, скажу откровенно (я сам журналист), требовали от меня интервью,—есть такой плохой газетно-парламентский обычай, который мы переняли,—то я должен был больше информироваться у них о последних известиях и новостях, чем осведомлять интервьюирующих журналистов. Поэтому позвольте мне мой доклад сделать обзорным, подводящим некоторые итоги последнего периода. Я остановлюсь преимущественно на нашем международном положении, которое, однако, неразрывно связано с судьбами и ходом мировой революции и с нашей внутренней работой, нашими внутренними успехами.

Если, товарищи, окинуть общим взором последний период, то придется прежде всего сказать, что у нас, наряду с текущими успехами и неудачами, имеется одно величайшее несчастье, которое учитывается огромной величиной в балансе мировых сил. Наше несчастье—это потеря вождя, потеря, которая учитывается нашими врагами и нашими друзьями: друзьями—как невозместимый минус, врагами—с злорадством и с надеждой. Все, или почти все, что по этому поводу можно было бы сказать, сказано; все меры, которые могли бы хоть отчасти воз-

местить коллективными усилиями эту потерю, мы принимали, принимаем и будем принимать. Если горе наших друзей, мировое и наше собственное горе не может быть смягчено, то, по крайней мере, мы сделаем все, чтобы злорадные надежды наших врагов не были оправданы (бурные аплодисменты).

Мировая обстановка, рассматриваемая под углом зрения нашего Советского Союза и международной революции, остается попрежнему в высшей степени сложной, противоречивой, колеблющейся, но в общем и целом изменяющейся в нашу пользу.

ВОПРОС О БЕССАРАБИИ.

Подойти к этой международной обстановке можно, разумеется, с разных концов. Позвольте мне подойти с газетного конца, с сегодняшнего номера вашей газеты „Заря Востока", одной из лучших газет нашего Советского Союза. Тот, кто интересовался, мог узнать из сегодняшнего номера некоторые мои суждения по международным вопросам. Я должен сейчас же сказать, что эти суждения здесь переданы крайне неточно. Это я очень дружески выражаюсь по адресу корреспондента вашей газеты. Я, товарищи, должен об этом сказать как для того, чтобы яснее и точнее представить свое мнение, так и для того, чтобы не причинить лишнего затруднения нашему другу Чичерину. По вопросу о Бессарабии здесь, в интервью, дело представлено почти что так, как если бы я считал войну с Румынией вероятной. Это не так, совсем не так. Вопрос очень остер и важен, и здесь двусмысленности допустить нельзя. Речь идет не о том, чем вообще закончатся наши сложные отношения с Румынией, а о том, к чему непосредственно приведет разрыв переговоров, происшедший по вине Румынии, которая не приняла предложения нашего правительства устроить плебисцит в Бессарабии. Плебисцит—это самая демократическая в данном случае мера. Тут международные меньшевики должны были нас поднять на щиты. Мы предлагаем опросить население Бессарабии, а для этого—вывести войска и создать самые демократические условия для опроса. Нужно сказать, — и мы это тщетно вколачиваем в черепа представителей Второго Интернационала,—что мы вовсе не отвергаем демократию целиком и

для всех условий. Нет, по сравнению с самодержавием, с царизмом, демократия была плюсом. По сравнению с разнузданной, от'явленной черносотенной румынской боярщиной демократия, конечно, плюс. И было бы, разумеется, шагом вперед, если бы мы создали хотя временный демократический режим для опроса населения о том, к какой стране оно хочет принадлежать. Но это было отклонено. И вот на вопрос, означает ли это войну, я ответил примерно так: разумеется, мы не можем взять на себя гарантии, что войны у нас с Румынией ни при каких условиях не будет. У Румынии есть армия, и у нас есть. Для чего-нибудь Румыния имеет армию. И мы кое для чего имеем армию (аплодисменты). Товарищи, ваши аплодисменты могут быть в Бухаресте поняты так, будто вы желаете пустить армию в дело... (смех). Что означает прекращение переговоров? Я привел французскую пословицу, которая говорит: „двери могут быть либо открыты, либо закрыты". В данном случае закрыть двери значило бы „признать де-юре", т.-е. узаконить захват Бессарабии Румынией. Что значит открыть двери? При данных условиях это значило бы открыть их со взломом, а для взлома в международном масштабе существуют: пехота, артиллерия и кавалерия. Как же мы поступим?—открываем мы дверь или закрываем? Нет, мы ее оставляем полуоткрытой. Что это значит? Не признаем захвата и открыто об этом заявляем трудящимся всех стран и прежде всего, трудящимся Бессарабии и Румынии. Это—раз. А затем выжидаем. Обстановка меняется, и многие страны, которые были под боярами или под меньшевиками, стали хорошими советскими странами. Эта же судьба может и должна случиться и с Бессарабией, а затем и с Румынией. Так что у нас здесь политика, я бы сказал, выжидательная, не вполне нейтральная и во всяком случае не очень „благожелательная".

ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ.

Но, товарищи, политика Румынии не есть самостоятельная политика. За Румынией стоит Франция. Франция же стоит и за Польшей, и за Китаем, и пытается стать за Турцией. Как-раз теперь, когда, казалось бы, чрезвычайно приближается мо-

мент нашего соглашения с Францией, — по крайней мере, об этом не уставая пишут виднейшие публицисты в руководящих органах французской буржуазии, да и сам Пуанкарэ в очень вежливом тоне перекликается с Чичериным,—эта же Франция удесятерила злобный характер своей политики против нас. Они в своем парламенте „ратифицировали“ присоединение Бессарабии к Румынии,—как вы знаете, для грабежа, воровства и захвата имеются очень сложные слова, как аннексия, де-юре, ратификация и пр. Одновременно Франция начала кампанию против нас в Польше. Давно польская печать не говорила о нас таким злобным тоном, каким говорит сейчас. И, наконец, есть довольно серьезные сведения о том, что Франция прилагает все усилия к тому, чтобы поссорить нас с Турцией. Некоторые органы турецкой печати, которые раньше держали себя довольно дружелюбно по отношению к Советскому Союзу, заговорили другим языком. Хотя французский франк сильно пал, тем не менее он все же, повидимому, приятно звенит для уха некоторых журналистов турецкой печати. Франция же поддерживает Малую Антанту, дает ей сотни миллионов для вооружения и восстанавливает ее против нас. А в то же время у себя в парламенте и в печати правящая Франция заявляет, что с Советским Союзом у нее нет противоречия в интересах, и соглашение вполне возможно. Каков же смысл этой политики? Это есть яркое и законченное выражение политики биржевого шантажа. Пуанкарэ хочет показать нам, что мы без Франции будем иметь затруднения везде и всюду: Малая Антанта—против нас, Румыния—против нас, в Польше, мол, волна возмущения против нас, и даже в Турции, будто бы, поворачивается колесо против нас. И Франция нам говорит: заплатите нам по счету—и тогда мелкие претензии малых держав исчезнут. Разумеется, Франция предаст и Польшу, и Румынию, и Турцию, как только мы согласимся выплачивать проценты по всем займам и вообще склонимся перед Пуанкарэ. А пока что—шантаж, политика булавочных уколов. На ряду с волчьей пастью—лисий хвост, заверения руководящих французских органов, что противоречий с Францией у нас нет. Ясно, что Пуанкарэ с этой политикой просчитается. Его предшественником на этом пути был Клемансо. Человек покрупнее и покрепче. Вра-

жда Клемансо к нам была враждой 96 пробы. Он окружил нас изгородью из колючей проволоки, он душил нас блокадой. Мы эту проволоку прорвали и говорим нынче: если Клемансо не погубил нас блокадой из колючей проволоки, то Пуанкарэ не запугает нас политикой булавочных уколов (аплодисменты).

Как известно, Франция принадлежит к числу тех стран, которые нас не признали, и это непризнание есть одно из средств французского шантажа и вымогательства по отношению к нам. Французская политика в целом основана сейчас на вымогательстве: на платоническом и безнадежном вымогательстве по отношению к нам и на реальном, материальном вымогательстве по отношению к Германии.

В этом разница положения Советской Республики и буржуазной германской республики. Там царила несколько лет меньшевистская социал-демократия в архидемократической республике. И что же? в международном отношении эта демократия оказалась тряпкой, о которую генералы Пуанкарэ обтирали свои ботфорты. А Республика, которая увенчалась диктатурой пролетариата, оказалась в международном отношении скалой, о которую империалисты всего мира обламывали себе зубы. Вот блестящий урок для рабочего класса и для тех из меньшевиков, которые еще способны чему-нибудь научиться!

ГЕРМАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Последний год мы прожили под знаком приближающейся революции в Германии. Во второй половине прошлого года германская революция надвигалась на нас со дня на день. В этом мы видели основной фактор мирового развития. Если бы германская революция победила, это радикально изменило бы соотношение мировых сил. Советский Союз, с его 130-миллионным населением, с его неисчислимыми естественными богатствами, с одной стороны, и Германия, с ее техникой, с ее культурой, с ее рабочим классом—с другой стороны, такой блок, такой могущественный союз сразу передвинул бы линию развития в Европе и во всем мире. Строительство социализма пошло бы совершенно другим темпом.

Однако, в Германии, наперекор нашим ожиданиям, революция до сего дня не победила. Почему? Над этим вопросом надо задуматься потому, что он нас кое-чему научит, не только для Германии, но и для нас самих.

При каких условиях возможна победоносная пролетарская революция? Нужно известное развитие производительных сил. Нужно, чтобы пролетариат и те промежуточные классы населения, которые его поддерживают, за ним идут, чтобы они составляли большинство населения. Нужно, чтобы авангард ясно понимал задачи и методы пролетарской революции и имел решимость ее осуществить. И нужно, чтобы он повел за собой большинство трудящихся масс на решительный бой. С другой стороны, необходимо, чтобы правящий класс, т.-е. буржуазия, был дезорганизован, запуган всей международной и внутренней обстановкой, нужно, чтобы его воля была подкошена и надломлена. Вот материальные, политические и психологические предпосылки революции. Вот условия для победы пролетариата. И если мы спросим, были ли эти условия в Германии налицо, то я думаю, что мы должны ответить с полной твердостью и отчетливостью: да, все, кроме одного. Вы помните период с середины прошлого года. Вы помните неудачу и срыв пассивного сопротивления буржуазии Германии против оккупации Рура. Этот период характеризуется полным потрясением Германии. Немецкая марка катилась вниз в таком бешеном темпе, которому мог бы позавидовать наш покойный советский рубль. Цены на предметы первой необходимости бешено шли вверх. Недовольство рабочих масс выражалось в открытых столкновениях с государством. Немецкая буржуазия была обескуражена и неспособна к действию. Министерства менялись. Французские войска стояли на немецкой стороне Рейна. Штреземан, премьер-министр большой коалиции, заявил: „Мы—последнее парламентское буржуазное правительство. После нас придут или коммунисты или фашисты“. А фашисты говорили: „Пусть идут коммунисты, а мы придем после них“. Все это означало последнюю степень потрясения всех основ буржуазного общества. Рабочие приливали к коммунистической партии каждый день. Правда, довольно широкие массы еще топтались в рядах меньшевистской партии. Но вы помните, что когда мы в Октябре

взяли власть в Питере, то мы застали во главе профсоюзов меньшевиков, потому что питерские рабочие, под руководством нашей партии, с такой быстротой бросились на завоевание власти, что не успели стряхнуть с себя старую пыль в профессиональных союзах...

Почему же все-таки в Германии нет победы до сих пор? Я думаю, что ответ может быть только один: потому что в Германии не было большевистской партии и не было у нее вождя, какого мы имели в Октябре. Мы здесь в первый раз имеем колоссальный исторический опыт для сравнения. Конечно, можно сказать, что в Германии победа труднее. Германская буржуазия умнее и крепче нашей. Но рабочий класс не выбирает себе врагов. Вы тут, в Грузии, дрались с меньшевистским правительством, которое вам было послано судьбой. Германскому рабочему классу придется драться с германской буржуазией. И можно сказать с полной уверенностью, что более благоприятные об'ективные условия, чем те, которые были во второй половине прошлого года, история для германского пролетариата вряд ли создаст. Чего же нехватало? Нехватало партии с таким закалом, какой имеет наша партия (голос: правильно). Это, товарищи, центральный вопрос, и из этого опыта должны будут учиться все европейские партии, и мы с вами должны будем учиться еще яснее и глубже понимать и ценить характер, смысл и природу нашей партии, обеспечившей пролетариату победу в Октябре и ряд побед после Октября.

Товарищи, я не хотел бы быть понят в каком-нибудь пессимистическом смысле—например, будто я считаю победу германского пролетариата отодвинутой на много лет. Нет, нет. Будущее за нами. Но нужно правильно анализировать прошлое. Поворот прошлого года, в октябре-ноябре, когда пришел германский фашизм, когда пришла крупная буржуазия, это есть величайшее поражение. Так мы должны его записать, оценить и в своей памяти закрепить, чтобы учиться из него. Это есть величайшее поражение. Но на этом поражении германская партия учится, закаляется, растет. А обстановка остается попрежнему революционной. Но к этому я еще перейду.

Мы имели в мировом масштабе три момента, когда пролетарская революция назрела и требовала хирургического ножа. Это был октябрь 1917 года у нас, это был сентябрь 1919 года в Италии, и это было второе полугодие (июль—ноябрь) прошлого года в Германии. У нас мы имели победоносную пролетарскую революцию—совершенную, завершенную и закрепленную первый раз в истории. В Италии мы имели саботированную революцию. Пролетариат ринулся всей своей массой на буржуазию, захватывал заводы, фабрики, шахты, а социалистическая партия, испугавшись натиска пролетариата на буржуазию, нанесла ему удар в спину, дезорганизовала его, парализовала его усилия и выдала его фашизму. И, наконец, мы имеем опыт Германии, где есть честная, преданная делу революции, коммунистическая партия, но она не имеет еще необходимых качеств: глазомера, решимости, закала. И эта партия в известный момент упустила революцию. Для всего нашего Интернационала, в целом, и для каждого мыслящего рабочего, в отдельности, нужно всегда иметь перед глазами эти три образа, три исторических опыта: Октябрьскую революцию у нас, революцию, подготовленную историей, нами совершенную, завершенную и закрепленную; революцию в Италии, подготовленную историей, поднятую на свои плечи рабочим классом, но саботированную, сорванную социалистической партией; и революцию в Германии, подготовленную историей, революцию, которую рабочий класс готов был поднять на свои плечи, но которою честная коммунистическая партия, лишенная необходимого закала и руководства, не смогла и не сумела овладеть.

Дело в истории вовсе не происходит так, что сперва возводится фундамент, вырастают производительные силы, подготовляется необходимое соотношение классовых сил, пролетариат революционизируется, потом все это берется в холодильник, консервируется, а тем временем идет воспитание коммунистической партии: она подготовляется, а „условия“ ждут и ждут. Когда она подготовилась, она, засучив рукава, берется за борьбу. Нет, история так не идет. Для революции необходимо совпадение необходимых условий во времени. В самом деле, если бы в Германии во второй половине прошлого года

была налицо наша большевистская партия, с той волей, которая есть, была и будет в нашей партии, с волей, которая обнаруживается в действии, с тем тактическим умением, которое рабочая масса чувствует и говорит себе: этой партии можно доверить свою судьбу,—если бы такая партия была налицо, она в действии и через действие повела бы за собой подавляющее большинство рабочего класса.

Какой же вывод отсюда? Вывод для нашей германской партии, разумеется, тот, что необходимо дальнейшее упрочение рядов, теснейшая связь с массой, необходим тщательный подбор боевых революционеров, необходим закал партийной воли.

Но теперь спросим: а об'ективные условия революции сохраняются ли? Это очень важный вопрос для оценки международного положения вообще и Германии в частности. За последние месяцы положение Германии сильно изменилось. Там достигнута некоторая стабилизация марки, германской денежной единицы. Цены в Германии перестали столь быстро прыгать вверх. Промышленность сейчас там развивается, хозяйственное положение лучше, чем было в прошлом году, безработица несколько менее, положение рабочего класса несколько улучшилось. Это несомненные факты. Острота положения, таким образом, несколько смягчилась. А дальше? Ответ на этот вопрос может быть дан сейчас лишь в самых общих чертах, но этот ответ будет все же достаточным для оценки тех перспектив, которые стоят перед нами. Развитие Европы может в ближайший период пойти по двум путям, в зависимости от того, даст ли Антанта дышать Германии, или нет. После того опыта, который был в прошлом году, когда красный призрак коммунизма чуть-чуть не стал в Германии плотью и кровью, буржуазия Франции, Англии и Соединенных Штатов может попытаться несколько облегчить положение Германии, дать ей некоторые кредиты и предоставить ей в платежах ту рассрочку, при которой хозяйственная жизнь Германии будет возможна. Это вызовет неизбежно известный под'ем германской промышленности, а в связи с этим возрастет и германский экспорт. Германская промышленность работает сейчас примерно на 50% против своей мощности, и если чуть-чуть облегчить хозяй-

ственное и финансовое положение Германии, мы будем иметь быстрый рост германского экспорта. Емкость рынка Европы, однако, мала, и в результате роста германского вывоза мы будем через год, а то и ранее, наблюдать катастрофический кризис английской и французской промышленности. Малейшее облегчение участи Германии неизбежно увеличит кризис в Англии, в которой и сейчас около миллиона безработных. Совершенно ясно, что это должно будет дать могущественный толчек борьбе английского пролетариата. Макдональд, нынешний английский министр-президент, о котором нам придется еще сказать несколько теплых слов, понимает, конечно, что при нынешних условиях помощь германской промышленности может нанести удар английской промышленности. Решив так, он может умыть руки. От пересмотра Версальского мира он ведь уже отказался. Допустим, что и Соединенные Штаты не придут на помощь Германии, и что Пуанкарэ продолжит свою политику удушения Германии. При этих условиях германская марка через несколько недель начнет падать еще более бешеным темпом, чем это было раньше, цены будут не менее бешено расти, промышленность будет падать, безработица снова возрастет, и революция будет развиваться еще более быстрым темпом, чем в прошлом году. Но германская коммунистическая партия будет уже не той партией, что была в прошлом году. Она уже предстанет более опытной, более закаленной перед новыми испытаниями, а это гигантски увеличит шансы победы. Стало-быть, две перспективы перед нами: либо временное смягчение революционной обстановки в Германии, ценой неизбежного обострения революционных отношений во всей Европе, либо оттяжка кризиса в Англии и Франции, ценой неистового обострения классовых отношений в Германии. И в том, и в другом случае Европа будет итти путем грандиозных революционных потрясений. Вот, в общем и целом, как я оцениваю обстановку в связи с ходом развития в Германии.

„РАБОЧЕЕ“ ПРАВИТЕЛЬСТВО В АНГЛИИ.

Нам надо сказать теперь несколько слов о Великобритании с ее новым опытом так-называемого „рабочего“ правительства на парламентских, „демократических“ основах, т.-е.

идеальнейшего, святейшего, казалось бы, опыта для каждого правоверного меньшевика.

Что же этот опыт нам дал до сих пор? Вы знаете, что так-называемая „рабочая“ партия не имеет в парламенте абсолютного большинства. Почему? Потому что значительная часть английских рабочих до сих пор тянется в хвосте либерализма: эти рабочие, отнюдь не самые тупые, не видят просто большой разницы между либералами и Макдональдом. Они говорят: „какой смысл нам менять квартиру и расходоваться на переезд, если разница только в фамилии домовладельца“. Итак, ни одна из трех партий не имеет сейчас в парламенте абсолютного большинства. Либералы и консерваторы отступили и, обратясь к рабочей партии, сказали: „Пожалуйте, вы вторая по силе партия—пожалуйте. Приходите владеть и княжить нами“. Англичане большие юмористы, как вы это знаете. Об этом свидетельствует Диккенс, великий представитель английского юмора. И Макдональд взял власть. Теперь мы спрашиваем: что же будет дальше? Каково будет дальнейшее поведение „рабочего“ правительства? Если у него нет большинства в парламенте, то это вовсе не значит, что положение его безвыходное. Выход есть, нужна только решимость найти его.

В самом деле, представьте себе, что Макдональд говорит: у нас до сих пор, к стыду нашему, есть над демократией некое августейшее семейство, в котором мы не имеем нужды; если бы он прибавил, что всякие титулованные наследники грабителей и кровопийц сидят в палате лордов и других государственных учреждениях, и что нужно взять метлу и вымести их вон,—если бы он сказал это, да разве сердца английских рабочих не забились бы с радостью? Да если бы еще прибавил: отберем у них земли, шахты, железные дороги, национализируем банки, а в английских банках можно, ведь, найти побольше, чем у нас (бурн. аплод.); если бы он сказал: на средства, которые освободятся от упразднения монархии и палаты лордов, мы займемся строительством рабочих жилищ,—он вызвал бы огромный энтузиазм. В Англии три четверти населения составляет рабочий класс. Это чисто-пролетарская страна. Там горсточка земельных лордов и капиталистов, правда, могущественная и богатейшая, но все-таки горсточка. Если бы Макдональд вошел в парламент,

положил свою программу на стол, стукнул слегка кулаком и сказал: „принимайте, или я вас разгоню“ (пусть он скажет это более вежливо, чем я сейчас говорю),—если бы он это сделал, то Англии через две недели нельзя было бы узнать. Макдональд получил бы на выборах подавляющее большинство. Английский рабочий класс сбросил бы с себя ту скорлупу консерватизма, которою его умело окружали, сбросил бы это рабское уважение перед законом буржуазии, перед имущими классами, перед церковью и перед монархией. Но Макдональд этого не сделает. Он этого боится. Он консерватор, он за монархию, за частную собственность и за церковь. Вы знаете, что английская буржуазия создала для нужд народа разные церкви, религиозные общества и секты. Как в большом магазине готового платья, там каждый может найти себе церковь по росту и сложению. Это не случайность, это вполне целесообразно, с точки зрения интересов господствующего класса: этим дроблением и приспособлением церкви достигается бо́льшая гибкость ее, следовательно, и более успешное затемнение сознания угнетенного класса. У нас господствующая церковь была воплощением казеннейшего бюрократизма. В душу она глубоко не забиралась. А в Англии более тонкие методы и приемы. В Англии архипокладистая, соглашательская, я бы сказал: меньшевистская церковь. А с другой стороны, английский меньшевизм насквозь пропитан духом поповщины. Все это только разные формы приспособления к отдельным группам и слоям пролетариата, все это лишь сложное разделение труда на службе буржуазного порядка.

Товарищи, незачем говорить, что я и до „рабочего“ правительства не был высокого мнения ни о Втором Интернационале, ни о Макдональде, но все-таки, знаете,—я сегодня уж говорил об этом в частной беседе со своими друзьями,—каждый раз, когда сталкиваешься с меньшевизмом в новой обстановке, то убеждаешься, что он хуже и дряннее, чем ты предполагал. Это так-называемое „рабочее“ правительство сплошь, до самой макушки, нагружено худшими мелко-буржуазными предрассудками и позорной трусостью перед крупной буржуазией. Министры Макдональда преисполнены благочестия и всячески выставляют его напоказ. Сам Макдональд—пури-

танин; он на вопросы политики глядит, изволите ли видеть, через стекла религии, которою питалась революционная мелкая буржуазия XVII столетия. Его коллега, Гендерсон, министр внутренних дел, является не то председателем, не то вице-председателем союза христианских евангелических обществ или чего-то в этом роде. Каждое воскресенье министр внутренних дел рабочего правительства произносит благочестивую проповедь. Это, товарищи, не шутка, это не из английского „Крокодила", это факт. И факт этот связан теснейшим образом с английской консервативной традицией, с ловкой, умелой, выдержанной идеологической работой английской буржуазии. Она создает невероятный террор общественного мнения против всякого, кто смеет заявить, что он материалист и атеист. Мы имеем в Англии блестящую историю естествознания, Англия дала нам Дарвина, этого Маркса биологии, и, однако же, Дарвин не смел называть себя атеистом. Крупной английской буржуазии — горсточка, и никакие полицейские репрессии не помогли бы, если бы не было политического влияния церкви. Ллойд-Джордж не даром сказал, что церковь—это центральная электрическая станция всех партий. Чтобы конкретнее пояснить вам это, я приведу один пример, который рассказывал сегодня друзьям в частном разговоре. В 1902 г., т.-е. 22 года тому назад, я был в Англии и с Владимиром Ильичем посетил социал-демократический митинг в церкви, при чем митинг этот происходил в таком порядке: рабочий-наборщик, вернувшись из Австралии, говорил речь, по тем временам довольно революционную, против господствующих классов, за революцию и пр. а затем все поднимались и пели хором гимн или псалом на такую тему: праведный боже, помоги, чтобы не было ни богачей, ни королей, ни угнетателей (смех). Это все важная составная черта английских политических нравов. Этим сильна английская буржуазия, и этим слаб английский пролетариат...

Я на-днях читал, не помню в какой газете, речь самого Макдональда в евангелическом обществе: он говорил с возмущением о классовой борьбе, проповедывал, что спасти общество может только христианская мораль и пр. Мудрено ли, если он с возмущением говорит о Советской Республике? И что же? Этот пуританин, пацифист, проповедник христианской

Институт Ленина при Ц. К. В. К. П. (б) 106 2493

морали, едва вступив в правительство, утвердил программу постройки пяти новых крейсеров. Его коллега заявил, что в области военной авиации остается неизменной программа прежнего консервативного правительства, и, наконец, постройка легких танков, после пришествия рабочего правительства в Англии, идет полным ходом. Вы видите, как христианский пацифизм выглядит на деле. И не мудрено: тот же Макдональд заявляет, что в области политики нужна преемственность, т.-е. то, что делали консерваторы, будем делать и мы.

Он пишет в письме к Пуанкарэ, что союз Англии и Франции есть основа европейского мира и порядка. Почему? Из чего это вытекает? Ведь нынешняя Франция—оплот реакции и милитаризма. Почему же это рабочее правительство Англии должно находиться в союзе с подлой французской плутократией? Почему рабочее правительство, настоящее рабочее правительство Англии не могло бы заключить союз с нами? Разве это был бы плохой союз—союз рабочего класса Англии с рабочим классом Советских Республик? Между царской Россией и капиталистической Англией шла долгая борьба. Царская Россия стремилась ущемить Англию в ее колониях, прежде всего в Индии, а Англия не давала России выхода через турецкие проливы. Бисмарк называл эту борьбу России с Англией дракой слона с китом. Но теперь, при новом великом повороте истории, разве кит рабочей Англии не мог бы заключить дружественный союз с советским слоном? Разве такой союз не представлял бы величайшие выгоды для обеих сторон? Английской промышленности, английскому народу нужны наши поля, наши леса, наш хлеб, наше сырье, а нам нужны их капитал, их техника. Союз рабочего правительства Англии с нами был бы сильной уздой для буржуазной Франции, и она не смела бы далее бесчинствовать в Европе и разорять ее. Да мы вместе с рабочей Англией помогли бы Европе уменьшить бремя вооружений, мы приблизили бы создание рабоче-крестьянских Соединенных Штатов Европы, без чего Европе грозит неминуемый экономический и политический упадок. Но что делает Макдональд? Этот благочестивый пацифист говорит Пуанкарэ, самому злостному представителю биржевиков Франции, что именно с ним он хочет оставаться в союзе,—следо-

вательно, против нас и против трудящихся масс Европы. Вот где подлинный меньшевизм, и не мелкого карманного формата, в стиле Жордания здесь у вас, а меньшевизм мирового масштаба, ставший у власти в стране, которая охватывает сотни миллионов колониальных рабов.

За немногие недели своего владычества английский меньшевизм стал ненавистен в колониях как в Индии, так и в Египте, где победили революционно-национальные стремления под лозунгом полного отделения от Англии. Меньшевики станут возражать, что английская промышленность не может обойтись без индийского и египетского хлопка и вообще колониального сырья. Как-будто вопрос в этом! Если бы Макдональд попытался договориться с индусами и египтянами на почве признания полной их независимости, то Англия имела бы хлопок в обмен на машины, имела бы экономические связи, и эти связи развивались бы. Но Макдональд выступает и здесь, как меньшевистский приказчик английских империалистов.

И, наконец, есть еще один факт, который имеет прямо-таки символическое значение в истории: речь идет о халифате. Турция, как известно, упразднила халифат—это есть шаг либерально-буржуазного прогресса. Национальная Турция сбрасывает с себя феодальные, султанские, халифатские ризы и становится более или менее демократически-буржуазной страной. Это есть шаг вперед. Что же делает правительство Макдональда, меньшевистское „рабочее“ правительство? Оно коронует нового халифа в Хеджасе, так-называемого шейха Мекки и Медины, чтобы иметь, в его лице, орудие колониального порабощения. Я читал в газете „Таймс“,—хотя это и консервативный орган, но он всегда выражает во внешней политике официальную линию существующего правительства, все равно: буржуазного, либерального или макдональдовского,—я читал там о том, что в Турции—увы!—рушатся августейшие, святейшие, вековые устои, и мы с глубокой печалью присутствуем при этом. А Макдональд субсидирует этого самого новоиспеченного хеджасскаго халифа потому, что для августейших учреждений требуются августейшие штаты и соответственный бюджет. В частности, штаты халифа связаны с очень обширным гаремом, который, как мы на-днях читали, недавно вывозился

из Константинополя. При существующей в Англии безработице и при затруднениях английского бюджета придется, видно, Макдональду слегка урезать субсидии безработным, чтобы покрыть дополнительные расходы на новый халифский гарем. Все это кажется анекдотом, но это факт, которого из истории не вычеркнешь...

Подумать только! Эта „цивилизованная“ и „гуманная“ Англия в лице Гладстона громила Турцию за отсталость и варварство. А теперь, когда Турция поднялась на ноги и прогоняет халифа и султана, парламентская Англия, увенчанная меньшевистским правительством Макдональда, восстанавливает халифат под своим протекторатом. Вот вам полная мера падения буржуазной демократии!

Если в связи со всем сказанным вы спросите: каковы же будут судьбы дальнейших переговоров наших с новым правительством Англии относительно возможных займов, взаимного покрытия претензий и прочего, я затрудняюсь дать хотя бы самый приблизительный ответ: как знать, что решится сделать Макдональд, и что ему позволят сделать его либеральные и консервативные контролеры? И здесь я должен исправить вторую неточность в интервью, напечатанном в „Заре Востока“. Тут сказано: Троцкий указывает на возможность того, что эти переговоры послужат рычагом, который свалит так-называемое рабочее правительство Макдональда. Не больше и не меньше! Товарищи, если бы я сказал что-нибудь подобное, то тов. Чичерин и тов. Раковский применили бы ко мне весьма строгие меры и были бы правы. Представьте себе положение: мы отправляем делегацию для переговоров, и в то же время я заявляю, что мы отправляем эту делегацию для того, чтобы мимоходом свалить Макдональда. Каким способом? С какой целью? Чтобы заменить его Болдуином или Ллойд-Джорджем? Пустяки. Ничего подобного я не сказал. Напротив, наша делегация есть один из рычагов, который может чрезвычайно упрочить положение английского правительства. При каких условиях? При смелом и решительном поведении этого правительства. В Англии безработица; ее можно сократить путем предоставления нам большого кредита, путем повышения нашей платежеспособности. Советский Союз способен создать

для английских товаров самый мощный рынок. Никакие колониальные грабежи не смогут дать английскому хозяйству те выгоды, что может дать прочный союз с нами. Кредит не филантропия. Мы воздадим сторицею. Здесь выгоды явные и обоюдные. Какие же препятствия? Капиталисты требуют с нас через Макдональда уплаты царских долгов. Когда же это сорвавшийся с веревки платил палачу за эту веревку? А мы сорвались с царской веревки и будем за нее платить английской бирже? Да нет, никогда! Наши собственные обязательства мы выполняем строго: так, мы открыто и торжественно обязались на первом Совете 1905 года не платить царских долгов, и это наше международное обязательство мы выполняем (бурные аплодисменты). Если мы теперь приходим к необходимости того или иного делового соглашения с буржуазией, мы наши новые обязательства будем строжайше выполнять. Английские банкиры, когда вы нам дадите ссуду, то до тех пор, пока вы останетесь английскими банкирами, то-есть до тех пор, пока английский пролетариат будет вас терпеть, мы будем вам аккуратно платить. А когда английский пролетариат вас свалит, тогда он унаследует от вас и наши обязательства. Вы имеете тут ясную, деловую и неоспоримую постановку вопроса. Высшей гарантией выполнения нами наших международных обязательств является наш собственный интерес! Если бы Макдональд пошел на широкое соглашение с нами, он бы себя укрепил. Я в этом нисколько не сомневаюсь. Вообще только мужественной политикой он завоевал бы сердца миллионов рабочих, и парламентскими штучками его никто не свалил бы. Как видите, это совсем не то, что мне приписано в интервью. Разговор был очень спешный, в вагоне, перед отходом поезда, коллега быстро царапал карандашом. Я не в укор это говорю, а чтобы себя реабилитировать (смех).

Что сам Макдональд всеми силами помогает себя свалить,—это для меня совершенно ясно, как и для всех вас. Либералы, как я сегодня читал в газете одним глазом, оставили в парламенте Макдональда в меньшинстве по вопросу о рабочих жилищах, и он счел себя вынужденным принять либеральный законопроект о рабочих жилищах. Что это значит? Рабочий скажет: зачем мне чесать правой рукой за левым

ухом? Зачем мне через Макдональда получать либеральный законопроект, когда я могу получить его непосредственно от либерала? Ясно, что либеральная партия таким путем не только свалит, когда захочет, Макдональда, как министра, но и подкопает тот политический авторитет, который рабочая партия имеет в рабочих рядах. Часть рабочих, более аристократическая, более хорошо поставленная, которая голосовала на последних выборах за рабочую партию, будет, вероятно, на ближайших выборах голосовать за либералов. Она скажет: это более солидная, старая фирма, незачем связываться с посредниками. А широкая рабочая масса сделает уклон влево. Каким темпом—не знаю, но несомненно, что, в результате временного меньшевистского правительственного великолепия, в рабочем классе произойдет очень значительное усиление революционного крыла. Макдональд работает на коммунистов. Да, в смысле международной революции, он работает на нас. Я, однако, вовсе не предлагаю посылать ему за это благодарственный адрес. Он действует в этом направлении не только бескорыстно, но и бессознательно. Подталкиваемый либералами и консерваторами, которые его намеренно компрометируют, обнаруживая, что он—только игрушка в их руках, Макдональд толкает английских рабочих на революционную дорогу. Вот каков будет последний результат этого исторического эксперимента,—пришествия к власти английской рабочей партии.

За недостатком времени я не останавливаюсь сегодня на Италии. Здесь, впрочем, обстановка ясна. Что итальянский фашизм, продолжая свою азартную игру, подготовляет величайший революционный реванш итальянского пролетариата,—на этот счет ни у кого из нас не может быть сомнения.

НАШЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

Таковы основные элементы европейской обстановки, как я ее понимаю. Как это отражается на нашем международном положении? Как мне кажется, ответ ясен из всего предшествующего. Мы стали сильнее. Мы получили ряд признаний. Условную цену признания мы знаем. Мы революционеры, а не юристы, но мы не отрицаем все же веса „де-юре“. Признание

имеет значение. Какое? Оно затрудняет буржуазии открытие новой борьбы против нас военным путем. Не делает, конечно, войны невозможной,—об этом смешно и говорить,—войны будут! Но внезапные нападения, как в 18—19 гг., когда везде высаживались десанты, когда шла открытая поддержка восстаний,—все это станет теперь гораздо труднее. В результате больших и малых признаний внезапная война нам не грозит; стало быть, наша международная обстановка делается обеспеченнее. Это уже большой плюс, и этот плюс мы запишем в нашу книгу на приход. Но не более того. В остальном же борьба капиталистических государств против нас продолжается полным ходом, и вражда буржуазии к нам, как вино, от времени крепнет, становится более выдержанной, более осторожной и более коварной. К тому же далеко не вся буржуазия дошла до юридического признания нас. Франция нас до сего дня еще не признала, а Франция—самая сильная военная страна в Европе, у нее могущественнейшая армия. Нас не признали и Соединенные Штаты Северной Америки. Это тоже не маленькая страна, которая сосредоточила в своих руках богатства всего мира. Я говорил вчера с красноармейцами сухумского полка и напоминал им известные стихи: „Все куплю! сказало злато, все возьму! сказал булат“. В Соединенных Штатах сосредоточено богатейшее злато буржуазии, а во Франции—сильнейший капиталистический булат, и эти две страны нас не признали. Франция по отношению к нам занимается злостным шантажем, натравливает малых сих, как Румынию и Польшу, и пытается натравить Турцию. Правда, во Франции можно в результате предстоящих вскоре выборов ждать прихода к власти так называемого „левого блока“. Внешняя политика его будет, однако, отличаться от политики Пуанкарэ вряд ли многим больше, чем политика Макдональда—от политики Болдуина. Тем временем безвыходные финансовые затруднения Франции подготовляют революционную развязку.

Соединенные Штаты продолжают переваривать в своем огромном хозяйственном желудке те богатства, которые они заграбили во время и после империалистической войны у Европы. Соединенные Штаты—ведь это тоже архидемократическая страна! Их вмешательство в последнюю империа-

листическую войну произошло из чисто-идейных побуждений— помочь демократии против милитаризма. Мы все это помним... Ограбив, обессилив и обескровив Европу, Соединенные Штаты стали колоссальной вавилонской башней буржуазного могущества. Переваривая награбленное, они держатся в стороне от европейских дел. Но в то же время тщательно готовятся к войне будущего. Авиация и газы стоят на первом месте. Соединенные Штаты, огромная фабрика мира, становятся все более фабрикой удушливых газов. Это готовится не только для ослабленной Японии, но и для Европы. В газетах попадаются сообщения в том смысле, что просвещенные американцы считают, что старые методы войны слишком варварские, устарелые, средневековые, и что необходимо применение новых методов, более тонких, химических, гуманных, которые не будут умерщвлять, но будут усыплять, и даже навевать радостные сны. Вы знаете, товарищи, какое значение имеет веселящий газ в некоторых операциях; насколько знаю, дантисты часто выдергивают зубы под этим газом. Но когда американский капитал подготовляет веселящий газ для того, чтобы, при случае, вырвать революционные зубы у Европы, то нам нужно очень и очень быть на-чеку. Пока что просвещенная Америка пробует свои газы на своих преступниках, которых там уже не электрифицируют—отсталый способ!—а подвергают воздействию „веселящих“ газов. Это последнее слово техники и квакерской гуманности! Действию своих газов американцы обещают подвергать целые города, районы, области. Вы представьте себе эту перспективу: богатая и сытая Америка посылает на голодную революционную Европу эскадрильи самолетов и сбрасывает на наши головы свои веселящие газы. Это не из фантастического романа! Уже в прошлую империалистическую войну применялись в большом масштабе отравляющие газы. Старые методы истребления оказались недостаточны. Военная химия делится ныне на две части: взрывчатые вещества и отравляющие. Я затрудняюсь сказать, какие из них более „гуманны“. В Ленинграде имеется у нас военно-химический музей, необходимое военное учреждение; но я вот вчера прочитал, что в этом музее есть плакат в том смысле, что нужно, мол, не истреблять силы врага, а парализовать их газами.

Мы тут как-будто начинаем подражать буржуазным лицемерам. Нам это не к лицу! Неправда, будто газы „гуманнее". Если завтра какая-либо страна найдет газ, способный губить сплошь целые армии, она немедленно пустит его в ход против врагов. Война в целом есть постыдное и отвратительное варварство, это мы знаем хорошо, но пошлыми фразами о гуманных способах войны мы не занимаемся. Это под-стать пуританам и квакерам, а нам это не к лицу. Мы берем факты в их натуральном виде, не обманывая ни других, ни себя. Не гуманизировать нужно войну, а уничтожить. Как? Уничтожив капиталистическое общество. Другого пути нет. Поэтому мы были и остаемся смертельными врагами буржуазного строя. Мы попрежнему, и с бо́льшим, чем когда-либо, убеждением, держим курс на социальную революцию.

— Просчитаетесь!—кричат реформисты. Ведь, вы надеялись, что война непосредственно перейдет в революцию?—Да, надеялись. И в действительности европейской буржуазии грозила смертельная опасность на исходе последней войны. Но завершилась революция только у нас. В Германии и Австро-Венгрии она остановилась на пол-пути. Франция была глубоко потрясена, в Англии развернулись могущественные стачки. Но до революции дело не дошло. А мы в 18 и 19 годах действительно ждали быстрого и победоносного развития европейской революции. Насчет темпа мы просчитались. В чем же была суть нашей ошибки? В том, что мы, несмотря на весь наш опыт, недооценивали значения революционной партии. Революционная обстановка была налицо. Европа была расшатана до основ. Рабочие и крестьяне выходили из окопов со скрежетом зубов. Чего нехватало Европе? Нехватало большевистской партии,—и только. Мы надеялись, что партия быстро создастся под огнем. Между тем обнаружилось, что требуется известный период для ее сложения, внутреннего отбора, вызревания, закала. Не такой долгий период, какой требовался нашей партии для ее подготовки, но и не такой короткий, как мы хотели-было надеяться. И вот в 1918—1919 гг. для пролетарской революции было готово все,—кроме пролетарской партии. Тем не менее, в этот первый послевоенный час капиталистическая Европа испытала свой первый

апоплексический удар. Она устояла, оправилась и пытается даже делать вид, будто она почти-что совсем здорова. Но мы твердо знаем, что она пользуется лишь исторической отсрочкой—между первым и вторым ударом. Мы ждали в прошлом году победы германского пролетариата, что, конечно, отразилось бы во всей Европе и во всем мире. Оказалось, что и на этот раз мы недооценили значение партийной подготовки: хотя коммунистическая партия в Германии—честная и революционная партия, но она все-таки не была настоящим образом подготовлена, она не сумела, подобно нашей партии, активно маневрировать, не сумела решиться в грозный час поставить все силы на карту, отстранить сомнения и сомневающихся, ринуться вперед и дойти до конца (бурные аплодисменты). Вот почему второй удар, смертельный, еще не нанесен. Германская буржуазия пробует оправиться, изменяя в свою пользу политическое соотношение сил. Мы живем в промежуточный период между первым и вторым революционным ударом, который должен покончить с европейской буржуазией. Как долго продлится этот срок,—мы не знаем. Капиталистический организм—это все же могучий организм, и даже в процессе агонии, в предсмертных судорогах, он способен наносить жесточайшие удары. А по кому же могут придтись эти удары, как не по Советскому Союзу? Вот почему нам и после всех „признаний“ нужно быть наготове.

ВНУТРЕННИЕ ЗАДАЧИ.

Основным условием нашей устойчивости и обороноспособности является успешное развитие нашего хозяйства, т.-е. прежде всего развитие нашей промышленности, приспособленное к нуждам и потребностям крестьянских масс, воздействие через промышленность на сельское хозяйство, под‘ем сельского хозяйства, укрепление связи между промышленностью и сельским хозяйством, укрепление тем самым наших финансовых завоеваний на пути перехода к устойчивому денежному знаку. Мой доклад посвящен не этим сложным вопросам, которые я называю только по имени. Мы достигли в экономической области большого успеха уже одним тем, что сдвинули хозяйственное тело нашей страны с мертвой точки. Уровень производительных сил повышается.

Но он повышается одновременно в двух направлениях: в социалистическом и капиталистическом. Все зависит от соотношения между ними. Наши основные усилия направляются по той линии, чтобы социалистическое накопление шло быстрее, чем капиталистическое накопление, которое имеет место на основе нэп'а. Международная борьба, которую мы ведем, имеет свое прямое продолжение в экономической борьбе в рамках нашего Советского Союза. Перевес накоплений государственного хозяйства над частным является основной предпосылкой нашей устойчивости внутри и во вне. Эта задача еще не разрешена. Но если мы успели все же создать такие условия, при которых нас „признала" империалистическая буржуазия, т.-е. оказалась вынуждена считаться с нашим длительным существованием; если мы сохраняем такие политические условия внутри, при которых мы сами свободно решаем, до какой линии, до какой черты мы допускаем частный капитал и какие уступки ему делаем; если принять во внимание вместе с тем, что мы за эти семь лет накопили большой опыт, подобного которому в истории не бывало,—то у нас нет никакого основания сомневаться в том, что мы справимся и с основной задачей хозяйственного строительства.

Политическое условие этого—неразрывная связь партии и класса. И на этот счет мы за последний период имеем самые благоприятные и притом неоспоримые показания. Важнейший политический факт последних месяцев и недель—это приток рабочих от станка в ряды нашей партии. Это есть лучшая форма проявления воли основного революционного класса нашей страны, который поднял руки и сказал: вотирую доверие РКП, она ведет не обманную линию борьбы с буржуазией, знает, когда нужно уступить и сколько уступить, но основного не уступит никогда. Этот вотум есть верная, надежная, безошибочная проверка, по сравнению с которой парламентские вотумы являются призрачными, поверхностными, а чаще всего просто шарлатанскими. Этот самопроизвольный вотум пролетарского доверия есть основная политическая гарантия не только нашего существования, но и наших дальнейших успехов. На этой основе можно строить и должно строить.

На эту основу будет прежде всего опираться и наше дальнейшее военное строительство. Мы должны поднять военную технику, создав тесную связь между нею и промышленностью. Нам нужна крепкая, сильная военная авиация, идущая рука-об-руку с авиацией гражданской. Если мы хотим оградить наши города от усыпляющих, веселящих и мертвящих газов буржуазии, мы должны иметь эскадрильи своих воздушных разведчиков и воздушных защитников наших советских границ. При нынешней технике и нынешних способах войны авиация превращается в грозную силу только в том случае, если она помножена на химию. У них химия, и у нас будет боевая химия. Химия взрывчатых веществ и химия отравляющих веществ должны стать кровным делом рабочего и работницы, крестьянина и крестьянки нашего Союза, ибо дело идет об обороне революции. Мы хотим быть независимыми, мы хотим жить, мы обороняемся и обеспечиваем себя. Нам нужен воздушный флот. Мы его создаем. Мы его создадим. У нас есть Общество Друзей Воздушного Флота. Теперь нам нужно частной, советской, партийной и профессиональной инициативой создать общество друзей военной химии. Мы бедны, но у нас есть воля к жизни, воля к борьбе и к победе (бурные аплодисменты). Они техникой сильнее нас, но исход войны решает не голая техника, а моральная сила, помноженная на технику. Моральные силы войны за нас. Вот свежий пример. Мы недавно по добровольному соглашению расширили пределы Советской Белоруссии вдвое. Там было полтора миллиона населения, а теперь четыре миллиона. Что это означает? Это означает то, что мы прежде всего выполнили элементарный долг: белорусс имеет право жить в своей Белоруссии. А с военной точки зрения это равносильно трем новым корпусам Красной Армии (бурн. аплодисм.). Вы мне можете бросить упрек, зачем открыто я говорю здесь об этом,—Польша может таким путем узнать наши „секреты“. Пусть узнает и пусть попробует нам подражать, пусть даст своим белоруссам автономию, пусть попытается нас ослабить таким путем!..

Мы сейчас все больше переходим на территориальную систему. Кто это может позволить себе? Только та страна, в

которой нет противоречия и вражды между правящим классом и народом, между командирами и рядовым составом армии. Ни одна из буржуазных стран не может перейти на милицию. А мы можем! Вот моральная сила Красной Армии. Как будет себя держать солдат той или другой страны в случае европейского конфликта,—этого не знает господствующий класс ни одной буржуазной страны. Но как будет себя держать наш красноармеец и наш красный моряк,—это мы все знаем прекрасно (бурн. аплодисм.).

Товарищи, каждый из нас сейчас делает какую-нибудь частную и частичную работу. Мы часто повторяем, что нам нужно учиться торговать. Если бы прочитали наши газеты с Марса или с Луны, то, пожалуй, подумали бы, что здесь живет какая-то раса мелких торгашей. Но нет! Мы учимся торговать, но революционной своей души не проторгуем. Мы остаемся такими же, какими были в ночь с 24-го на 25-е октября 1917 года (бурные аплодисменты). В нашей экономической работе, в нашей культурной работе, в нашей военной работе мы ведем себя так, чтобы подготовиться на тот случай, если бы буржуазия удержалась еще в течение ряда лет. Но если бы завтра - послезавтра Европа была охвачена новой революционной судорогой, и пролетариат Германии и Франции взглянул бы в нашу сторону, ища поддержки и помощи Советского Союза, все равно, взглянул ли бы он на Москву или на Тифлис (голоса: все равно!) или на другие центры нашего Союза, он нашел бы в нас тех же железных, стальных большевиков, учеников и преемников дела Ленина, сплоченных суровой дисциплиной, готовых драться до конца там, где этого требует революция (бурные аплодисменты. Интернационал).

---

2. Перспективы и задачи на Востоке.

(Речь на трехлетнем юбилее Коммунистического Университета Трудящихся Востока 21-го апреля 1924 года).

От бюро вашей ячейки, товарищи, я получил материалы, характеризующие работу вашего университета за 3 года, при чем по моей просьбе товарищи отчеркнули красным карандашом все наиболее существенное и этим значительно облегчили мне ознакомление с материалами, ибо—не знаю, как сказать,—к стыду ли, к горю ли моему, но я не имел возможности внимательно, не только изо дня в день, но даже из месяца в месяц, следить за работой вашего университета, который имеет исключительное и, вовсе не для юбилейного преувеличения скажу, всемирно-историческое значение.

Товарищи, хотя на юбилейных собраниях и не полагается, может быть, вдаваться в теорию, но позвольте все же высказать несколько соображений общего характера, которые должны оправдать мое заявление, что ваш университет не есть простое учебное заведение, хотя бы и революционное, а есть рычаг всемирно-исторического значения...

Все нынешнее политическое и культурное движение опирается на капитализм, из него вырастает, из него выросло, его переросло. Но капитализм, схематически говоря, имеет два разных облика—капитализм метрополии и капитализм колоний. Классический образец метрополии—Англия. В данное время она увенчана так называемым „рабочим" правительством Макдональда. Колонии... я затрудняюсь сказать, какая из них более типична, как колония: будет ли это Индия—колония в формальном смысле, или Китай, который сохраняет видимость независимости, но по мировому положению своему и по ходу своего развития принадлежит к колониальному типу. Классический капитализм в Англии. Маркс свой „Капитал" писал в Лондоне, наблюдая непосредственно развитие наиболее передовой страны, вы это знаете, — не помню, на каком курсе

вы это проходите... В колониях капитализм развивается не на собственных дрождях, а вторжением иностранного капитала. Вот что создает два разных типа. Почему Макдональд, если говорить не очень научными, но все же вполне точными терминами, почему Макдональд так консервативен, так ограничен, так туп? Потому что Англия классическая страна капитализма, потому что там капитализм развивался органически от ремесла через мануфактуру к современной индустрии, шаг за шагом, „эволюционным" путем, и вчерашние предрассудки и предрассудки третьего дня и предрассудки прошлого и запрошлого столетий, весь идейный мусор веков, вы можете открыть под черепом Макдональда (аплодисменты).—Тут на первый взгляд какое-то историческое противоречие: почему Маркс появился в отсталой Германии, в самой отсталой из великих стран Европы в первой половине XIX столетия,—не считая, конечно, России,—почему Маркс появился в Германии,—и почему Ленин появился в России, на рубеже XIX и XX столетия? Явное противоречие! Но какое? Такое, которое об'ясняется так называемой диалектикой исторического развития. В виде английских машин, в виде английского ситца история создала самый революционный фактор развития. Но эти машины и этот ситец в Англии вырабатывались и создавались путем длительного и медленного исторического перехода со ступеньки на ступеньку, а человеческое сознание вообще страшно консервативно. Когда экономическое развитие идет медленно и планомерно, ему трудно бывает пробить человеческие черепа. Суб'ективисты и вообще идеалисты говорят, что человеческое сознание, критическая мысль и прочее, и прочее тянут историю вперед, как буксир тащит за собою баржу. Это неверно. Мы с вами—марксисты, и знаем, что движущим фактором истории являются производительные силы, которые слагались до сих пор за спиной человека и которым очень трудно бывает прошибить консервативный череп человека, чтобы вызвать там искру новой политической идеи, особенно, повторяю, если развитие происходит медленно, органически, незаметно. Но когда производительные силы метрополии, классической страны капитализма, как Англия, вторгаются в более отсталые страны, как это было с Германией в первой половине XIX столетия,

и с нами—на переломе от XIX столетия к XX-му, и в настоящее время с Азией, когда экономические факторы вторгаются революционно, ломая старый строй, когда развитие происходит не постепенно, не „органически", а путем страшных потрясений, резких сдвигов старых социальных пластов, тогда критическая мысль несравненно легче и скорее находит свое революционное выражение, разумеется, если в стране есть необходимые для этого теоретические предпосылки. Вот почему Маркс появился в Германии в первой половине XIX века, вот почему Ленин появился у нас и вот почему мы наблюдаем на первый взгляд тот парадоксальный факт, что в стране наиболее высокого, наиболее старого и заслуженного европейского капитализма, в Англии, мы имеем самую консервативную „рабочую" партию. А с другой стороны, в нашем Советском Союзе, в стране хозяйственно и культурно крайне отсталой, мы имеем (скажем это, не стесняясь, ибо это факт) лучшую в мире коммунистическую партию (аплодисменты).

Надо сказать, что Россия по своему экономическому развитию стоит посредине между классической метрополией, как Англия, и колониальными странами, как Индия или Китай. И то, что отличает наш Советский Союз от Англии в отношении путей и форм развития, то еще более ярко проявится в развитии стран Востока. Туда капитализм вторгается в виде иностранного финансового капитала. Он бросает туда готовые машины, сотрясает там и подрывает старую экономическую базу и воздвигает на ее осколках вавилонские башни капиталистического хозяйства. Действие капитализма в странах Востока не постепенное и медленное, не „эволюционное", а резкое, катастрофическое—во многих случаях гораздо более катастрофическое, чем у нас, чем в бывшей царской России.

С этой основной точки зрения, товарищи, надо рассматривать судьбу Востока в ближайшие годы и в ближайшие десятилетия. Если вы возьмете такие прозаические книги, как счета английских и американских банков за 1921-22-23 г.г., то в цифрах банковских балансов Лондона и Нью-Иорка вы прочтете завтрашнюю революционную судьбу Востока. Англия снова восстановила свою роль мирового ростовщика. Соединенные Штаты накопили невероятное количество золота: в подвалах

Центрального Банка хранится золота на 3 миллиарда долларов, т.-е. на 6 миллиардов золотых рублей. Это затопляет хозяйство Соединенных Штатов. Если вы спросите: кому дают взаймы Англия и Соединенные Штаты,—нам, Советскому Союзу, как вы, вероятно, слышали, они еще не дают, Германии не дают, Франции дали жалкие крохи на спасение франка,—кому же они дают? Они дают, главным образом, колониальным странам, финансируют промышленное развитие Азии, Южной Америки, Южной Африки. Я не буду приводить вам цифры,—они у меня имеются, но это слишком затянуло бы мой доклад,—достаточно сказать, что до последней империалистической войны колониальные и полуколониальные страны получали от Соединенных Штатов и Англии, вероятно, раза в два меньше кредитов, чем страны развитого капитализма, а сейчас финансовые вклады в страны колониальные превышают, и очень значительно превышают, вклады в старые капиталистические страны. Почему? Причин много, но главных две: недоверие к старой Европе, разоренной, обескровленной, с этим бешеным французским милитаризмом в сердцевине—милитаризмом, который грозит новыми и новыми потрясениями; а, с другой стороны, нужда в колониальных странах, как в поставщиках сырья и потребителях машин и фабрикатов Англии и Соединенных Штатов. Мы наблюдали за время войны и наблюдаем сейчас бешеную индустриализацию колониальных, полуколониальных, вообще запоздалых стран: Японии, Индии, Южной Америки, Южной Африки... Нет никакого сомнения в том, что если китайской партии Гоминдан удастся об'единить Китай под национально-демократическим режимом, то капиталистическое развитие Китая пойдет вперед семимильными шагами. А это все готовит мобилизацию неисчислимых пролетарских масс, которые будут вырываться сразу из доисторического полуварварского состояния и будут ввергаться в фабричный котел индустрии. Там не будет, следовательно, времени для сохранения и накопления в сознании трудящихся мусора веков; нет, в их сознании как бы пройдет гильотина, которая сразу отрежет прошлое от будущего и заставит их искать новых идей, новых форм, новых путей жизни и борьбы. И вот тут должны, в одних странах впервые появиться на сцену, в других—широко и смело развернуться,

марксистски-ленинские партии Востока: японские коммунисты, китайские коммунисты, турецкие, индийские и пр.

Товарищи трудящиеся стран Востока! В 1883 году была образована в Швейцарии русская группа Освобождения Труда. Давно ли? — от 1883 г. до 1900 г. — 17 лет, и от 1900 г. до 1917 г.—тоже 17 лет, а вместе 34 года,—одна треть столетия—одно поколение: от организации первого теоретически-пропагандистского кружка идей марксизма в царствование Александра III и до завоевания пролетариатом царской России прошла всего на всего одна треть столетия! Кто это переживал, тому это кажется большим и тяжким периодом. Но с точки зрения масштабов истории, это небывалый, неистовый, бешеный темп. А в странах Востока темп развития будет, по всем данным, еще более быстрым. Что же такое ваш Коммунистический Университет Трудящихся Востока в свете намеченной перспективы—что это такое? Это—рассадник групп освобождения труда для стран Востока (бурные аплодисменты).

Правда,—не надо себе закрывать на это глаза, — опасности перед молодыми марксистами Востока велики. Мы знаем, и вы это знаете, что в тяжелой не только внешней, но и внутренней борьбе слагалась Большевистская Партия. Вы знаете, что марксизм, оскопленный и фальсифицированный, был у нас в девяностых годах XIX столетия школой повального политического обучения буржуазной интеллигенции — струвианцев, которые потом стали политическими приказчиками буржуазии, кадетами, а многие перешли затем к октябристам и дальше направо. Экономически отсталая Россия была и в политическом смысле страной не дифференцированной, не сложившейся: марксизм говорил о неизбежности капитализма, и те буржуазно-прогрессивные элементы, которые хотели капитализм не для социализма, а для капитализма, принимали „марксизм“, удаливши из него его революционное жало. То же самое было в Румынии. Большинство из нынешних правящих прохвостов Румынии прошло в свое время через маргариновую школу марксизма; кое-кто из них примыкал во Франции к гэдизму. В Сербии целый ряд нынешних консервативных и реакционных политиков в молодости своей проходили школу марксизма или бакунизма. В Болгарии это наблюдалось меньше. Но вообще эта

временная эксплоатация марксизма для целей буржуазно-прогрессивной политики характеризует страны балканского юго-востока, как и нашу собственную страну. Грозит ли такая опасность марксизму Востока? Отчасти. Почему? Потому что национальное движение на Востоке есть прогрессивный фактор истории. Борьба за независимость Индии—это глубоко прогрессивное движение; но мы с вами знаем в то же время, что эта борьба ограничена национально-буржуазными задачами. Борьба за освобождение Китая, идеология Сун-Ят-Сена, это—борьба демократическая, идеология прогрессивная, но буржуазная. Мы стоим за то, чтобы коммунисты поддерживали Гоминдан в Китае, толкая его вперед. Это необходимо, но здесь есть и опасность национально-демократического перерождения. И так во всех странах Востока, которые являются ареной национальной борьбы за освобождение от колониального рабства. На это прогрессивное движение молодой пролетариат Востока должен опереться; но совершенно ясно, что в ближайший период для молодых марксистов Востока есть опасность быть вырванными из „групп освобождения труда“ и раствориться в национальной идеологии.

В чем, однако, ваше преимущество? Ваше преимущество перед старшими поколениями русских, румынских и др. марксистов в том, что вы живете, будете жить и работать не только в эпоху после Маркса, но и в эпоху после Ленина. Ваше преимущество в том, что вы непосредственно вырастаете из такой эпохи, которая войдет в историю, как эпоха Ленина. Я читал в вашей газете, которую мне так любезно с отметками прислало бюро вашей ячейки, горячую полемику о Марксе и Ленине. Полемизируете вы друг с другом очень круто; говорю вам это, впрочем, не в укор. Там вопрос становился так, что, мол, по мнению одних, Маркс был будто бы только теоретиком,—так изображала эту позицию противная сторона, и она же возражала: нет, Маркс был революционным политиком, как и Ленин, и у Маркса, и у Ленина теория и практика шли рука об руку. В такой общей отвлеченной формулировке это безусловно верно и неоспоримо; но есть же разница между этими двумя историческими фигурами, — глубокая разница, которая выросла не только из различия индивидуальностей, но и из различия эпох. Марксизм, разумеется, не есть академическое

учение, а рычаг революционного действия; не даром же Маркс сказал: „философы достаточно истолковывали мир, а надо его переделать". Но при жизни Маркса, в эпоху I Интернационала, затем во время II Интернационала, была ли возможность использования марксизма движением рабочего класса полностью и до конца? Нашел ли тогда марксизм подлинное воплощение в действии? Нет, не нашел. Имел ли Маркс возможность и счастье руководить применением своей революционной теории в решающем историческом действии: завоевания власти пролетариатом? Нет, не имел. Учение свое Маркс создал, конечно, не как академик; он сам ведь вырос целиком из революции, из оценки и критики крушения буржуазной демократии, он написал свой „Манифест" в 47 году, он проделал на левом фланге буржуазной демократии революцию 48 года, оценивая по-марксистски или по-марксовски все ее события; он в Лондоне написал „Капитал"; он был в то же время творцом I Интернационала, вдохновителем политики передовых групп рабочего класса всех стран; но он не стоял во главе партии, которая решала судьбы мира или хотя бы одной страны. Когда мы хотим коротко ответить на вопрос: кто такой Маркс? мы говорим: „Маркс—автор „Капитала". А когда мы себя спросим, кто такой Ленин, мы скажем: „Ленин — автор октябрьского переворота" (аплодисменты). Ленин больше, чем кто бы то ни было другой, подчеркивал, что не собирается ревизовать, переделывать, пересматривать учение Маркса; Ленин пришел, говоря старыми евангельскими словами, не для того, чтобы изменять марксов закон, а для того, чтобы исполнить его. Он сам больше, чем кто бы то ни было, подчеркивал это; но ему в то же время понадобилось высвободить Маркса из-под наслоений тех поколений, которые отделяли Ленина от Маркса; из-под наслоений каутскианства, макдональдовщины, консерватизма рабочих верхов, реформистской и националистической бюрократии, и оружие подлинного марксизма, очищенное от наслоений, примесей и фальсификации, применить в величайшем историческом действии полностью и целиком. И вот ваше, как молодого поколения, величайшее преимущество в том, что вы в этой работе прямо или косвенно участвовали, что вы ее наблюдали, что вы живете в политическом

и идейном окружении ленинизма, что вы эту совпадающую с практикой теорию впитываете в себя в Университете Трудящихся Востока. Это есть огромное и неоценимое ваше преимущество, и вы должны его понять. Если сам Маркс в теории своей мог обнять ход развития десятилетий и столетий, то учение его затем разменивалось на отдельные элементы в повседневной борьбе, впитывалось по частям и искаженно. Ленин пришел, собрал марксизм заново и в новых условиях и показал это учение в действии величайшего исторического масштаба. Вы это действие видели, вы к нему приобщились,—и это обязывает, и на этом обязательстве построен Коммунистический Университет Трудящихся Востока.

Вот почему, товарищи, я думаю, что опасность национально-демократического перерождения, — которая существует, конечно, и кое-кого захватит и унесет, иначе и не может быть,— что опасность эта чрезвычайно уменьшается фактом существования Советского Союза и Третьего Интернационала. Есть все основания надеяться, что основное ядро, которое выйдет из Коммунистического Университета Трудящихся Востока, займет свое надлежащее место в качестве классовой закваски, марксистской закваски, ленинской закваски в движении пролетариата стран Востока. Спрос на вас, товарищи, проявится гигантский, он обнаружится, как я уже говорил, не постепенно, а сразу, тоже в своем роде „катастрофически". Перечтите одну из последних статей Ленина „Лучше меньше, да лучше", она посвящена как бы специальному организационному вопросу, но она захватывает в то же время перспективы развития стран Востока в связи с развитием Европы. Какова главная мысль статьи? Основная мысль та, что развитие революции на Западе может задержаться. Чем оно может задержаться? Макдональдовщиной, ибо самая консервативная сила в Европе — это макдональдовщина. Мы видим, как Турция упраздняет халифат, а Макдональд его восстанавливает. Разве это не поразительный пример, ярко противопоставляющий на деле контр-революционный меншевизм Запада и прогрессивный национально-буржуазный демократизм Востока? В Афганистане происходят сейчас поистине драматические события: Англия Макдональда опрокидывает там левое национально-буржуазное крыло, стремящееся

европеизировать независимый Афганистан, и пытается восстановить там у власти самые темные и реакционные элементы, проникнутые худшими предрассудками панисламизма, халифата и пр. Взвесьте эти две силы в их живом столкновении и сразу станет ясно, почему Восток все больше будет тяготеть к нам, к Советскому Союзу, к Третьему Интернационалу.

Мы видим, как Европа, обеспечивши своим прошлым развитием чудовищный консерватизм верхов рабочего класса, все больше и больше подвергается экономическому распаду и разложению. Ей нет выхода. И это выражается, в частности, в том, что Америка не дает ей взаймы, справедливо не доверяя ее хозяйственной жизнеспособности. С другой стороны, мы видим, как та же Америка, та же Англия вынуждены финансировать хозяйственное развитие колониальных стран, толкая их бешеным темпом на путь революции. И если Европа будет задержана в нынешнем состоянии гниения этой тупоумной цеховщиной, аристократической, привилегированной макдональдовщиной верхов рабочего класса, то центр тяжести революционного движения перенесется целиком и полностью на Восток. И тогда окажется, что если нужен был ряд десятилетий капиталистического развития Англии, чтобы при помощи этого революционного фактора поднять на дыбы нашу старую Россию и старый Восток, то понадобится затем революция Востока, чтобы, вернувшись в Англию, прошибить или расшибить, если понадобится, кое-какие толстые черепа и дать толчок революции европейского пролетариата (аплодисменты). Такова одна из исторических возможностей. Ее нужно иметь перед своим умственным оком.

Я читал в доставленных мне вами материалах о том, какое колоссальное впечатление произвела слушательница вашего Университета, турчанка, в Казани, где вокруг нее собирались женщины, в том числе старые и безграмотные. Маленький эпизод, но, как показатель, он имеет опять-таки глубокое историческое значение. Смысл, сила и сущность большевизма в том, что он обращается не к верхам рабочего класса, а к толще, к низам, к миллионам, к угнетенным из угнетенных. Вот почему не теоретическим содержанием своим, еще далеко не усвоенным, не продуманным, но освободительным веянием своим он стал излюбленным учением стран Востока. Мы читаем

в вашей же газете новые и новые подтверждения того, что имя Ленина известно не только в саклях Кавказа, но и в глубинах Индии. Мы знаем, что в Китае трудящиеся, которые, вероятно, не прочли в своей жизни ни одной статьи Ленина, страстно тяготеют к большевизму, ибо — так могуче веяние истории! Они почувствовали, что это есть учение, которое обращается к париям, к угнетенным, к придавленным, к миллионам, к десяткам, сотням миллионов, которым нет иначе исторического выхода, которым нет иначе спасения. И вот почему ленинизм встречает страстный отклик в сердцах трудящихся женщин—потому что нет более угнетенного сословия на земле, как трудящаяся женщина! Когда я читал, как слушательница вашего Университета выступала в Казани, и как собирались вокруг нее неграмотные татарки, я вспомнил свое недавнее краткое пребывание в Баку, где я в первый раз видел и слышал тюркскую коммунистку, где я наблюдал в зале несколько десятков, может быть, сотню тюркских коммунисток, видел и слышал их энтузиазм, эту страсть вчерашней рабыни из рабынь, которая услышала новое слово освобождения, пробудилась к новой жизни,—и где я впервые с полной ясностью продумал и сказал себе, что в движении народов Востока женщина будет играть большую роль, чем в Европе и чем у нас (аплодисменты). Почему? Да именно потому, что восточная женщина еще несравненно больше, чем мужчина, закабалена, подавлена, опутана предрассудками,—и новые хозяйственные отношения и новые исторические веяния вырывают ее с еще большей силой, с еще большей резкостью, чем мужчину, из старых неподвижных отношений. Мы наблюдаем и сейчас еще на Востоке господство ислама, старых предрассудков, верований, обычаев, но это все больше и больше превращается в прах и тлен. Вот как истлевшая ткань,—когда смотришь на нее на расстоянии, она, как-будто бы, цела, весь узор налицо, все складки сохранились, но достаточно движения руки, порыва ветра, чтобы вся ткань разлетелась прахом. И вот на Востоке старые верования, которые кажутся такими глубокими,—на самом деле только тень прошлого: отменили в Турции халифат, и ни один волос не упал с головы тех, кто посягнул на халифат,—это значит, что старые верования

Востока истлели, и что при ближайшем историческом движении революционных трудящихся масс старые верования не представят серьезного препятствия. А это вместе с тем значит, что наиболее парализованная в жизни, в быту, в творчестве восточная женщина, рабыня из рабынь, что она, снявши — по требованию новых экономических отношений—свое покрывало, почувствует себя сразу лишенной какойбы то ни было духовной опоры; у нее будет страстная жажда получить новые идеи, новое сознание, которые позволили бы ей осмыслить ее новое положение в обществе. И не будет лучшего товарища на Востоке, лучшего борца за идеи революции, за идеи коммунизма, как пробужденная женщина-работница (аплодисменты).

Товарищи, вот почему ваш Университет имеет всемирно-историческое значение. Пользуясь идейным и политическим опытом Запада, он подготовляет великую революционную закваску для Востока. Час ваш пробьет скоро. Финансовый капитал Англии и Америки разрушает хозяйственные основы Востока, бросает пласты на пласты, крушит старое и порождает потребность в новом. Вы явитесь, как сеятели, с семенами идей коммунизма, и революционная производительность вашей работы будет неизмеримо выше, чем производительность работы старых марксистских поколений Европы.

Но, товарищи, я бы не хотел, чтобы из сказанного мною были сделаны выводы в духе какого-либо восточного высокомерия (смех). Я вижу, что так никто из вас меня и не понял... Ибо, если бы кто-либо проникся таким мессианистическим высокомерием и презрением к Западу, то отсюда уже самый короткий и быстрый переход к растворению в национально-демократической идеологии. Нет, коммунисты-революционеры Востока в своем Университете должны учиться рассматривать мировое движение в его целом, сопоставляя и связывая силы Востока и Запада под углом единой великой цели. Нужно уметь сочетать восстание индусских крестьян, стачку носильщиков в портах Китая, политическую пропаганду буржуазных демократов Гоминдана, борьбу корейцев за независимость, буржуазно-демократическое возрождение Турции, хозяйственную и культурно-воспитательную работу в Советских республиках Закавказья, — нужно уметь все это идейно и практически связать

с работой и борьбой Коммунистического Интернационала в Европе и, в частности, в Англии, где медленно—медленнее, чем многие из нас хотели бы, но неотразимо—крот британского коммунизма подкапывает консервативные твердыни Макдональда (аплодисменты). Ваш трехлетний юбилей сам по себе, конечно, очень скромный юбилей. Многие из вас находятся только у порога марксизма. Но преимущество ваше перед старшим поколением, я повторяю, состоит в том, что вы азбуку марксизма изучаете не в оторванных от жизни эмигрантских кружках, в странах господствующего капитализма, как приходилось нам, а на почве, завоеванной ленинизмом, на почве, пропитанной ленинизмом, на почве, окутанной идейной атмосферой ленинизма. Вы не только изучаете марксизм по книжкам, но имеете возможность вдыхать его в политической атмосфере этой страны. Это относится не только к тем, которые прибыли сюда из восточных республик, входящих в состав Советского Союза, это относится и к тем,—и значение их, конечно, никак не меньше!—которые явились сюда из угнетенных колониальных стран. Развернется ли последняя глава революционной борьбы с империализмом через год, через два, через три или через пять, мы не знаем; но мы знаем зато, что каждый год даст новый выпуск из Коммунистического Университета Востока. Каждый год даст новую ячейку коммунистов, которые знают азбуку ленинизма и которые видели, как эту азбуку применяют на деле. Если пройдет до решающих событий год, мы будем иметь один выпуск; если пройдет два года, мы будем иметь два выпуска; если пройдет до решающих событий три года, мы будем иметь три выпуска. И в момент этих решающих событий студенты Коммунистического Университета Трудящихся Востока скажут: „Мы здесь. Мы кое-чему научились. Мы умеем не только идеи марксизма и ленинизма перевести на язык Китая, Индии, Турции, Кореи; мы научились также переводить на язык марксизма страдания, страсти, требования и надежды трудящихся масс Востока“. „Кто вас научил этому?“—спросят они. „Нас научил этому Коммунистический Университет Трудящихся Востока“. И они скажут тогда то, что я сейчас говорю в день вашего трехлетнего юбилея: „Слава, слава и слава Коммунистическому Университету Востока“ (шумные овации и „Интернационал“.)

3. Первое Мая на Западе и на Востоке.

К тридцать пятой годовщине Первомайского праздника.

(Речь на торжественном заседании пленума Моск. Совета 29 апр. 1924 г).

Товарищи, праздник 1-го мая был учрежден II Интернационалом 35 лет тому назад. Его учреждали непосредственные ученики Маркса и Энгельса, в их числе — старик Вильгельм Либкнехт, один из основателей германской социал-демократии. Идя сюда, я перелистывал последние телеграфные сведения, которые до вас не дошли за отсутствием в эти праздничные дни газет, и в этих сведениях телеграфного агентства я нашел ряд сообщений о том, как демократическая Европа готовится к празднованию 1-го мая. Позвольте поделиться с вами. Баварское правительство опубликовало распоряжение, запрещающее организацию первомайской демонстрации. В Галле с.-д. представители правительства запретили предполагавшуюся первомайскую демонстрацию, организуемую профсоюзами. Саксонское правительство, в котором социал-демократы имеют большинство, запретило организацию первомайских уличных демонстраций, и, наконец, в Берлине социал-демократический полицей-президент запретил первомайские уличные шествия. Представьте себе на миг, что старик Вильгельм Либкнехт, основатель германской социал-демократии и учредитель первомайского праздника, появился бы на улицах Берлина и поглядел бы, послушал бы, как его ученики или те, которые называют себя таковыми,—как президент Германской Республики, полицей-президент Берлина, саксонское с.-д. правительство,—одним словом, как „революционная, марксистская“ с.-д. партия, созданная Вильгельмом Либкнехтом,—как она готовится к празднованию 1-го мая! Подумать только: саксонское социал-демократическое правительство прямо заявило, что все попытки уличных шествий будут подавлены вооруженной рукой. Вот, т.т., маленькая страничка истории: всего 35 лет от основания праздника и до сегодняшнего дня,—но какая потрясающая история гниения мировой и, в первую голову, европей-

ской социал-демократии, история развращения ее вождей, история закабаления рабочих масс бюрократией профсоюзов, история изменнической выдачи трудящихся масс вырождающемуся—в кровавой обстановке империализма—капиталу! Надо ли говорить, что остальная европейская социал-демократия не отстает от германской. В Венгрии, в Польше—что уж говорить о Румынии?—во Франции—первомайские уличные шествия запрещены. А во всех этих государствах социал-демократы, меньшевики, если и не участвуют непосредственно во власти, то являются прямыми или косвенными столпами существующего порядка.

Таковы судьбы первомайского праздника за эти 35 лет, т.-е. за одно человеческое поколение. Судьбы эти предстанут пред нами еще ярче, если проследить их ближе на основных первомайских требованиях пролетариата. Напомним о них: 8-мичасовой рабочий день, за который боролись поколения рабочего класса, международная солидарность трудящихся, борьба с милитаризмом—три основных первомайских лозунга.

8-мичасовой рабочий день! Он в большей или меньшей степени осуществился в Европе в результате первого пролетарского натиска после империалистической войны. Но сейчас от 8-мичасового рабочего дня в Европе остается все меньше и меньше. Если, товарищи, есть сейчас страна, если есть государство, которое имело бы право в минуту острой нужды потребовать от своих трудящихся дополнительных усилий; если есть вообще страна, где рабочий класс мог бы, в случае нужды, дать и 9-ый и 10-ый час труда,—так это только рабочая республика, которая еще не вышла из нужды, из темноты и где пролетариат работает на себя. Тем не менее, единственной страной, которая сохраняет и сохранит 8-мичасовой рабочий день, как основной закон своего Кодекса труда, является наша Советская Республика, и у нас—8-мичасовой день является предпосылкой материального, духовного, культурного под'ема рабочего класса (аплодисменты). Мы являемся не только непримиримыми противниками, врагами нынешнего II Интернационала,—мы являемся его прямыми наследниками: то, что было в нем освободительного, прогрессивного, движущего вперед, то мы все переняли, и в том числе—первомайский праздник. Для нас это величайший праздник освобождения,—в то время, как

германская социал-демократия подавляет его насилием. То же самое, что с 8-мичасовым рабочим днем,—и со всеми остальными первомайскими лозунгами.

Братство народов! — Лозунг, который социал-демократия переняла от идеалистической буржуазной демократии, получает совсем особый исторический смысл в нынешней раздробленной, обескровленной империалистской войной Европе. Буржуазные пацифисты в отчаянии называли после-версальскую Европу „сумасшедшим домом". Прошло несколько лет. Европа все такая же, какой она вышла из страшной версальской кухни. Европа разделена границами, которые проведены соединенной рукой подлости и кретинизма. Европа разбита на клочки, в которых задыхаются хозяйство и культура народов. По всем границам—ненависть, свара и борьба. И европейская социал-демократия, II Интернационал,—они приложили свою руку к созданию этого подлейшего порядка, под кровлей которого европейский пролетариат встречает 35-ую годовщину 1-го мая.

Братство народов! Америка издает закон, воспрещающий японцам вступление на американскую почву. Японцы—низшая раса—желтая раса! Япония душит Корею. Япония вместе с буржуазной Европой и Америкой стремится задушить Китай. Как раз последние номера газет принесли телеграмму, которую следует каждому закрепить в своей памяти. Она касается маленького, совсем-таки маленького эпизода в Пекине. Мы, достаточно старые политики, знаем, что такое империализм, что такое великобританское колониальное владычество и высокомерие; знаем, как живут угнетенные народы Востока,—и, тем не менее, товарищи, каждый новый факт, иллюстрирующий живую ткань колониального рабства, кажется невероятным и поражает сознание. Вот я, например, не знал, что в Пекине есть этакая стена, вдоль которой или по которой (не разберу по телеграмме) имеют право гулять только иностранцы. Китайский солдат прошел на-днях по этой стене. Но там есть особая полиция дипломатического квартала, и она потребовала, чтобы китайский солдат в китайском городе Пекине убрался вон, ибо это место предназначено только для иностранцев! Китайский солдат отказался это сделать. Его арестовали и наказали бамбуком. Сорок ударов бамбуком во имя неприкосновенности „цивилизованной"

империалистской стены, предназначенной для белых. Китайский солдат, наказанный бамбуком, заявил, что он изобьет 40 иностранцев, но избил только трех (аплодисм.): одного англичанина, одного итальянца и, не помню уж, кого третьего. Ему не хватило до счета 37, в тот момент, когда английский посол великобританского правительства, во главе которого стоит Макдональд, один из вождей II Интернационала,—того самого Интернационала, который установил 35 лет тому назад первомайский праздник международного братства,—потребовал ареста этого солдата, и его арестовали, его предают трибуналу во славу хозяйничающих в Китае иностранцев. Товарищи, я не хочу создавать никаких затруднений для нашей дипломатии, я не хочу давать никакого нового материала реакционным английским газетам, которые уверяют, что мы хотим сорвать переговоры, ведущиеся в Лондоне,—но все же я хочу, от нашего общего имени, крикнуть этому солдату в Пекине, что пролетариат Москвы всей душой с ним (бурные аплодисменты). И, в связи с этим мелким фактом, я впервые узнал, каюсь, что в Шанхае, другом большом городе Китая, есть бульвар или сад, где на всех скамейках надпись: „Только для иностранцев". Вдумайтесь: только для иностранцев!.. Китаец в своем доме, в своей стране, должен обходить эти скамьи под страхом бамбукового воздействия европейской цивилизации. И это, товарищи, через 35 лет после того, как пролетариат Европы установил праздник братства народов. И, признаюсь, на ряду с мыслями, проникнутыми естественной для каждого из нас горячей симпатией к трудящимся массам Китая и всего Востока, я сказал себе: а что было бы с нами, если бы в 17 году пролетариат, руководимый своим величайшим вождем, не опрокинул буржуазного мира и не взял бы в этой стране власти и не создал бы для себя организации обороны в лице Красной Армии? Товарищи, мы были бы закабалены, подавлены, растоптаны! Враги лелеяли эту мечту! Кто знает, может быть, на стенах Кремля, на Красной площади, где сейчас покоится наш вождь, они попытались бы, после победы, вывесить плакаты—„только для цивилизованных", „только для иностранцев". Пусть себе наш красноармеец представит, что у нас—в Москве ли, Ленинграде, или в другом месте,—есть стена, на которой значится

надпись: „Русским, или вообще советским солдатам, здесь гулять воспрещается“... Нет, нет! Этому не бывать. Мы себя отстояли, и мы надеемся помочь народам Востока раз навсегда покончить с подлейшим режимом высокомерия, насилия и колониальной кабалы (аплодисменты).

Братство народов для нас—не голый принцип, а стержень политики. Мы предали бы себя, предавая этот принцип, — мы подорвали бы себя прежде всего внутри нашего собственного Союза. Почти на-днях я впервые видел ту часть Союза, которая, с точки зрения укрепления братства народов, ставит нам наиболее трудные задачи, а потому и обнаруживает наиболее ярко наши достижения, — это наш Кавказ, наше Закавказье,— где в глухих местах до сегодняшнего дня сохранился еще варварский обычай кровной мести, с которым, впрочем, успешно борется молодая советская власть. В этих республиках, — где еще не просохла кровь национальной междоусобицы,—советская власть впервые создала,—не провозгласила, а создала на деле условия нового строя, вбила в землю сваи мирного сотрудничества десятков национальностей. Наш отсталый, — а с точки зрения цивилизованной Европы — „полуварварский“, — Кавказ есть ныне величайшая историческая школа. Еще недавно, совсем недавно, члены партии Макдональда, проезжая через Батум в Тифлис, срамили нас, большевиков, за наше подавление национальной независимости, свободы и права! А вот мы советский политический облик умиротворенного Кавказа можем, как революционный вызов, швырнуть в лицо этой растерзанной Европе, которая по всем линиям пересечена враждой и ненавистью, где вся почва колышется под угрожающими толчками новых кровавых столкновений. То, что мы сделали, то, чего мы достигли на Кавказе, этого нельзя достигнуть в цивилизованной, культурной, передовой Европе—до тех пор, пока в ней царит буржуазия, поддерживаемая социал-демократией! И здесь мы опять-таки являемся наследниками и выполнителями лучших заветов I и II Интернационалов.

Сейчас Франция пытается восстановить против нас Восток, в частности, Турцию, и как раз сегодняшние телеграммы говорят, что турецкая печать, по явному внушению Франции, печатает статьи на темы о том, будто бы итало-советский

договор обязывает Советский Союз, т.-е. нас с вами, поддерживать хищнические планы Италии в Малой Азии. Товарищи, Турция многим обязана Советскому Союзу. В массах турецких, как и вообще на Востоке, имя Ленина все больше и больше вытесняет имена старых пророков. Но в господствующих, правящих кругах почва для империалистических интриг есть. Франция пытается на этом играть, внушая ту мысль, будто наш договор с Италией направлен прямо или косвенно против независимости Турции и вообще народов Востока. И мы, готовясь к нашему первомайскому дню,—празднику международного братства и тем самым празднику освобождения народов Востока, — заявляем, что это утверждение есть ложь и клевета. Мы заключили с фашистским правительством Италии соглашение. Мы заключили его добросовестно. Каждую букву договора, в интересах народов нашего Союза, мы будем выполнять и потребуем того же от другой стороны. По этому договору мы надеемся с успехом и с выгодой торговать с Италией. Мы будем продавать Италии нашу южную пшеницу, твердую пшеницу, из которой, как я слышал, итальянцы с успехом готовят свои национальные макароны; мы будем продавать им нефть мы будем продавать им лес. Но один из товаров, которым мы не торгуем,—которым мы никогда не торгуем!—это независимость народов Востока (аплодисм.). Да будет это ведомо всем тем, кто собирается договариваться с нами!

Есть еще один народ Востока, который заслуживает особого упоминания сегодня, в связи с праздником международного братства. Это — Афганистан. Там происходят драматические события, и в этих событиях замешана рука британского империализма. Афганистан — отсталая страна. Афганистан делает первые шаги к тому, чтобы европеизироваться, чтобы обеспечить свою независимость на более культурных началах. Прогрессивные национальные элементы Афганистана у власти,— и вот британская дипломатия мобилизует и вооружает все, что только есть реакционного в этой стране и по ее границам с Индией, и бросает все это на прогрессивные элементы Кабула. Начиная от распоряжений, которыми не только буржуазные, но и социал-демократические власти Германии запретили первомайские демонстрации,—через события в Китае и в Аф-

ганистане,—мы везде видим партии II Интернационала за работой подавления и угнетения. Ибо ведь организованный на британские средства натиск на Кабул происходит при правительстве пацифиста Макдональда.

Но мы уверены, что не только здесь в Москве, но что и в Лондоне раздастся в день Первого Мая голос пролетарского протеста против империалистской политики меньшевизма, взявшего власть с благословения буржуазии.

Теперь я хочу сказать несколько слов о том, как трактуется нами политика братства народов. В этом смысле опыт с Белоруссией является хорошим показательным уроком. Белоруссия, которая имела 1,5 миллиона населения, — самым мирным и спокойным путем расширилась почти до 4 миллионов; расширилась без гражданских войн, без восстания народных масс, простым росчерком советского пера. Это было проделано просто, на основании статистических данных,—путем проверки национальных тяготений. Для нас это только деловой вопрос,—национальные группировки нашего Советского Союза,—тут нет материала для конфликтов и борьбы. Я этот факт как-то процитировал в Тифлисе, не думая о том, что на свете существуют буржуазные корреспонденты, что на свете существует телеграфная проволока... Я упомянул там, что Белоруссия выросла больше, чем вдвое, и что это есть выполнение программного лозунга, которому нас учил Ленин,—права национального самоопределения. А кроме того, сказал я, для нас расширение Белоруссии имеет и дополнительное значение; с точки зрения обороны это расширение равняется трём красноармейским корпусам. Эти слова цитировала польская печать, хотя там говорится несколько иначе, вместо трех корпусов, — там говорится об одном корпусе. Мы не станем об этом сейчас спорить и надеемся, что будем избавлены от проверки этого количественного разногласия на деле. В то же время польская буржуазная печать толкует это так: так вот зачем большевики раскрыли ворота пред Белоруссией,—чтобы укрепить себя, чтобы ослабить соседа, чтобы вызвать у польских белоруссов желание устроиться по нашему образцу и усилить тем самым центробежные тенденции в Польше, которые, несомненно, всегда ослабляют государство. Вот как

разгадали хитроумные польские дипломаты нашу большевистскую хитрость. Ну, что же, — попробуйте подражать нам,— только и всего! Существует Лига Наций, куда Польша входит. Эта Лига Наций учит тому, как устроить сожительство народов. Мы в Лиге Наций никакого особенного патента себе не взяли, и мы предоставляем всякому государству возможность пользоваться нашей „хитростью“ по части национального самоопределения. Наше изобретение не монопольно. Подражайте нам, правители Польши и Румынии.

Интересно, однако, знать, в чем собственно состоит наша хитрость? Мы можем раскрыть скобки: наша хитрость состоит в том, что мы освобождаем народы, а ваша хитрость состоит в том, что вы душите их. Вот в чем наша сила! Вот в чем ваша слабость!

Та же самая Франция, которая натравливает на нас Турцию, в Польше ведет бешеную агитацию против нас, пытаясь восстановить бессмысленную, ребяческую и в то же время подлую легенду о том, будто мы собираемся двинуть Красную Армию на запад. Как мы уже много раз об'ясняли, мы твердо надеемся на то, что карта Европы будет немного раньше или немного позже выглядеть иначе, чем она выглядит в 35-ю годовщину 1-го Мая. Но перекройка государственных европейских границ будет попутным делом победоносной революции европейского пролетариата. И хотя мы всемерно хотели бы, чтобы этот час приблизился, тем не менее мы уже доказали, доказываем, докажем и впредь, что у нас есть терпение, есть выдержка. Было бы бессмыслицей думать, что, не дожидаясь прихода большого хозяина, — революционного пролетариата, который пересмотрит отношение классов и отношение наций в Европе,—мы пустимся в авантюры для расширения границ и для разрешения других частичных задач. Нет, наша политика глубже захватывает, глядит шире и дальше. Правда, многих польских политиков, что называется, беспокоит совесть,—если здесь, вообще говоря, уместно это слово, — беспокоит потому, что рижский договор, который был создан в определенный момент, при определенном соотношении сил, чрезвычайно затрудняет теперь сотрудничество. Это понимают и они сами. Мы не ставим вопроса о пересмотре рижского договора, —

по крайней мере, я этого не слышал от нашей дипломатии. Но и самые нецелесообразные договоры поддаются более или менее разумному истолкованию и применению, в зависимости от обстоятельств, и мы хотим надеяться, что правящие классы Польши найдут в себе зрелость мысли для того, чтобы при сотрудничестве с нашей осторожной, терпеливой дипломатией, истолковывать и применять рижский договор так, чтобы обеспечить мирное сотрудничество, в котором Польша так же нуждается, как и мы.

Я упомянул, что за Турцией и за Польшей стоит Франция. Она же продолжает срывать и саботировать наши переговоры относительно Восточно-Китайской ж. д. Еще совсем на-днях Пуанкарэ попытался, с неожиданной для нас в последнее время развязностью, вмешаться в нашу внутреннюю жизнь, взявши под свою высокую защиту своих киевских агентов, которые на этот раз, по случайности, принадлежали к категории профессоров. Он получил отпор. И он на этот отпор ответил нежнейшей (другого слова не найдешь) телеграммой по адресу т. Чичерина. Это вообще за последнее время манера французского правительства: сперва поставить нам ловушку,—науськать на нас правительство Румынии, санкционировать захват Бессарабии, подставить ножку на Дальнем Востоке, а потом напечатать ласкательную статью во французском официозе „Тан“ и послать т. Чичерину нежную телеграмму. Смысл этой политики, очевидно, педагогический—не только педагогический, но, если хотите, почти что медицински-гигиенический: Пуанкарэ подвергает нас воздействию то холодной, то горячей воды, по известному методу французского целителя Шарко (хохот). Он надеется, очевидно, после того, как Клемансо сорвался на методах, куда более действительных, на методах колючей проволоки,—он надеется, что достигнет успеха, действуя по методу Шарко. Поистине Пуанкарэ — великолепная тема для наших карикатуристов. Пуанкарэ — с кишкой, выбрасывающей то теплую, то холодную струю! О, конечно, мы не хотели бы ни в малейшей степени препятствовать тем предварительным „нащупывательным“ действиям, которые ведутся с советской и французской стороны; тем не менее мы не можем не сказать, что этот гидро-терапевтический метод обращения с Советской

Республикой не отвечает обстановке, и не дурно бы, если бы 1-го мая в наших уличных шествиях несли плакат, на котором было бы сказано: „Пуанкарэ, убери кишку!“ (Смех, аплодисменты). Чего они хотят? — Они хотят, чтобы мы платили. Желание очень простое и очень естественное у европейских и мировых ростовщиков. Но как раз на-днях я читал статью одного из бывших французских министров,—министра 2-го министерства Пуанкарэ,—Лушера, одного из величайших французских богачей послевоенного производства,—статью, где он доказывает, что нет ничего удивительного в том, что Франция никак не может платить ни Америке, ни Англии. Для того, чтобы платить, она должна вывозить огромное количество товаров, а этим она убьет промышленность Англии и Сев.-Америк. Соединенных Штатов. И Лушер, — министр победоносной страны, ограбившей и наполовину задушившей Германию, — доказывает, что Франция не может и не должна платить своих долгов. И в то же время эти господа пытаются натравить на нас то Румынию, то Польшу, то Турцию, и поссорить нас с Китаем для того, чтобы заставить нас платить. Надо же себе снова представить на минуту ту роль, которую народы России сыграли в отношении к владыкам нынешней Европы. Если бы в июле 1914 года правительство России, тогдашней, царской, сказало Франции, сказало Англии: „Россия обязуется воевать за ваши интересы до тех пор, пока физически сможет воевать. Россия обязуется во имя ваших интересов дать полтора миллиона трупов. Россия обязуется во имя ваших интересов наводнить города и села калеками, разорить свое хозяйство и взамен не требует от вас ни Константинополя, ни проливов. Она этим самым, наоборот, создаст для вас право подарить западные белорусские и украинские земли — Польше, а Румынии—Бессарабию“,—то, разумеется, французское и английское правительство сочли бы это неслыханное, чудовищно-фантастическое предложение чрезвычайно для себя выгодным. И если бы тогдашнее правительство России сказало правящей Франции: „Ты будешь командовать Европой. Ты будешь иметь возможность душить Германию наполовину, на три четверти, как хочешь. Ты будешь грабить рурский уголь. Ты будешь дарить провинции России кому хочешь, — но ты за это заплатишь

50 миллиардов франков",—что же, Франция не согласилась бы?—Конечно, согласилась бы, и этот старый циник Пуанкарэ подписал бы с восторгом вексель. А что вышло, что вышло? Разве мы не сделали всего этого, разве мы не дали полтора миллиона трупов и столько-то миллионов калек, увечных? Разве мы не разорили свою страну в империалистской войне, и разве Франция не разграбляет Европу, и разве она не раздает провинции, населенные не французским народом, а белоруссами, украинцами и теми молдаванами, которые не хотят быть румынами? — Она это делает. И что же? От нас требуют, чтобы за эти кровавые, ужасающие услуги, невольно оказанные русским народом, чтобы мы же платили французским ростовщикам! Нет, этого не выйдет! Этого не выйдет! И вот,—конечно, переговоры—переговорами,—но наши рабочие, наши крестьяне 1-го мая должны развернуть страшный свиток нашего участия, участия народов бывшей царской империи в империалистской войне, и должны на весь мир сказать, — и нас услышат: „Нет, ко всему этому, ко всей той страшной кровавой дани, которую вы взяли, еще превращать нас в неоплатных должников, превращать нас в вассалов, в рабов французской и мировой биржи,—этого вы никакими мерами не добьетесь, ибо мы стоим твердо на собственных ногах и устоим, нас вы не свалите!" (аплодисменты).

Один из последних шагов Пуанкарэ, — об этом я упоминал, — вмешательство в наши внутренние дела по поводу киевского процесса. Здесь он выступил, как защитник арестованных, преследуемых, осужденных. Гуманная роль, что и говорить! Не забудем же и мы, тт., что день 1-го Мая стал, особенно в послевоенной Европе, днем пролетарской борьбы за амнистию, за освобождение арестованных революционеров. И мы можем напомнить тому же Пуанкарэ о том, что его учреждения только на-днях сняли с избирательных плакатов имена двух наших друзей, — имена, которые были выдвинуты в качестве кандидатов при предстоящих во Франции всеобщих парламентских выборах,—имена двух наших друзей, заочно приговоренных французскими судами к смертной казни и не имеющих возможности вернуться во Францию. И — чем упражнять свое милосердие по телеграфу из Парижа в Москву,—лучше вы,

господин Пуанкарэ, дали бы возможность вернуться во Францию Садулю и Гильбо,—нашим революционным друзьям, которые вашими судами осуждены к смертной казни за то, что подняли голос протеста против подлых империалистских попыток Клемансо задушить молодую Советскую Республику. Мы вместе с тем напоминаем Пуанкарэ, что в вассальных и полувассальных государствах Франции, — в Румынии, в Польше,—лучшие борцы заключены в тюрьмы. Как раз последние телеграммы говорят о голодовке в одной из тюрем Румынии, где сидят наши старые друзья, — я лично знаю их более десятка лет, — Кристеску и Доброджану. Доброджану — это сын выходца из России, который подвизался долго в Румынии, в качестве проповедника марксизма, под фамилией Доброджану-Гереа, и был одним из видных членов II Интернационала. Сын его принадлежит к III, к нашему Интернационалу. Сейчас они во главе большой группы арестованных румынских коммунистов проводят голодовку-протест против подлого издевательства над рабочим классом вообще и над заключенными—в особенности. Вот страна, вот город, где голос господина Пуанкарэ мог бы быть услышан! Однако, мы меньше всего надеемся и, признаться, меньше всего просили бы и ждали бы, чтобы он этот голос поднял. Но мы-то 1-го мая поднимем и в Москве, и во всем нашем Союзе голос братской солидарности со всеми узниками,—заключенными, арестованными представителями революционного пролетариата. И мы скажем им, что мы твердо рассчитываем, знаем, глубоко убеждены, что не нынешние хозяева Европы, а именно они, заключенные и арестованные братья наши, олицетворяют завтрашний день Европы и всего человечества (аплодисменты).

Борьба с милитаризмом—важнейший из основных лозунгов 1-го Мая. И здесь опять-таки судьба подвела так, что мы получили великолепную иллюстрацию того, чем стала для буржуазной и мелко-буржуазной, т.-е. меньшевистской, демократии борьба против милитаризма. Недавно во французском парламенте выступал докладчик по военному бюджету. Фамилия его Фабри. Фамилия эта ни вам, ни мне ничего не говорит. Это представитель милитаристских интересов французского капитала, полковник и депутат, отстаивавший военный

бюджет. И вот какими словами он начал свою речь:—„Бойцы 1914 года мечтали о том, что война, в которой они принимают участие, будет последней войной. Но теперь уцелевшие из них (очень недурно сказано!) ясно понимают, что это была только мечта, ибо всегда может случиться, что французский народ снова будет защищать свою честь и территорию“. — Первые годы войны я провел во Франции. Я наблюдал изо дня в день ту работу, которую вели французская печать, французские политические партии и, прежде всего, французский официальный социализм и синдикализм, в деле обработки сознания трудящихся масс для нужд французского милитаризма. Главным лозунгом, главной идеей, главной программой было:—„эта война есть последняя война“.—Это был заголовок передовиц, это была первая фраза речей. Когда я однажды был в соборе Парижской богоматери,—а я был там в день, посвященный чествованию „пушки 75“, семидесятипятимиллиметровой, которая была гордостью французской артиллерии, — там было торжественное богослужение, и одновременно патриотические шествия по улицам. И вот, даже архиепископ Франции проповедь свою не то начал, не то кончил словами: „воля всевышнего, мол, такова, чтобы эта война была последней войной“. Мы тогда издавали в Париже небольшую газетку на русском языке,—она называлась „Наше Слово“,—и в этой газетке мы, находившиеся под пятой французской военной цензуры, пытались сказать, что эта война не есть последняя война, что она, сама по себе взятая, не заключает в себе никаких элементов для прекращения войн, что это лишь очередное звено в цепи буржуазной подлости, насилия, кровожадности. Нашим цензором был французский офицер Шаль, который раньше был учителем французского языка в одной из гимназий царской России. Я не знаю, где теперь этот месье Шаль, который вычеркивал наши статьи, в которых мы опровергали ту мысль, что эта война есть последняя война, как иллюзию, как пацифистскую утопию. Теперь все Шали считают своим долгом доказывать, что нужно готовиться к новым войнам; а кто думает, что можно бы закончить на последней свалке, обескровившей Францию, тот — плохой патриот! Но французскому пролетариату, каково же ему-то слушать теперь из уст официального докладчика военного бюд-

жета? Мы вас, французских рабочих, французских крестьян призывали в 1914 году проливать кровь, — во имя чего? — во имя того, чтобы раз навсегда положить конец империализму и войнам. В этом клялся Ренодэль, — тогдашний вождь социал-демократической партии; в этом клялся Жуо,—тогдашний вождь французских синдикалистов; и оба они живы, и оба они до сих пор не сгорели со стыда; нет, они живут, выступают на рабочих собраниях; они присутствуют тут как тут, когда докладчик военного бюджета говорит: „маленькое недоразуменьице; уложили полтора миллиона французов, разрушили 10 департаментов, понизили материальный уровень страны... — для чего? мы вам говорили, трудящиеся, что все это во имя того, чтобы эта война была последней войной. Но мы малость ошиблись в счете: это не совсем последняя война, будут еще войны, готовьтесь, призовем,—а пока что платите налоги!“

Пред лицом этих фактов — каким издевательством, каким подлым и, вместе с тем, жалким издевательством является документ, которого вы еще не читали, но прочтете в завтрашней газете, документ, выпущенный Амстердамским Интернационалом в связи с предстоящим 10-летним юбилеем об‘явления „последней“ империалистской войны. Эти самые Ренодэли, эти самые Жуо, — у них в разных странах разные фамилии, но по существу они одни и те же, под разными меридианами,—они в своем Амстердамском и в своем II Интернационале снова собрались, чтобы обсудить вопрос о том, как предупредить новую войну. У них есть большой опыт, приобретенный особенно в последний период за время империалистской войны. И они издали документ, и в этом документе они, патриоты и спасители отечеств, призывают все рабочие организации, входящие в состав Амстердамского об‘единения, а также социалистического Интернационала, организовать массовые демонстрации против войны, об‘явив 3-е воскресенье сентября текущего года антивоенным днем. Массовая демонстрация против войны! Против какой войны? Против войны „вообще“, за то, чтобы „вообще“ не было войн, как устраиваются крестные ходы во имя того, чтобы не было засухи (смех). Когда война наступит или приблизится, тогда, разумеется, это будет „справедливая война“, тогда и Ренодэли, и Жуо вторично будут об‘яснять, что это —

либо снова последняя война, либо неизбежная война за демократию. Но против войны вообще, против спектра войны, против призрака войны, против слова „война"—они готовы протестовать на улицах Лондона и Парижа и на всех других. Но, товарищи, разве любой выжига, любой буржуа не выйдет на такую демонстрацию, разве Стинес,—Стинес-то, впрочем, уже не выйдет более (смех), но все равно: свояченица его, теща его, вол его, осел его, как сказано в библии,—все ослы Стинеса, — разве не выйдут они на такого рода демонстрацию? (смех, аплодисменты). А второе предложение: „Сделать 3-е воскресенье сентября днем протеста против войны". Почему 3-е воскресенье сентября? У нас же есть первомайский праздник—борьбы с милитаризмом? Откуда это 3-е воскресенье сентября? (смех). Вы знаете, что первое мая, в силу плохого устройства нашего календаря, не всегда приходится на воскресенье, а так бывает, что 6 раз из 7 — 1-е мая падает на рабочий день, и демонстрация нарушает нормальный ход капиталистической эксплоатации (смех). И в то время, как германская социал-демократия, в качестве правительства, запрещает 1 мая уличные шествия, протесты, выступления в Берлине, Галле, Дрездене, Лейпциге и других городах, — та же самая социал-демократия, но не в качестве германского правительства,—о, нет!—а в качестве члена Амстердамского и II Интернационала, находит новый счастливый путь: 3-е воскресенье месяца сентября будет священным днем, когда все ослы Стинеса будут бороться против буржуазии (смех, аплодисменты).

Товарищи, перечтите по этому поводу простую, краткую, но поистине бессмертную инструкцию, которую писал Ильич нашей делегации в Гааге, раз'ясняя, как глубоки предрассудки в области борьбы с милитаризмом, как искусно буржуазия тут водит на узде своих Ренодэлей, своих Жуо, своих,—чтобы не называть слишком высокопоставленных официальных людей,—своих Шейдеманов и т. п. Товарищи! Если есть сейчас могущественный политический агент по подготовке новой войны, то это лжепацифистская социал-демократия со своим „3-м воскресеньем месяца сентября", ибо именно она усыпляет сознание трудящихся масс Евпропы, чтобы затем поставить их перед совершившимся фактом. Она не бряцает шпагой, как откровен-

ный бурбон милитаризма, она создает новые фикции, пытается подогреть старые, она собирается в своих Интернационалах, она издает манифесты, она создает иллюзию, пену борьбы, она усыпляет, деморализует—и подготовляет этим пушечное мясо для новых войн,—и нет, и не может быть достаточно беспощадности и непримиримости в борьбе с этой бесчестной и предательской работой.

Мы видим свежий пример—пример правительства английских трэд-юнионов, правительства независимой рабочей партии, т.-е. правительства Амстердамского и II Интернационалов. „Амстердамский“ военный бюджет английского правительства?—я его подсчитал, это нетрудно, надо было сложить три слагаемых: сухопутный военный бюджет, морской военный бюджет и воздушный военный бюджет. Получилось вместе 115 милл. фунтов стерлингов, а в переводе на рубли—1.150.000.000 зол. рублей, ничуть не меньше, кажется, даже на 10—15 милл. золотых рублей больше, чем в прошлом году, т.-е. больше, чем бюджет консервативного правительства Англии. И раза в четыре, если не в пять, больше нашего советского бюджета! Когда этот бюджет проходил в английском парламенте, там нашлись наивные депутаты той же рабочей партии, которые разводили руками и спрашивали, как же это связать с пуританским пацифизмом независимой рабочей партии? И нашелся такой делегат той же партии, некто Гест, — фамилии этой я раньше не слыхал,—который кивнул сейчас же на Москву (я уже это однажды цитировал): „а московский милитаризм?“—Товарищи, позвольте привести цитату из одной старой речи Владимира Ильича. Он говорил ее как раз по этому самому вопросу против наших меньшевиков, 13 марта 1919 года,—„Один прусский монарх в XVIII веке сказал умную фразу“: „Если бы наши солдаты понимали, из-за чего мы воюем, то нельзя было бы вести ни одной войны“. Старый прусский монарх был не глупым человеком. Мы же теперь готовы сказать, сравнивая свое положение с положением этого монарха: „Мы можем вести войну, потому что массы знают, за что воюют“. И далее: есть глупые люди, которые кричат о красном милитаризме. Действительно, ужасное преступление! Империалисты всего мира бросились на Российскую Республику, чтобы заду-

шить ее, а мы стали создавать армию, которая в первый раз в истории знает, за что она борется и за что приносит жертвы, и с успехом сопротивляется более численному врагу, приближая с каждым месяцем сопротивления в доселе еще невиданном масштабе всемирную революцию,—и это осуждают, как красный милитаризм! Повторяю—либо это глупцы, не поддающиеся никакой политической оценке, либо это политические мошенники".—И дальше, несколькими строками ниже, он опять говорит еще резче и круче: „Вот положение, при котором говорить сильные слова, обвиняя нас в красном милитаризме, могут только самые грязные и низкие политические мошенники". Ильич любил выражаться просто, ясно и выразительно. И вот в Лондоне находится так называемый рабочий депутат, который знает, что не Красная Армия высаживалась на Темзе, а английские войска высаживались на побережьи Северной Печоры и других рек; который знает, что английские офицеры участвовали в ярославском восстании и в других кровавых делах,—находится так называемый рабочий депутат, который в ответ на упрек, что ты, мол, строишь новых 5 крейсеров, новые миноносцы, развиваешь далее керзоновскую программу легких танков, увеличиваешь без конца воздушный и военный флот,—говорит: а там, мол, в Москве, разве не создается милитаризм?—Неудивительно, если после этих слов тянет к ильичевской цитате, где сказано, что такого рода обвинения в красном милитаризме могут сделать только самые грязные и низкие политические мошенники. Хочется сказать:—господин Гест, распишитесь в получении (аплод.).

Нам, товарищи, в день Первого Мая, надо будет вспомнить и о так наз. красном милитаризме, потому что как-будто нечисть по границе нашей начинает снова шевелиться. Идут слухи,—белогвардейская печать их разносит, враждебная иностранная печать их переводит, — о том, что предстоят, мол, новые удары на нашей границе с Запада. В последнее время учащаются слухи о том, будто надвигается гроза и с Востока. Надо сказать прямо, что в этих слухах не все есть продукт фантазии белой эмиграции. В Токио, в Японии, идет среди правящих борьба. Есть крайнее милитаристское крыло, которое хочет за ужасающее несчастье, постигшее Японию, —

за землетрясение, — отыграться на спине Советского Союза. Япония заключила в Америке большой заем на восстановление разрушенных областей. В то же время Америка грубо, беспощадно отпихнула японскую иммиграцию. Япония, очевидно, поняла это так, что американская буржуазия указывает ей путь на наше Советское побережье Тихого океана. За последнее время японские милитаристы говорят снова о том, что население тихоокеанского побережья Советского Союза все больше и больше стремится к государственной независимости, что представители этого населения обращаются к авторитетным и влиятельным японским кругам с просьбой о поддержке. Этих представителей мы знаем по именам, и самое громкое и разухабистое из этих имен—атаман Семенов. Там, на Дальнем Востоке, повидимому, известной частью японских правящих сфер, если не подготовляется новая военная авантюра, то создаются политические, психологические предпосылки для такой подготовки, и мы в день 1-го Мая это разоблачим, мы доведем это до сведения японского рабочего класса. В Японии ведется борьба за демократизацию страны. Мы уже сказали когда-то, что Япония, в известном смысле, стоит накануне своего 1905 года. Мы помним хорошо этот год. Ему предшествовала русско-японская война. Царское правительство тогда в Манчжурии, на Ялу, влезло в авантюру, которая чрезвычайно ускорила развитие событий и приблизила восстание трудящихся масс 1905 г.,— этого великого преддверия к 1917 году. Неужели же японская буржуазия так заботится об исторической симметрии, идя навстречу своему 1905 году! Она хочет предпослать ему новую русско-японскую, на этот раз советско-японскую, войну уже не по нашей инициативе, — мы ее не хотим, — а по инициативе своих крайних шовинистов. Мы взываем к трудящимся массам Японии, мы их предупреждаем о тайниках кое-каких штабов, кое-каких канцелярий, где выковываются, где замышляются новые кровавые дела. И надо сделать все, что возможно, чтобы наш Дальний Восток и чтобы Япония были обезопасены от новых авантюр. Перед лицом этих несомненных, невымышленных, фактических, реальных опасностей, мы можем не только не считать себя нарушающими первомайские заветы, а, наоборот, стоящими целиком на почве заветов борьбы с милита-

ризмом, когда мы строим, развиваем и укрепляем Красную Армию,—ибо борьбу против милитаризма мы, революционеры, понимаем не в пацифистском смысле, а в боевом. Надо заставить буржуазию разоружиться! Надо силой разоружить ее! Иного пути нет. Или есть? За нами дело не станет. Мы готовы каждому правительству буржуазии или ее меньшевистской агентуре оказать содействие, если они попытаются сделать хотя бы шаг, хотя бы полшага по пути пацифизма. Вот сейчас американский президент снова заигрывает с идеей разоружения. Мы принимаем эту идею. Мы можем участвовать в ней, мы готовы. Конечно, найдутся корреспонденты, которые скажут, что это опять большевистская хитрость, как по поводу Белоруссии. Поистине поразительное дело! Мы приветствуем разоружение, а они говорят нам: — как же вы приветствуете разоружение и предлагаете его нам, когда вы знаете, что мы неспособны на это, когда вы знаете, что мы разбойники с большой дороги,— как же вы можете предлагать нам это? Разбойникам вы предлагаете отложить в сторону нож? Вот именно, вот это самое мы и говорим: ножа империалистский разбойник не отдаст, если не отнять силою. Для этого нам и нужно вооружение. Для этого и необходима Красная Армия. Вопрос о разоружении, вопрос о вооружении, вопрос о военной политике, — все это вопросы настоящие, серьезные, материальные, — тут словами не отделаешься, — это не вопрос о спасении души, которому Макдональд посвящает свои воскресные досуги,—это вопрос о дредноутах, пушках, газах и других грозных аргументах, Здесь шутки прочь. Здесь дело идет о жизни и смерти буржуазного общества и о судьбе пролетариата! Вот почему наш праздник 1-го Мая, праздник борьбы против милитаризма, будет праздником Красной Армии.

Правда, Европа теперь вошла в новую полосу, полосу соглашательства, которое выражается в том, что нас признает одно правительство за другим. В Англии—правительство меньшевиков. Последние телеграммы сообщили нам, что и в Дании— правительство социал-демократа Стаунинга, который сразу обнаружил свое лицо, пригласив в качестве министра иностранных дел дипломата-аристократа графа Мольтке: ведь министру иностранных дел приходится иметь дело с „хорошими госпо-

дами"! Здесь социал-демократическое министерство должно было уступить место графу Мольтке. Надо же и честь знать!

В Сев.-Амер. Соед. Штатах обе старые партии скомпрометированы нефтяным скандалом и всякими другими грехами,— и им на подмогу выступает теперь новая „прогрессивная" партия, которая хочет опереться также и на фермеров и на рабочих.

Во Франции мы будем иметь 13-го мая новые парламентские выборы, которые приведут к власти левый блок—меньшевиков с радикалами, которые тоже называют себя социалистами, потому что теперь это самое дешевое звание. То же самое происходит, лишь в других формах, в Италии, Испании. Мы видим, таким образом, что буржуазия производит новую перегруппировку, — она еще недавно вышла из полосы фашизма, когда она действовала при помощи подобранных классовых банд,—а теперь она выдвигает соглашательские партии на сцену. Кто следил за всеми перипетиями, связанными с полосой фашизма, для того ясно было, что буржуазия вынуждена будет вскоре прибегнуть к другому рессурсу, выдвигая эпигонскую, вырождающуюся социал-демократию. И если что удерживает европейский пролетариат от борьбы со своими правительствами, то именно это самое соглашательское гнилье, которое не дает ему броситься в борьбу.

Мы видим, как правительство того же Макдональда трепещет пред голосом своих господ — буржуазии, удерживая английский пролетариат от смелого шага нам навстречу. Если бы в рабочем правительстве Англии были элементы мужества и энергии, то оно провело бы широкий договор с нами, и этот договор перевернул бы историю всего мира. Посмотрите, в Англии, как вклады в ее банки возросли за последние годы. Английская промышленность не имеет прежнего сбыта, она достигла едва трех четвертей сбыта довоенного времени. Если они не проведут договора с нами, они задохнутся под напором Америки. Мы представляем для них огромнейшей интерес,— мы, с нашими необ'ятными пространствами, мы, с нашим 130-миллионным населением. Наша страна богата естественными богатствами, которых не хватает Англии. Посмотрите на наши поля, которые могут прокормить Европу. Посмотрите на наши подземные богатства, на наши источники нефти, на наши леса

которыми мы можем застроить всю Европу, весь мир. Все это взывает к английской технике! Давайте соединим одно с другим и вы увидите, как быстро мы вместе с вами пойдем вверх. Английский рабочий класс имел бы дешевую пшеницу, хлеб, имел бы мясо, имел бы достаточно сырья и богател бы,— вместе с ним и мы. А союз рабочей Англии с Рабоче-Крестьянским Советским Союзом, — это был бы могучий рычаг мира, это не платоническая демонстрация, в третье воскресенье сентября, это—возможность сочетания самой сильной морской вооруженной руки и сухопутной вооруженной руки. Мы, вместе с рабочим классом Англии, приказали бы Европе разоружиться, и Европа пикнуть бы не посмела! (аплодисменты). И вот, эти господа нас упрекают в том, что те или другие резкие наши выражения срывают ход переговоров в Англии. Да разве это не постыдный и презренный взгляд! Да разве интересы двух великих народов, двух государств, могут определяться тем или другим резким выражением? А эти выражения, — почему они просятся сами на уста?—потому, что та программа, которая в грубых чертах мною только что набросана, эта программа замирения Европы и быстрого развития вверх не будет осуществлена, ибо нет у рабочего класса Англии того правительства, которое сделало бы этот смелый и в то же время всей историей обеспеченный шаг союза с нами. Мы приняли в Лондоне ряд соглашений и совершенно искренно примем новые, все обязательства выполним, но в то же время мы скажем—и этому не могут помешать никакие дипломатические соображения — мы скажем английскому рабочему классу: „Ты не имеешь во главе такого правительства, которое было бы достойно тебя!“. Когда я назвал правительство Макдональда правительством приказчиков английской буржуазии, то печать Англии обрушилась за это выражение, чуть ли не как за оскорбление национального достоинства Англии. Там переводили это по-разному. Утверждали, будто я сказал, что Макдональд банковский „клерк“, а другие говорили, что „биржевой заяц“. Я уже раз'яснил, что я этого не говорил. Банковский клерк — это есть служащий, банковский пролетарий, и среди них есть много прекрасных революционеров. Насколько я знаю, Макдональд в банке не служил, а если служил, то сейчас радикально переменил свою

профессию (смех). Не называл я его также и биржевым зайцем. Это тоже профессия, но менее похвальная, профессия мелкого спекулянта на бирже. Насколько я знаю, Макдональд к этой категории отношения не имел и во всяком случае не имеет сейчас. Но когда я говорю о том, что он — политический приказчик буржуазии, то это правда, и эту правду мы можем с чистой совестью повторить и в день 1-го Мая (аплодисменты). Когда я это говорил, я не знал, что совершаю литературный плагиат у Ллойд-Джорджа, а именно (это надо привести!)—он сказал 24-го апреля: „Либералы поставили Макдональда у власти и пожелали ему благополучия, но за три месяца он совершенно израсходовал запас их благожелательности".—Чей это голос? — Это голос хозяина, который „поставил приказчика".—„Я тебя поставил, я тебе доверил, но ты доверия не оправдал".—И не в праве ли мы сказать, что если Макдональд мирится с этой критикой, мирится с этим хозяйским голосом, то может ли он на то пенять, если мы переводим это на язык нашей политической терминологии? Казалось бы, рабочее правительство в Англии должно быть поставлено пролетариатом и перед ним нести ответственность. И, казалось бы, Макдональд должен апеллировать к пролетариату для того, чтобы поставить в программу, в первый пункт ее—союз с Советской Республикой на платформе братского сотрудничества. И если бы он пред'явил такую программу, а Ллойд-Джордж осмелился бы поднять голос против, то девять десятых пролетариата смели бы прочь и либералов и консерваторов, и тогда новое рабочее правительство Англии было бы незыблемым. Но будет ли это сейчас?—Нет, этого еще завтра не будет. Но все-таки этот час приближается. И кто его приближает?—Его приближает Макдональд и его собратья. Они нас обвиняют в пропаганде. Да разве любой из нас, отправившись в Англию, если бы он знал прекрасно английский язык и нравы, и обычаи, и приемы,—разве он мог бы так повлиять своей пропагандой („до 1000 большевиков посланы, десятки миллионов тратятся"), разве это могло бы дать такой сдвиг в сознании рабочего класса, как тот факт, что во главе страны стоит правительство, которое считается правительством рабочего класса, но которому Ллойд-Джордж говорит: „Я тебя поставил, а ты не

оправдал моего доверия".—Вот где поучительный диалог! Вот где пропаганда! Это западет навсегда в сознание трудящихся Англии. Мы не пропаганду ведем, а предсказываем, ибо у нас есть теория политического предвидения и есть выработавшаяся революционным опытом проницательность. Мы предсказываем, что Макдональд и его правительство сыграют в Англии очень большую подготовительную для революции роль, и не потому, что так хочет Макдональд, а, наоборот, потому что Макдональд этого не хочет. Макдональд принадлежит к пуританам. Пуританская церковь есть английская ветвь кальвинизма. Кальвинизм—это протестантское учение, в основу которого положен закон предопределения. Этот закон гласит, что каждый человек, не располагая свободной волей, выполняет свою судьбу согласно замыслам божественного промысла. Свободной воли нет. Каждый человек есть орудие в руках божественного промысла,—эта идеология кальвинизма очень подходит к политике, психологии, к об'ективной роли демократии и меньшевизма в нынешнюю эпоху империалистского самодержавия. Кальвинизм говорит: твои идеи и надежды—это суб'ективные иллюзии, а на самом деле ты—орудие в руках промысла. И мелко-буржуазный политик и впрямь весь пропитан иллюзией, каждый его шаг диктуется суб'ективной ошибкой, а на самом деле он—орудие, если не в руках промысла, то в руках Моргана, Рокфеллера и вообще крупного капитала. И, несомненно, что Макдональд в этом смысле является орудием не только в руках английского Сити, в руках английской биржи, — нет, ему история отвела и более крупную роль, он является бессознательным орудием—не божественного промысла, на этот счет мы с Макдональдом довольно серьезно расходимся, божественному промыслу ни в нашей программе, ни в наших мыслях места нет,—он является орудием законов истории. Историей сказано ему:—Макдональд, руководимый твоими суб'ективными предрассудками, стань у власти, покажи, что можешь, покажи, чего хочешь.—И вот Макдональд показывает, что хочет малого, а способен на еще меньшее (смех, аплодисменты). И это есть огромная роль его—в руках промысла истории. В результате Макдональд даст могущественный толчок революционному движению масс Англии. Еще раз повторяю: это не пропаганда,

это марксистское предвидение, на основе законов истории и всего нашего политического опыта. Мы ведем с Макдональдом переговоры добросовестно, и я, как всякий из вас, хочу, чтобы эти переговоры привели к практическим результатам. Эти переговоры в одной плоскости, а вопросы большой тяжбы классов, борьбы двух Интернационалов,—в другой, более высокой плоскости, захватывают большие массы народов и большие периоды. И мы Первое Мая проведем с глубокой уверенностью в том, что в этой великой игре исторических сил, в борьбе классов, в игре законов истории,—Макдональд и весь европейский меньшевизм является орудием, которое—не по законам Кальвина, а по законам Маркса—подготовляет почву для пришествия английского большевизма.

Макдональд не так давно сказал: „Мы боролись с Москвой, и победили Москву“. Это, видите ли, не пропаганда! „Мы боролись с Москвой, и победили Москву“. Он считает, что тот факт, что еще сегодня живет,—вот к 35-летней годовщине 1-го Мая,—растерзанная, обескровленная Европа, руководимая меньшевиками и полуменьшевиками, поскольку их допускает к руководству буржуазия, что этот факт означает наше поражение. Нет, это есть только один из этапов к нашей неизбежной грядущей исторической победе. Вы боролись с Москвой, вы боретесь с Москвой. Ну, что же?—борьбы-то мы не боимся на ряду с переговорами, но нет, вы не победили Москвы. До этого далеко! Речь идет о красной Москве, о той Москве, где мы вот готовимся по-своему, по-советски к празднованию 1-го Мая. Эта красная Москва крепка, ее строил большой и крепкий строитель, не победить ее европейскому меньшевизму и английской макдональдовщине! Правда, великий строитель красной Москвы не встретит с нами нового праздника 1-го Мая,—он лежит в сердце Москвы, на Красной площади в мавзолее; но если умер великий строитель красной Москвы, то еще не родился тот, кто победит нашу красную Москву! (бурные аплодисменты. „Интернационал“).

---

4. На новом переломе.

(Предисловие к книге „Пять лет Коминтерна“).

Пятилетие Коммунистического Интернационала делится третьим конгрессом на два периода. В течение первых двух лет Коминтерн еще полностью и целиком стоит под знаком империалистической войны. Революционные перспективы выводятся непосредственно из последствий войны. Считается почти само собой разумеющимся, что политическое возбуждение масс, порожденное социальными потрясениями войны, возрастая и обостряясь, непосредственно приведет к завоеванию власти пролетариатом. Эта оценка хода развития нашла свое выражение в манифестах первого и второго конгрессов. Принципиальная оценка послевоенной обстановки, данная в этих документах, сохраняет полностью свою силу и сегодня. Но темп развития оказался иной.

Война не привела непосредственно к победе пролетариата в Западной Европе. Сейчас уже слишком очевидно, чего нехватало для победы в девятнадцатом и двадцатом годах: нехватало революционной партии.

Молодые коммунистические партии сложились, да и то лишь вчерне, в тот момент, когда могущественное послевоенное брожение масс пошло уже на убыль. Мартовские события 1921 г. в Германии ярко вскрывают противоречие в положении и в политике Коммунистического Интернационала: коммунистические партии, или по крайней мере их левые фланги, рвутся на штурм, в то время как многомиллионные пролетарские массы, после первых поражений, угрюмо разбираются в послевоенной обстановке и выжидательно присматриваются к коммунистическим партиям. К моменту третьего с‘езда Ленин констатирует это угрожающее расхождение между линией развития масс и тактической линией коммунистических партий и твердой рукой обеспечивает решающий поворот в политике Интернационала. Сейчас, когда мы отошли от третьего конгресса на достаточное

расстояние, чтобы дать ему правильную ретроспективную оценку, можно сказать, что поворот третьего конгресса имел для Коммунистического Интернационала никак не меньшее значение, чем брест-литовский поворот для Советской Республики. Если бы Интернационал автоматически шел по тому пути, одним из этапов которого были мартовские события в Германии, мы через год, через два имели бы разве лишь черепки коммунистических партий. С третьего конгресса начинается новый этап: партии отдают себе отчет в том, что они еще не владеют массами и что штурму должен предшествовать период более или менее длительной подготовки. Открывается полоса единого фронта, т.-е. тактика сплочения масс на почве переходных требований.

Этот второй период в развитии Коммунистического Интернационала, расширяя неизменно влияние всех главных секций его на рабочие массы, упирается в могущественный революционный прилив в Германии во второй половине 1923 г. Европа снова сотрясается страшными конвульсиями, в фокусе которых стоит Рур. Вопрос о власти снова встает в Германии во всей обнаженности и остроте. Но буржуазия устояла и на этот раз. В развитии Коммунистического Интернационала открывается третья глава. Определение ее основных политических особенностей и тактических задач составит предмет работ V-го международного конгресса.

* * *

Почему германская революция не привела к победе? Причины тому целиком в тактике, а не в об'ективных условиях. Мы имеем тут поистине классический пример упущенной революционной ситуации. С момента Рурской оккупации, а тем более с момента, когда обозначился провал пассивного сопротивления, необходим был со стороны коммунистической партии твердый и решительный курс на завоевание власти. Только мужественный поворот тактики мог об'единить германский пролетариат в борьбе за власть. Если на третьем и отчасти на четвертом конгрессе мы говорили немецким товарищам: „массами вы можете овладеть только на почве руководящего участия в их борьбе за переходные требования“,—то к середине 23-го года вопрос стал иначе: повести германский проле-

тариат после всего, что он пережил за последние годы, в решающий бой можно было лишь в том случае, если бы он убедился, что на этот раз дело идет, как говорят немцы, auf's Ganze (т.-е. не о частных задачах, а об основной) и что коммунистическая партия готова итти в бой и способна обеспечить победу. Но коммунистическая партия проделала этот поворот неуверенно и с чрезвычайным запозданием. И правые, и левые, несмотря на острую борьбу друг с другом, до сентября—октября довольно фаталистически относились к процессу развития революции. В то время, как вся об'ективная обстановка требовала со стороны партии решающего удара, партия не организовала революцию, а дожидалась ее. „Революция не делается в срок",—отвечали и правые, и левые, смешивая революцию в целом с определенным ее этапом, т.-е. с восстанием для захвата власти. Этому вопросу посвящена была моя статья „Можно ли революцию делать в срок". Статья резюмирует бесконечные предшествовавшие ей разговоры и споры. Правда, в октябре месяце произошел в политике партии перелом. Но было уже поздно. Рабочие массы в течение 1923 г. сознавали или чувствовали, что подходит момент решающей борьбы. Они не видели, однако, необходимой решимости и уверенности в себе со стороны коммунистической партии. А когда эта последняя занялась лихорадочной подготовкой к восстанию, она сразу сбилась с ноги и утратила связь с массами. Получилось то же самое, как если бы всадник, медленно под'езжавший к высокому барьеру, в последний момент судорожным движением вонзил в бока лошади шпоры. Прыгнув через барьер, лошадь, вернее всего, сломала бы себе ноги. На деле она остановилась перед препятствием, а затем метнулась в сторону. Такова механика тягчайшего поражения германской коммунистической партии и всего Интернационала в ноябре прошлого года.

Когда обозначился резкий перелом в соотношениях сил, когда легализованные фашисты выдвинулись вперед, а коммунисты оказались загнанными в подполье, некоторые товарищи поторопились провозгласить: „мы переоценили положение, революция еще не назрела". Разумеется, нет ничего проще такого рода стратегии: сперва прозевать революцию, а затем об'явить ее несозревшей. На самом же деле революция не

привела к победе не потому, что она вообще „не созрела“, а потому, что в решающий момент выпало из цепи решающее звено: руководство. Не в том „наша“ ошибка, что „мы“ переоценили условия революции, а в том, что „мы“ недооценили их, не сумели своевременно понять необходимость крутого и смелого тактического поворота: от борьбы за массы—к борьбе за власть; в том наша ошибка, что „мы“ в течение многих недель повторяли старые пошлости насчет того, что „революция не совершается в срок“, и таким путем упустили все сроки.

Имела ли коммунистическая партия за собой большинство рабочих во второй половине прошлого года? Трудно сказать, каков был бы результат, если б мы произвели на этот счет в свое время анкету. Такие вопросы не решаются анкетой. Они решаются динамикой движения. Несмотря на то, что очень значительное число рабочих оставалось еще в рядах социал-демократии, лишь ничтожное меньшинство их готово было занять враждебную, да и то скорее пассивно-враждебную позицию, по отношению к перевороту. Большинство социал-демократических, как и беспартийных рабочих остро ощущало гнетущую безвыходность буржуазно-демократического режима и ждало переворота. Их полное и окончательное доверие и сочувствие могло быть завоевано только в ходе переворота. Разговоры о страшной силе реакции, о многих сотнях тысяч черного рейхсвера и пр. оказались чудовищным преувеличением, в чем люди с революционным смыслом не сомневались с самого начала. Подлинную силу представлял лишь официальный рейхсвер. Но он был слишком малочислен и неизбежно оказался бы размыт напором миллионов.

На ряду с массами, прочно завоеванными коммунистической партией, в месяцы кризиса к ней тяготели новые, более широкие массы, ждавшие от нее сигнала к бою и руководства в бою. После того, как они этого не получили, они стали так же стихийно отходить от коммунистов, как ранее стихийно приливали к ним. Этим и об‘ясняется та резкая перемена в соотношении сил, которая позволила Секту почти без сопротивления овладеть полем политической борьбы. А фаталистически настроенные политики, наблюдая быстрые успехи Секта, провозгласили: „вы видите, пролетариат не хочет борьбы“. На самом деле

германский пролетариат после опыта революционного пятилетия хотел не просто борьбы, а такой борьбы, которая могла бы дать, наконец, победу. Не найдя необходимого руководства, он уклонился от борьбы. Этим он показал только, что в память его крепко врезались уроки 1918—1921 г. г.

Германская коммунистическая партия довела до избирательных урн три миллиона шестьсот тысяч рабочих. Сколько она растеряла по пути? На этот вопрос ответить трудно. Но данные многих частных выборов в ландтаги, муниципалитеты и пр. свидетельствуют о том, что коммунистическая партия приняла участие в последних выборах в рейхстаг уже чрезвычайно ослабленной. И при всем том она все еще собрала три миллиона шестьсот тысяч голосов! „Смотрите,—говорят нам,—германскую партию жестоко критикуют, а между тем, она представляет собой огромную силу!“ Но в том и суть, ведь, что три миллиона шестьсот тысяч голосов в мае 1924 г., т.-е. после стихийного отлива масс, после упрочения буржуазного режима, свидетельствуют о том, что во второй половине прошлого года коммунистическая партия была решающей силой, но что, к несчастью, это не было своевременно понято и использовано. Кто и теперь не хочет себе уяснить, что поражение выросло непосредственно из недооценки, точнее, из несвоевременной оценки исключительной революционной ситуации прошлого года, тот рискует ничему не научиться, а, стало быть, и вторично не признать революцию, когда она постучится в дверь.

То обстоятельство, что германская коммунистическая партия радикально обновила свои руководящие органы—в порядке вещей. Партия вместе с рабочим классом ждала и хотела борьбы, надеялась на победу — и получила поражение без боя. Естественно, если она отвернулась от старого руководства. Сейчас лишь условное значение может иметь вопрос о том, справилось ли бы с задачей левое крыло, если бы оно было у власти в прошлом году. Откровенно говоря, мы думаем, что нет. Выше мы уже отметили, что, несмотря на острую фракционную борьбу, левое крыло в самом основном вопросе — о захвате власти — разделяло расплывчатую, полуфаталистическую, выжидательную политику тогдашнего центрального комитета. Но уже один тот факт, что левое крыло было в оппозиции, сделало его есте-

ственным преемником партийной власти после того, как партия отвернулась от старого центрального комитета. Сейчас руководство в руках левого крыла. Это есть новый факт в развитии германской партии. С этим фактом нужно считаться, от него исходить. Нужно сделать все, чтобы помочь новому руководящему органу партии справиться со своей задачей. А для этого нужно прежде всего ясно видеть опасности. Первая возможная опасность могла бы вырости из недостаточно серьезного отношения к поражению прошлого года: ничего-де особенного не случилось, маленькая отсрочка, революционная ситуация вскоре повторится, мы попрежнему идем на решающий штурм. Это неверно! Прошлогодний кризис означал для пролетариата колоссальный расход революционной энергии. Чтобы переварить трагическое поражение прошлого года, поражение без решающего боя, без попытки решающего боя, пролетариату нужно время. Ему нужно время, чтобы снова пореволюционному ориентироваться в об'ективной обстановке. Это не значит, разумеется, что ему нужен долгий ряд лет. Но недель для этого недостаточно. И было бы величайшей опасностью, если бы стратегическая линия нашей германской партии пошла нетерпеливо наперерез тем процессам, которые происходят сейчас в немецком пролетариате, как результат прошлогоднего поражения.

Решает, как мы знаем, в последнем счете экономика. Те небольшие хозяйственные успехи, которых достигла за самые последние месяцы германская буржуазия, являются сами по себе неизбежным результатом ослабления революционного процесса, некоторого—очень поверхностного и шаткого—упрочения буржуазного „порядка“ и проч. Но до восстановления сколько-нибудь устойчивого капиталистического равновесия в Германии сейчас немногим ближе, чем было в июле — ноябре прошлого года. Во всяком случае, путь к этому равновесию пролегает через такие могущественные конфликты труда с капиталом и пересечен такими затруднениями со стороны Франции, что германскому пролетариату еще на неопределенно долгий период обеспечена революционная экономическая база. Однако, те частные процессы, которые в этой базе происходят—временные обострения, или наоборот, смягчения кризиса и его про-

изводных явлений—ни в каком случае не являются для нас безразличными. Если сравнительно сытый и благополучный пролетариат всегда очень чуток даже и к небольшому ухудшению своего положения, то исстрадавшийся, изголодавшийся, истощенный пролетариат Германии чуток даже и к самому слабому улучшению своих жизненных условий. Этим об'ясняется несомненно наблюдающееся сейчас—очень, опять-таки, неустойчивое—укрепление рядов германской социал-демократии и профсоюзной бюрократии. Внимательное наблюдение за изменениями торгово-промышленной коньюнктуры в Германии и ее отражениями на жизненном уровне немецкого рабочего сейчас для нас более обязательно, чем когда бы то ни было.

Решает экономика, но лишь в последнем счете. Более непосредственное значение имеют те политико-психологические процессы, которые происходят сейчас в германском пролетариате и которые также имеют свою внутреннюю логику. Партия собрала на выборах 3.600.000 голосов: великолепное пролетарское ядро! Но колеблющиеся отошли от нас. А между тем непосредственная революционная ситуация характеризуется всегда тем, что колеблющиеся примыкают к нам. Многие и многие рабочие социал-демократы, надо полагать, во время выборов говорили себе: „Мы знаем прекрасно, что наши вожди—изрядные негодяи, но за кого же голосовать? Коммунисты обещали взять власть, но не сумели и только помогли реакции *). Не к националистам же итти?“ И с отвращением в сердце они подавали голос за социал-демократов. Школа буржуазной реакции, надо надеяться, довольно скоро заставит германский пролетариат в подавляющем его большинстве усвоить себе революционную ориентировку, на этот раз более определенно и крепко. Нужно всемерно помогать этому процессу. Нужно ускорять его. Но никак нельзя перескочить через его неизбежные этапы. Представлять себе дело так, будто ничего особенного не случилось, будто произошла лишь некоторая заминка и пр. было бы в корне неправильно и грозило бы величайшими ошибками стратегического порядка. То, что случилось, — не поверхностная заминка, а огромное поражение. Смысл его

*) Это наиболее выигрышный довод социал-демократических проходимцев и пошляков.

должен быть усвоен авангардом пролетариата. Опираясь на этот урок, авангард должен ускорить процесс группировки пролетарских сил вокруг 3.600.000. Революционный прилив, затем отлив, и новый прилив—эти процессы имеют свою внутреннюю логику и свой темп. Революции не только развертываются,— говорили мы, — революции организуются. Но организовать революцию можно только на основе ее внутреннего развития. Игнорировать критические, выжидательные и скептические настроения в широких кругах пролетариата после того, что произошло, значило бы итти навстречу новому поражению. Самая лучшая революционная партия не может по произволу вызвать новую революцию на второй день после поражения, как самый лучший акушер не может вызывать роды каждые три или каждые пять месяцев. То, что прошлогодние революционные роды оказались ложными, не меняет дела. Немецкому пролетариату нужно пройти через стадию восстановления и собирания сил для новой революционной кульминации, прежде чем коммунистическая партия, оценив обстановку, сможет дать сигнал к новому штурму. А, с другой стороны, мы знаем, что не меньшая опасность грозила бы, если бы на новом повороте коммунистическая партия опять не узнала революционной ситуации и тем самым снова оказалась бы бессильной использовать ее до конца.

Два величайших урока отмечают историю германской коммунистической партии: март 1921 года и ноябрь 1923 года. В первом случае партия приняла собственное нетерпение за созревшую революционную ситуацию; во втором случае она не узнала созревшей революционной ситуации и упустила ее. Это те предельные опасности „слева“ и „справа“, меж которых вообще проходит политика пролетарской партии в нашу эпоху. Будем твердо надеяться, что богатой боями, поражениями и опытом немецкой коммунистической партии удастся в не столь отдаленном будущем провести свой корабль между „мартовской“ Сциллой и „ноябрьской“ Харибдой и обеспечить германскому пролетариату то, что он честно заслужил: победу!

* * *

В то время, как в самой Германии последние парламентские выборы, под влиянием опасности прошлого года, дают новый

толчок буржуазной концентрации направо, однако, в рамках парламентаризма, а не фашистской диктатуры—в остальной Европе и в Америке передвижка правящих политических группировок идет в сторону „соглашательства". В Англии и в Дании буржуазия правит через посредство партий Второго Интернационала. Победа левого блока во Франции означает прямое или чуть-чуть замаскированное (вернее всего—прямое) приобщение социалистов к власти. Итальянский фашизм становится на путь парламентского „упорядочения" своей политики. В Соединенных Штатах Северной Америки соглашательские иллюзии мобилизуются под знаком „Третьей Партии". В Японии победили на выборах партии оппозиции.

Когда корабль теряет рулевое управление, приходится иногда давать по очереди ход то правой, то левой машине: корабль движется зигзагами, расходуя большое количество энергии, но все же движется. Таково сейчас управление капиталистических государств Европы. Буржуазия вынуждена чередовать фашистские методы с социал-демократическими. Фашизм сильнее всего был и остается в тех странах, где пролетариат близко подходил к власти, но не сумел ее взять или удержать: в Италии, Германии, Венгрии и пр. Наоборот, соглашательские тенденции получают преобладание по мере того, как буржуазия начинает менее непосредственно ощущать угрозу пролетарского переворота. Если буржуазия чувствует себя достаточно сильной, чтобы не нуждаться в непосредственной работе фашистских банд, то, с другой стороны, она не чувствует себя достаточно сильной, чтобы обходиться без меньшевистского прикрытия.

В эпоху четвертого конгресса Коминтерна, прошедшего целиком под знаком наступления капитала и фашистской реакции, мы писали, что если германская революция не вырастет непосредственно из создавшейся в тот момент обстановки и не даст тем самым нового направления всему политическому развитию Европы, то можно с полной уверенностью ожидать смены фашистской главы главой соглашательской, в частности, пришествия в Англии к власти рабочего правительства, а во Франции—левого блока. Тогда это предвидение казалось кое-

кому сеянием соглашательских иллюзий: есть люди, которым удается быть революционными, только зажмурив глаза.

Приведем, однако, точные цитаты. В статье „Политические перспективы“, напечатанной в „Известиях“ 30-го ноября 1922 года, я полемизировал против упрощенного, не-марксистского, механического взгляда на политическое развитие, которое будто бы должно фатально, через автоматическое усиление фашизма и коммунизма, привести к победе пролетариата. В этой статье говорится: „Еще 16-го июня прошлого (1921) года, в своей речи на заседании расширенного Исполкома, я развивал ту мысль, что если революционные события в Европе и во Франции не наступят раньше, то вся парламентски-политическая жизнь Франции начнет неизбежно кристаллизоваться по оси „левого блока“, в противовес ныне господствующему „национальному“. Революция за эти полтора года не наступила. И вряд ли тот, кто следит за жизнью Франции, станет отрицать, что—за вычетом коммунистов и революционных синдикалистов—политика ее, действительно, идет по пути подготовки смены национального блока левым. Правда, Франция стоит целиком под знаком наступления капитала, непрерывных угроз по адресу Германии и пр. Но параллельно с этим нарастают растерянность буржуазных классов, особенно промежуточных, их страх за завтрашний день, их разочарование в политике „репараций“, их стремление смягчить финансовый кризис сокращением расходов на империализм, их надежды на возобновление сношений с Россией и пр., и пр. Эти настроения захватывают и значительную часть рабочего класса через посредство реформистских социалистов и синдикалистов. Таким образом, продолжающееся наступление французского капитала и французской реакции нисколько не противоречит тому, что французская буржуазия явно подготовляет для себя новую ориентировку“.

И дальше в той же статье мы писали:

„В Англии положение не менее поучительно. Господство либерально-консервативной коалиции сменилось в результате недавних выборов господством чисто-консервативным. Явный шаг „направо“! Но, с другой стороны, как раз цифры последних выборов свидетельствуют о том, что буржуазно-соглашательская Англия уже вполне подготовила для себя новую

ориентацию на случай дальнейшего обострения противоречий и нарастания трудностей (а то и другое неизбежно)... Имеются ли серьезные основания думать, что нынешний консервативный режим приведет в Англии непосредственно к диктатуре пролетариата? Мы таких оснований не видим. Наоборот, мы полагаем, что безвыходные экономические, колониальные и международные противоречия нынешней Великобританской империи будут давать большую пищу плебейско-мещанской оппозиции в лице так называемой рабочей партии. Все говорит за то, что в Англии больше, чем в какой-либо другой стране земного шара, рабочий класс, прежде чем перейти к диктатуре, должен будет пройти через стадию „рабочего" правительства в лице реформистско-пацифистской рабочей партии, собравшей уж на последних выборах около 4 с четвертью миллионов голосов".

— Значит, вы стоите на точке зрения смягчения политических противоречий? Но ведь это же явный оппортунизм!— возражали те товарищи, которые способны охранить себя от оппортунистических искушений, только повернувшись к ним спиной. Как будто предвидеть новый временный под'ем соглашательских иллюзий, значит в какой бы то ни было степени разделять их. Конечно, гораздо проще ничего не предвидеть, ограничиваясь повторением сакраментальных формул. Но сейчас уж нет надобности продолжать спор. События дали проверку прогноза: мы имеем правительство Макдональда в Англии, министерство Стаунинга—в Дании, победу левого блока—во Франции, партии оппозиции—в Японии, а на политическом горизонте Соединенных Штатов вырисовывается символическая фигура Лафолета, правда, достаточно-таки безнадежная.

Выборы во Франции дали безапелляционную проверку еще одному спору: относительно влияния французской социалистической партии. Как известно, эта „партия" почти не имеет организации. Ее официальная пресса крайне жалка и почти никем не читается. Исходя из этих бесспорных фактов, некоторые товарищи склонны были оценивать социалистическую партию, как ничтожную величину. Этот утешительный, но ложный взгляд нашел случайное отражение даже в некоторых официальных документах Коминтерна. На самом деле в корне неправильно оценивать политическое влияние французских со-

циалистов на основании их организации или распространенности их печати. Социалистическая партия представляет собою аппарат для привлечения рабочих в лагерь „радикальной“ буржуазии. У более отсталых или более привилегированных элементов рабочего класса нет потребности ни в организации, ни в партийной печати. Они не входят ни в партию, ни в синдикаты, голосуют за социалистов и читают бульварную газету. Соотношение между числом членов партии, числом абонентов партийной печати и числом парламентских избирателей у социалистов совсем не то, что у коммунистов. Об этом нам приходилось высказываться не раз. Приведем опять-таки точные цитаты. Еще 2-го марта 1922 г. мы писали в „Правде“:

„Если принять во внимание, что коммунистическая партия насчитывает 130.000 членов, а социалисты—30.000, то огромные успехи коммунистической идеи во Франции станут очевидными. Однако, если принять во внимание отношение этих чисел к численности рабочего класса в целом, наличность реформистских профессиональных союзов и анти-коммунистических тенденций в революционных союзах, то вопрос о гегемонии коммунистической партии в рабочем движении предстанет пред нами, как очень трудная задача, далеко еще не разрешенная нашим численным перевесом над диссидентами (социалистами). Эти последние, при известных условиях, могут оказаться гораздо более значительным контр-революционным фактором внутри рабочего класса, чем это может представляться, если судить только по слабости их организации, по ничтожеству тиража и идейного содержания их органа „Populaire“.

Совсем недавно нам приходилось возвращаться к тому же вопросу. В одном из документов начала этого года (письмо Исполкома к Коммунистической Партии Франции) о социалистической партии говорилось, как о „мертвой“, за которую могут голосовать лишь „немногие рабочие“ и пр., и пр. По этому поводу я писал 7-го января этого года: „Слишком легко говорится о французской социалистической партии, как о мертвой, за которую голосуют лишь „немногие рабочие“. Это иллюзия. Французская социалистическая партия есть избирательная организация значительной части пассивных и полу-пассивных рабочих масс. Если у коммунистов пропорция между организо-

ванными и избирателями, скажем, 1:10 или 1:20, то у социалистов эта пропорция может оказаться 1:50 или 1:100. Наша задача в избирательной кампании в значительной мере и состоит в том, чтобы отколоть значительную часть пассивной рабочей массы, пробуждающейся только во время выборов. А чтобы этого достигнуть, не надо недооценивать врага".

Последние французские выборы полностью и целиком подтвердили приведенные выше соображения. Коммунисты при несравненно более сильной партийной организации и партийной печати собрали значительно меньше голосов, чем социалисты. Даже числовые соотношения оказались на выборах приблизительно те, какие нами условно намечались... Тем не менее тот факт, что наша партия собрала до 900.000 голосов, представляет серьезный успех, особенно если принять во внимание быстрый рост нашего влияния в предместьях Парижа.

Сейчас есть все основания рассчитывать на то, что вхождение социалистической партии в состав левого блока и, тем самым, участие ее в правительстве создадут благоприятные условия для роста политического влияния коммунистов, как единственной партии, свободной от каких бы то ни было политических обязательств по отношению к буржуазному режиму.

* * *

В Америке соглашательские иллюзии мелкой буржуазии, в первую голову фермерства, и мелкобуржуазные иллюзии пролетариата принимают форму Третьей Партии. Эта последняя мобилизуется в данный момент вокруг сенатора Лафолета или, вернее, вокруг его имени, ибо сам сенатор, приближаясь к восьмидесятому году от роду, до сих пор не нашел времени выступить из состава республиканской партии. Все это, впрочем, в порядке вещей. Но поистине изумительной является позиция некоторых лидеров американской коммунистической партии, которые намерены призвать партию голосовать за Лафолета, надеясь таким путем обеспечить влияние коммунистов на фермерство. Более того: они ссылаются на пример русского большевизма, который будто бы посредством такого рода политики овладел крестьянством. Конечно, при этом нет недостатка в перепевах той, потерявшей уже образ и подобие, мысли, что

„недооценка“ крестьянства есть основной признак меньшевизма. История марксизма и большевизма в России есть, прежде всего, история борьбы с народничеством и эсеровщиной. Эта борьба составляла предпосылку борьбы с меньшевизмом и имела своей основной задачей обеспечить пролетарский характер партии. Десятилетия борьбы против мелко-буржуазного народничества позволили большевизму в решающий момент, т.-е. в момент открытой борьбы за власть, одним ударом уничтожить эсеров, завладев их аграрной программой и поведя за собой крестьянские массы. Эта политическая экспроприация эсеров была необходимой предпосылкой экономической экспроприации помещиков и буржуазии. Совершенно очевидно, что тот путь, на который готовы вступить некоторые американские товарищи, не имеет ничего общего с путями большевизма. Молодой и слабой, лишенной революционного закала коммунистической партии играть роль загонщика „прогрессивных избирателей“ республиканского сенатора Лафолета—значило бы итти навстречу политическому растворению партии в мелкой буржуазии. Оппортунизм выражается ведь не только в кунктаторстве (медлительности), но и в политической нетерпеливости, он часто стремится жать там, где не сеял, реализовать успехи, которые не соответствуют его влиянию. Недооценка основной задачи—развития и закрепления пролетарского характера партии—вот где основной признак оппортунизма. Из недостаточной веры в силу пролетариата вытекают фантастические скачки в погоне за фермерством, которые могут стоить коммунистической партии головы. Что коммунистическая партия должна внимательнейшим образом следить за нуждами и настроениями фермерства, политически используя нынешний кризис для распространения своего влияния на деревню, это совершенно очевидно. Но она не может проделывать вместе с фермерством, и мелкой буржуазией вообще, все их политические этапы и зигзаги, добровольно проходить через все их иллюзии и разочарования, плетясь за Лафолетом, чтобы потом обличать его. В последнем счете фермерство только в том случае пойдет в массе своей за коммунистической партией в бой против буржуазии, если убедится, что эта партия представляет собой силу, способную вырвать у буржуазии власть. А такой силой комму-

нистическая партия может стать на деле, а значит и в глазах фермерства лишь как авангард пролетариата, а не как хвост Третьей Партии.

Как быстро неправильная исходная позиция приводит к грубейшим политическим ошибкам, показывает документ, исходящий от так называемого Организационного Комитета, образованного для созыва в июне Конгресса Третьей Партии с целью провозглашения Лафолета кандидатом на пост президента. Председателем этого комитета состоит один из вождей рабоче-фермерской партии штата Минесотта, секретарем—коммунист, делегированный на это дело коммунистической партией. И вот, этот коммунист дает свою подпись под манифестом, который, обращаясь к „прогрессивным избирателям", целью движения об'являет достижение „национального политического единства" и, защищаясь от упреков в том, что кампания идет под контролем коммунистов, заявляет, что коммунисты представляют собою незначительное меньшинство, и что если бы они даже попытались захватить руководство, это им все равно не удалось бы, так как „партия" стремится к положительному законодательству, а не к утопиям. И за эти мещанские пошлости коммунистическая партия берет на себя ответственность перед рабочим классом. Во имя чего? Во имя того, что вдохновители этого чудовищного оппортунизма, проникнутые насквозь скептицизмом по адресу американского пролетариата, нетерпеливо пытаются перенести центр тяжести партии в фермерскую среду, потрясенную аграрным кризисом. Поддакивая, хотя бы и с оговорками, худшим иллюзиям мелкой буржуазии, не трудно создать себе иллюзию собственного влияния на мелкую буржуазию. Думать, что в этом состоит большевизм—значит ничего не понимать в большевизме *).

*) Исполнительный Комитет Коминтерна отверг, разумеется, эту в корне неправильную и чрезвычайно опасную политику. Решение Исполкома явилось как нельзя более кстати: через несколько дней после того, как оно было вынесено, сенатор Лафолет выступил с бешеным обличением против коммунистов и благочестиво заявил, что не хочет иметь ничего общего с тем делом, к которому прикосновенны эти нечестивцы, красное отродье Вельзевула и Москвы. Надо надеяться, что этот урок не пройдет бесплодно для некоторых архи-умных стратегов!

4 июня 1924 г. Л. Т.

Предсказывать, насколько затянется нынешняя полоса соглашательства, трудно. Но, во всяком случае, не может быть и речи о том, чтобы буржуазная Европа восстановила экономическое равновесие как внутри себя, так и с Америкой. В отношении проблемы репараций делается, правда, широкая попытка соглашательского разрешения. Пришествие к власти левого блока во Франции укрепляет эту попытку. Но основное противоречие всей проблемы остается: чтобы платить, Германия должна вывозить; чтобы платить много, Германия должна много вывозить; а германский вывоз угрожает английскому и французскому. Чтобы вернуть себе возможность победоносной борьбы на европейском рынке, крайне урезанном, германская буржуазия должна была бы преодолеть гигантские внутренние затруднения, что, в свою очередь, не может не сопровождаться новым обострением классовой борьбы. С другой стороны, у самой Франции есть чудовищные долги, к уплате которых она не приступала. Чтобы начать платить, Франции надо усилить вывоз, т.-е. усугубить затруднения Англии в деле внешней торговли. Между тем, сама Англия едва достигла 75% своего довоенного вывоза. Перед лицом основных хозяйственных, политических и военных проблем соглашательское правительство Макдональда обнаруживает свою несостоятельность даже в большей мере, чем следовало ожидать. Незачем говорить, что с правительством левого блока во Франции дело будет обстоять не лучше. Безвыходность Европы, маскируемая ныне международными и внутренними сделками, снова вскроется в своем революционном существе. Нет сомнения, что коммунистические партии к этому моменту окажутся более подготовленными. Последние парламентские выборы в ряде стран свидетельствуют, что коммунизм представляет собою уже сейчас могущественную силу истории, и что сила эта растет.

22 мая 1924 г.

Амстердамский Интернационал и война.

Сегодняшние телеграммы сообщают о дебатах и решениях венского конгресса амстердамских (реформистских, не-революционных) профессиональных союзов по вопросу о войне и борьбе с нею. Почему этот вопрос вообще возник? Очевидно потому, что опасность новой войны становится все более ощутительной. Этот вывод нужно сделать прежде всего. Если амстердамские профессиональные союзы вынуждены снова возвратиться к вопросам войны, стало быть опасность нового кровавого столкновения все яснее понимается и ощущается даже и наиболее отсталыми трудящимися массами.

Резолюция об опасности войны и о мерах борьбы с ней внесена Жуо, генеральным секретарем всеобщего совета профессиональных (реформистских) союзов Франции. Тем самым г. Жуо признает опасность новой войны. Но ведь мы все хорошо помним, что во время последней империалистской войны г. Жуо изо дня в день повторял, что это—последняя война, что она имеет своей задачей убить милитаризм и что в результате ее установится торжество демократического международного права. Именно поэтому Жуо требовал от французских рабочих активной поддержки французской буржуазии в „последней“ войне, которая должна убить войну. И вот теперь, десять лет спустя после начала и почти шесть лет после конца „последней“ войны, г. Жуо вносит резолюцию о борьбе против опасностей новых войн. Значит кто-то ошибся, значит кто-то был обманут. Кто? Кем? Господин ли Жуо был обманут французской буржуазией? Или же Жуо обманывал французских рабочих в интересах французской буржуазии? Вопрос немаловажный. Прежде чем разговаривать с Жуо о методах борьбы против опасностей войны, нужно разрешить этот предварительный вопрос. Одно из двух: либо в течение империалистской бойни Жуо сознательно обманывал рабочих насчет смысла и последствий войны—тогда его нужно выбросить из рабочего движе-

ния; либо же он был сам обманут, т.-е., другими словами, стал жертвой своей ложной реформистской политики,—тогда он должен во всеуслышание заявить о ложности своей реформистской политики во время империалистской войны, прежде чем иметь право рассуждать о политике рабочего класса перед лицом новой опасности. Из этой альтернативы выскочить нельзя.

Насколько мы знаем, ни г. Жуо, ни другие его партнеры не заявляли и не заявляют, что их политика в величайшем событии мировой истории, в империалистской войне, была насквозь ложной и гибельной. А если так, то это нам уже заранее дает право рассматривать их нынешнюю политику, и в том числе резолюции венского конгресса, как продолжение их старой политики. Мы знаем, что и до империалистской войны профессиональные союзы и социал-демократические партии выносили с таким же единодушием, как и последний венский конгресс, резолюции против войны. Когда же надвинулась война, ни одна из европейских социал-демократических партий, ни одна из профессиональных организаций не только не смогла, но и не попыталась воспрепятствовать ей, наоборот, почти все они стали всячески помогать кровавой работе своей национальной буржуазии. Где же у нас не то что гарантии, а хоть тень надежды на то, что с наступлением новой войны поведение Жуо и всех других амстердамцев будет отличаться от их поведения в 1914—1918 годах?

Таков наш предварительный вопрос. Те же самые люди, которые до империалистской войны произносили на с'ездах заклинания против милитаризма и военной опасности, а затем во время войны оказались злейшими шовинистами,—теперь, в промежутке между двумя войнами, опять начинают повторять заклинания против милитаризма, чтобы в случае войны опять оказаться его вернейшими и надежнейшими помощниками и слугами. Разве это не очевидно, разве не бесспорно?

На этом, в сущности, можно было бы и остановиться, если б люди не забывали так легко свой собственный опыт и если б не было молодых поколений, которые этого опыта еще не проделали. В расчете на забывчивость одних и опытность других и построена вся политика амстердамских вождей.

Посмотрим, поэтому, поближе на их программу борьбы.

Программа эта имеет двоякий характер: с одной стороны, она рекомендует пропаганду, направленную к уничтожению вражды между народами, к установлению обязательного третейского суда и проч., т.-е. имеет пацифистский характер, а с другой стороны, она имеет видимость боевой программы, так как рекомендует, в случае военной опасности, прекращение работ на всех амуниционных заводах, на транспорте, экономический бойкот и, наконец, об'явление международной всеобщей забастовки. Насчет пацифистской части программы говорить много не приходится. Конечно, было бы великолепным делом, если бы можно было установить „справедливый" и для всех обязательный международный трибунал. Но установить ныне такой трибунал должны были бы, очевидно, буржуазные правительства, ибо в их руках находится власть. Однако, от этих самых буржуазных правительств и исходит как раз военная опасность. Значит, вопрос все равно передвигается с пацифистской программы на боевую и решается тем, в какой мере и какими средствами рабочие могут помешать буржуазии вызвать новую международную свалку.

Каковы эти средства, мы вчерне слышали: частичная стачка (на амуниционных заводах), бойкот, всеобщая стачка. Скажем сразу: эти патентованные средства Жуо и К° представляют собою усыпительный порошок—и ничего более.

Амуниционные заводы работают во всех странах и непрерывно. Почему бы не призвать их к стачке сейчас? Если амстердамцы серьезно решили воспротивиться новой войне, то незачем, казалось бы, фабриковать военные запасы. В качестве маленького задатка под будущие большие подвиги в деле борьбы с войной, следовало бы, как-будто, начать с призыва рабочих покинуть работу на амуниционных заводах теперь же, немедленно. —Утопия!—ответят господа амстердамцы,—рабочие не откликнутся на такой призыв, правительство всегда найдет необходимое число стачколомов и пр., и пр.—эти возражения, надо признать, не лишены основания. Но неужели же устроить стачку на амуниционных заводах в период надвигающейся войны легче, чем в мирное время? Нужно быть болваном или мошенником, чтобы это утверждать. Проповедывать стачку на амуниционных заводах и других военных предприятиях в мо-

мент непосредственной военной грозы—значит фактически отсрочивать ее на такой час, когда она будет менее всего возможна. Мы помним июль 1914 года. Государство накануне войны наиболее могущественно. Оно окончательно монополизирует в своих руках все органы, средства и орудия для мобилизации общественного мнения, оно присоединяет к этому все средства террора. Хотели бы мы в июле 1914 года услышать призыв г. Жуо к стачке на амуниционных заводах Франции! Но нет, мы помним совсем другую программу, которую Жуо развивал вслед за Тома: Des canons! Des munitions! (пушек! амуниции!). Какие основания думать, что накануне новой войны дело будет обстоять иначе? Нелепо перелагать главную тяжесть борьбы с войною на группу рабочих военных заводов. Да никто из амстердамцев всерьез этого и не делает. Они сами в это не верят: настолько-то здравого смысла у них есть.

Правда, резолюция говорит и о всеобщей стачке, этим самым как бы возлагая обязанность боевого выступления против войны на весь рабочий класс. Не трудно, однако, показать, что и речи о всеобщей стачке мало чем отличаются от речей о стачке на военных заводах. Под всеобщей стачкой надо, очевидно, понимать такое могущественное выступление пролетариата, которое должно будет помешать буржуазии осуществить свою волю в важнейшем вопросе — о войне и мире. Выходит так, что организованный амстердамцами пролетариат способен в любой момент парализовать волю буржуазии. Почему же он этого не делает в вопросах меньшего размера: удлинения рабочего дня, роста военных расходов и пр. Откуда господа амстердамцы взяли свою великолепную уверенность в том, что за двадцать четыре часа до того, как буржуазия решит снова бросить народы в войну, пролетариат окажется достаточно могущественным, чтобы парализовать этот план при помощи всеобщей стачки? В предвоенный период буржуазия, как уже упомянуто, концентрирует в своих руках все свое могущество. Всеобщая стачка в такой обстановке означает революцию. Таким образом, доблестные амстердамцы обязуются в известный момент, выбранный не ими, а буржуазией—устроить пролетарскую революцию. Но ведь для

этого, казалось бы, нужно иметь необходимые силы. А если они есть, то зачем откладывать революцию до того, как война надвинется? Не проще ли совершить ее заблаговременно, устранив тем самым самую возможность войны?

Вопрос еще ярче освещается с другой стороны. Французский всеобщий совет профессиональных союзов, руководимый Жуо, тесно связан с французской социалистической партией, как английские тред-юнионы связаны с партией Макдональда, как германские профсоюзы состоят в теснейшей связи с социал-демократией и пр. Военный бюджет, тот самый, который обеспечивает, между прочим, работу аммуниционных заводов, составляет важнейшую часть бюджета г. Сноудена, „рабочего" министра, выполняющего задачи великобританского империализма. Таким образом, амстердамец Сноуден заставляет английских рабочих платить налоги на нужды английских снарядных и иных заводов. А как только подоспеет горячее время, когда эти снаряды должны быть пущены в дело, так те же английские рабочие должны, видите ли, немедленно устроить забастовку на снарядных заводах, либо во всей вообще промышленности. И так дело обстоит не в одной Англии. Французская социалистическая партия решила голосовать за радикальный бюджет. Радикальный бюджет заключает в себе довольно радикальные расходы на милитаризм. А в то же время г. Жуо, делающий общую политику с французскими социалистами, хочет обязать французских рабочих устроить стачку в тот момент, когда выяснится, что „радикальная" армия строится не для забавы, а для серьезного дела, т.-е. для войны. Можно ли представить себе более низкопробное шарлатанство. В мирное время мы будем собирать для буржуазии ее бюджет, подгоняя в качестве социалистических министров трудящуюся массу к уплате налогов на милитаризм, поддерживая, развивая и укрепляя военные заводы, наблюдая за строжайшей дисциплиной в буржуазной армии, приучая рабочих к мысли о том, что поддержка империалистского государства есть их долг... Но в тот момент, когда буржуазия, которая относится к делу серьезно, решит, что созданную при помощи социалистических министров и реформистских профессионалистов армию нужно пустить в дело,—о, в этот момент мы призовем рабочих ко всеобщей стачке и ко всем

прочим средствам борьбы. Эта политика рассчитана на баранов, которых ведут на бойню.

— Но если всеобщая стачка для предупреждения войны по вашему невозможна,—слышим мы возражение хитроумного амстердамца,—тогда что же остается? Тогда рабочий класс безоружен против милитаризма.

На это мы отвечаем: рабочий класс не безоружен против милитаризма, но вы, амстердамцы, делаете все для того, чтобы его обезоружить. Давайте начинать с маленького. Прежде чем призывать к стачке на амуниционных заводах, а тем более ко всеобщей стачке, постановите отказывать буржуазии в бюджетных средствах, при помощи которых она содержит свои амуниционные заводы. Незачем болтать о полной независимости профессиональных союзов и социалистических партий, ибо общность их политики ясна и бесспорна. Если бы парламентские партии отказались подчиниться такому решению, тогда профессиональные союзы должны были бы призвать бойкотировать всякую партию, которая прямо или косвенно поддержит военный бюджет в буржуазном государстве. Но ведь это значило бы рвать с реформистами, с соглашателями, т.-е. с самими собой? Да, задача неразрешимая! Нельзя поддерживать изо дня в день буржуазное государство, санкционировать именем пролетариата его бюджет, позволять ему накоплять силы, нагуливать снова мускулатуру, потрепанную последней войной, и в то же время прибавлять: а как только ты, государство, попытаешься эту мускулатуру привести в действие, так немедленно же мы встанем на дыбы. Плутоватая глупость такой позиции поистине чудовищна!

Но разве голосование против бюджета само по себе решает вопрос? Ведь при сохранении буржуазией господства парламент всегда обеспечивает за ней большинство. Значит, она будет иметь свой военный бюджет и в том случае, если представители рабочих будут голосовать против него. Военная опасность таким путем не будет еще упразднена. Это совершенно бесспорно. Одной парламентской оппозицией против милитаризма опасность войны не устраняется. Но совершенно очевидно, те рабочие организации, у которых не хватает духу даже для парламентской оппозиции, и вовсе ни к чорту не го-

дятся. Голосование против военного (и всего вообще капиталистического) бюджета имеет смысл постольку, поскольку профсоюзы и партии об'единяют рабочих для непримиримой борьбы против господства буржуазии, не только в случае военной опасности, но и в мирное время, т.-е. во время систематической подготовки военной опасности. Конечно, буржуазия еще будет до поры до времени иметь свой бюджет и свой милитаризм. Но профессионалисты будут говорить: только заклятые враги рабочего класса могут голосовать за этот бюджет; в этом бюджете коренится не только сегодняшнее рабство, но и завтрашняя война; и кто из так называемых „рабочих" представителей голосует за этот бюджет, тот—изменник, предатель, того на пушечный выстрел нельзя подпускать к рабочим организациям.

Создание такого рода политического настроения в трудящихся массах есть создание первой, самой элементарной предпосылки для борьбы против военной опасности.

На этой предпосылке дело, конечно, не должно останавливаться. Нужно строить боевую организацию рабочего класса. Для того, чтобы возможна была стачка на амуниционных заводах, нужно, во-первых, чтоб рабочая масса на этих заводах была, по крайней мере в большинстве своем, проникнута ненавистью к буржуазному господству, и, во-вторых, чтобы в этой массе имелось крепкое спаянное ядро, способное в решительный момент повести массу за собой. Конечно, и при этом условии никак нельзя обязаться, что мы сможем провести стачку как раз накануне войны. В этот момент стачка (т.-е. революция) наименее вероятна. В действительности либо революция со всеобщей стачкой, как одним из своих моментов, вырастет из хода классовой борьбы и тем сделает невозможной войну, либо же новая война даст новое обострение классовой борьбе и приведет ко всеобщей стачке и революции. Никаких формальных обязательств серьезный революционер брать на себя в этом вопросе не может. Другое дело политический шарлатан: он жонглирует всеобщей стачкой, восстанием, всеобщим бойкотом, войной, как клоун жестяными тарелками.

Как бы для того, чтобы до конца обнажить свою реформистскую наготу, конгресс амстердамцев постановил назначить

на 21 сентября „день протеста против войны“. Горе милитаризму!—Но позвольте—вспоминает читатель—ведь у рабочего класса есть уже день протеста против милитаризма: это—первое мая. Да ведь беда-то в том, что первое мая только раз в семь лет падает на воскресенье. Чтобы „протестовать“ первого мая против войны, нужно бастовать, стало быть, вступать в конфликт с буржуазией. А помешать капиталу на деле эксплоатировать рабочего один день в году гораздо труднее, чем пообещать всеобщие стачки, всеобщие бойкоты и другие чудеса на случай войны. Вот почему амстердамцы перенесли свой протест на третье воскресенье сентября: тут грозный протест примет такие формы, что его никто и не заметит. Надо прибавить, что конгресс разрешил центральным организациям отдельных стран перенести протест на день убийства Жореса, на 28 июля. Счастливой предусмотрительностью календаря день этот в настоящем году тоже падает на воскресенье. В будущем году в годовщину смерти Жореса протестовать не придется. Зато останется третье воскресенье сентября. Воскресенье есть всегда воскресенье. Окончательный отказ от первомайского праздника есть единственное новое слово амстердамцев в борьбе с опасностями войны.

Общие выводы из антимилитаристических решений конгресса Амстердамского Интернационала: нужно упорнее, настойчивее, систематичнее, чем когда бы то ни было, раз‘яснять рабочим массам, что амстердамцы предательски обманывают их в самом основном, самом остром вопросе развития современного общества: в вопросе о войне. Рецепты амстердамцев представляют политическое снотворное средство на службе капиталистического милитаризма. Главная опасность войны коренится именно в позиции амстердамцев. Разгромить эту позицию, т.-е. лишить ее доверия масс, значит разоружить буржуазию и вооружить пролетариат. Вот эту работу надо выполнить.

7 июня 1924 г.

Мы и Восток.

(Речь на юбилейном собрании работников просвещения Сокольнического района, 10-го июня 1924 года).

Товарищи, мне предложено было сделать вам доклад о международном положении. Признаться, я затрудняюсь охватить эту тему в одном докладе, тем более, что о международном положении у нас за последнее время много говорили на разных с'ездах и собраниях, отчеты о которых вы, надеюсь, читаете. Я поэтому из общей картины международного положения выделю несколько, хоть и частных, но, как мне кажется, очень ярких моментов, характеризующих всю обстановку.

СДВИГ „ВЛЕВО".

Что является в данный момент, по крайней мере на беглый взгляд, наиболее ярким в международном положении, это смены правительств в разных странах, преимущественно справа налево. Весна как бы принесла с собою „демократическое" обновление буржуазных правительств. Англия начала, правда, еще с зимы, с правительства Макдональда, которое появилось в качестве подснежника, предвещающего весну. Во Франции новый „левый" парламент пытается разрешиться радикальным правительством. Пока что процесс протекает довольно болезненно. Сегодняшние телеграммы говорят о неожиданном появлении на свет божий правительства Марсаля. Это малоизвестный политик, но крупный финансист, бывший министр в кабинете Пуанкарэ. Об'ясняется этот странный факт—возникновение министерства национального блока, нового министерства Пуанкарэ, без самого Пуанкарэ,—об'ясняется этот факт тем, что Мильерану, чтобы не полететь со ступенек очертя голову, нужно создать для себя законный мост отступления с президентского поста. И вот, оказывается,—не умею вам точно об'яснить, почему это так надо,—но оказывается, что президент Мильеран дол-

жен создать министерство, которое сперва поможет законно свалить Мильерана, а потом свалится через несколько дней само. Это все требуется для парламентской законности. Ну что ж, не будем спорить. Во всяком случае через несколько дней, так по крайней мере обещают газеты, наш старый друг Мильеран, наконец, уйдет в отставку.

Если мы вспомним ту поистине подлую роль, которую он сыграл по отношению к Советскому Союзу, то самое парламентское, чем мы сможем в данном случае ограничиться, это сказать ему: скатертью дорога! (аплодисменты), чтобы не употребить кое-каких более крепких выражений. Это вовсе не значит, будто мы ждем от радикального министерства каких-либо действительно радикальных перемен. Но хуже, чем при Пуанкарэ—Мильеране, во всяком случае не будет. А и эта уверенность чего-нибудь да стоит.

В Германии тоже новый парламент. В Германии, однако, официальное политическое движение идет в противоположном направлении—слева направо. В этом смысле Германия занимает исключительное положение не только в Европе, но, пожалуй, во всем капиталистическом мире. Об'ясняется это тем, что Германия только недавно проходила через глубочайший революционный кризиз; буржуазия пока что вышла победительницей и тянет вправо. Но и она стремится свою диктатуру уложить в парламентские рамки. В Берлине ждали как будто нового, более правого министерства, но появилось на деле то же самое министерство Маркса,—газеты пишут, что это только наш есть недель. Срок, как видите, не очень долгий. В силу ли неустойчивой весенней погоды, или по другим причинам, но жизнь буржуазных правительств в Европе измеряется теперь неделями: во Франции говорят—через неделю уйдет правительство Марсаля, в Германии—через шесть недель уйдет правительство Маркса. Если это и не подтвердится, то все же такие ожидания характерны для господствующих настроений. Через сколько недель собираются уходить правительства других стран Европы, я доложить не могу. Но в Японии правительство Кияуры, которое было нашим заклятым врагом, уже ушло в отставку. Это правительство крайнего милитаристского крыла заменено, после новых парламентских выборов, буржуазным правитель-

ством Като, которое, вероятно, доведет переговоры с нашими представителями до благополучного конца, т.-е. до взаимного признания и эвакуации северного Сахалина. Казалось бы, в общем и целом дело идет довольно благоприятно: в важнейших капиталистических странах наблюдается сдвиг справа налево. Буржуазия, которая опиралась недавно на фашистское крыло, перевооружается и опирается на левое, радикальное или прямо меньшевистское крыло. Эта новая ориентировка вполне закономерна. Мы ее предвидели два года тому назад. Фашистский режим, как режим открытой гражданской войны, по самому существу своему имеет временный характер. Поскольку острый кризис завершился тем, что буржуазия, пока что, остается у власти, она вынуждена искать более широкой, более устойчивой базы, чтобы обеспечить более „нормальный" режим. Реформисты должны парламентски увенчать работу фашистов. Другими словами: финансовый капитал приобщает к власти мелкую буржуазию, целиком и полностью держа ее в подчинении. Для нас выгода та, что меньшевистское или реформистское представительство буржуазии по своей природе менее способно на агрессивные действия вообще и против нас в частности. Таким образом, мы тут выигрываем в смысле дальнейшего продления той исторической передышки, в которой мы так нуждаемся.

КАМПАНИЯ КЛЕВЕТЫ.

Но замечательное дело! Несмотря на то, что сдвиг буржуазных стран идет справа налево, в сторону реформизма и пацифизма, самый факт этого сдвига, в виду неустойчивости европейского и мирового положения, питает состояние крайней неуверенности и нервности. Империалистская печать всего мира снова полна тревожных слухов, угроз, чудовищных выдумок. Большинство их направлено против Советского Союза. Каждый день приносит в этом отношении что-нибудь новое. Бессмысленность выдумок такова, как если бы дело происходило в 1918 году! Большинство из вас читало, вероятно, о том, как мы собираемся захватить Бессарабию, чтобы проложить себе дорогу к Константинополю и проливам. Телеграммы эти были в наших газетах 8-го июня. Признаюсь, я их проглядел.

Сегодня, увидев дружескую каррикатуру Дени, изобразившего меня над константинопольскими минаретами, я не понимал в чем дело и справился в телеграммах. Напомню вам об них. Они ярко рисуют состояние буржуазного общественного мнения. Телеграмма из Парижа гласит: „Вся французская буржуазная печать публикует телеграмму агентства Гаваса (это официозное агентство республики!) из Берна (почему из Берна?!) о речи Троцкого в Подольске (почему в Подольске?). „Бессарабия,—говорится в этой подольской речи,—будет первым этапом на пути в Константинополь... Проливы, рано или поздно, будут принадлежать СССР...“ И далее в таком же роде. Это телеграмма из Парижа. Из Лондона читаем сообщение, что вся печать обсуждает совершенно такую же телеграмму Рейтера, официозного великобританского агентства. Тов. Раковский дал немедленно официальное опровержение, которого большинство газет, однако, не напечатало. Зачем опровергать ложь, когда можно распространять ее? „Дэйли Телеграф“, одна из реакционных английских газет, пытается установить связь между этой речью (которую я произнес в Подольске!) и взрывом в Бухаресте (смех). Вы, товарищи, читали, что один английский инженер, — это дело пока еще не проверенное, — изобрел такие лучи, которыми можно взрывать на расстоянии. Но чтобы были речи, при помощи которых можно на расстоянии взрывать артиллерийские склады, этого я не знал. Во всяком случае я очень жалею, что не обладаю секретом таких речей (смех). Можно, правда, сказать, что это, мол, газетная утка, журналисты—народ увлекающийся, и пр. Но сегодня есть телеграмма из Лондона, в которой сообщается о том, что Ллойд-Джордж в парламенте ссылался на это самое наше стремление захватить вооруженной рукой Бессарабию, как путь к Константинополю и проливам! В парламенте, а не на митинге, и не первый прохожий на улицах Лондона, а бывший премьер Ллойд-Джорж! Что ж это такое? Во-первых, позвольте вам доложить, что в Подольске я за последний год не был ни в Московском Подольске, ни в Каменец-Подольске. А если бы и был, то такой речи не произносил бы, даже если бы у меня и была такая шальная мысль, что нужно вооруженной рукой захватить Бессарабию и затем протянуть руку к Константино-

полю, ибо те правительства, которые такие вещи делают, об этом заранее не говорят, не выдают себя. И, очевидно, если бы я даже стремился достигнуть проливов, то об этом не заговорил бы вслух, тем более в Подольске, где меня вовсе и не было. Но есть еще одно соображение, не фактическое, но не менее важное: план захвата турецких проливов в корне противоречит всей нашей политике, так что не только не могло быть об этом речи, но не было этого и в мыслях. Не для того мы провозгласили и проводим право национального самоопределения и не для того мы помогли Турции вернуть себе Константинополь, чтоб покушаться на него! Я сперва сказал себе, что эти чудовищные измышления — продукт жаркой погоды, которую немцы называют Hundeszeit, временем, когда бесятся собаки, и когда полубешеные буржуазные журналисты рыщут по улицам и ищут неизвестно чего. Но когда эти же бешеные выдумки повторяет бывший премьер-министр, я не могу ограничиваться только соображениями о жаркой погоде...(аплодисменты). Тут все-таки дело посерьезнее. Нелепые и чудовищные обвинения против нас, повторяемые официозными агентствами двух величайших стран Европы, в одной из которых правительство меньшевика Макдональда, а в другой к власти идет левый блок,—и все это после семи лет советской власти!— как хотите, это пахнет уж не июльским бешенством от жары, а классовым, трудно сдерживаемым бешенством буржуазии против нас.

МЫ И ВОСТОК.

Причина этой бешеной ненависти та, что мы не таковы, как они, не становимся такими и не обнадеживаем их, что когда-нибудь уподобимся им. Мы остаемся гигантской советской занозой в теле капиталистического мира. Одна из причин ненависти, и не маловажная,—наше отношение к странам Востока. Мы заключили на-днях договор с Китаем. Сам по себе этот договор прямо и непосредственно больших изменений хозяйственного порядка не вызовет. Вы знаете положение Китая: он разорван на части разными военными властителями, из которых каждый, или почти каждый, является агентом какой-нибудь иностранной державы и на ее счет содержит свои полу-

голодные войска. Мы больше всего заинтересованы в об'единении Китая, который мог бы стать самостоятельной силой и отбиваться от империалистских атак. Вы знаете, что переговоры, в виду положения Китая, велись почти конспиративно, дабы не дать правительствам Франции, Америки или Японии вмешаться и сорвать соглашение. Этот образ действий привел к положительному результату: договор с Китаем заключен,— первый для Китая договор на началах равноправия и взаимности. Факт этот имеет очень большое принципиальное значение как для Китая, так и вообще для народов Востока. И вот этот договор, который прямо и непосредственно ничем не угрожает ни одной из держав, вызывает тучу клеветы, лжи, ненависти, бешеной травли против нас. Капиталисты снова убеждаются на живом примере, что мы непримиримо отличаемся от них.

Здесь я опять должен остановиться на небольшом эпизоде, который как нельзя более ярко характеризует политику цивилизованных варваров империализма по отношению к Востоку и по отношению к нам, как друзьям Востока. Накануне первого мая мне довелось говорить—не в Подольске, а в Москве в Большом театре, и не о захвате нами Бессарабии, захваченной у нас, а о расхищении Китая империалистскими странами. Я цитировал тогда свеже полученную телеграмму о китайском солдате, имя его Ли-йи-Юан. Имя это я узнал только вчера, получив кое-какие английские газеты, издающиеся в Китае. Этот китайский солдат оказался повинен в том, что прошелся по той части Пекина, где разрешается гулять только англичанам и другим привилегированным иностранцам. Да, есть в Пекине, в столице Китая, такая часть города, по которой не имеют права гулять китайские граждане, где только приезжая эксплоататорская, буржуазная сволочь имеет право дышать воздухом (аплодисменты). Солдат Ли был арестован и, как я тогда рассказывал, ему дали за его преступление 40 ударов бамбуком. Ли поклялся избить 40 европейцев. Он успел избить одного англичанина, одного американца и одного итальянца. Прежде чем он дошел до четвертого, его арестовали по требованию английских властей, которые блюдут за тем, чтобы китайцы не проходили по привилегированной части го-

рода. В своей речи я сказал то, что для каждого из нас азбучно, именно, что чувством и мыслями мы целиком с этим китайским солдатом Ли-йи-Юаном (аплодисменты). Когда я об этом говорил, я преследовал не цели международной политики,—а действовал просто под впечатлением свеже прочтенной телеграммы. Действительно, возмутительнее этого факта трудно себе что-нибудь представить: этот Восток, этот полумиллиардный Китай, у которого своя столица, свой Пекин,—и туда приезжают ищущие наживы и власти иностранцы и вывешивают таблицу: „здесь китайцам ходить воспрещается". На минуту я себе представил, что если бы нам в гражданской войне не удалось справиться с англичанами и французами, и если бы они у нас на стене кремлевской, на Красной площади, вывесили таблицу: „здесь русским запрещается ходить". Повторяю: я не думал, какое впечатление мои слова произведут на хозяйничающих в Китае иностранцев. Оказалось, однако, что в Китае по этому поводу развернулась бурная кампания. Я получил ряд номеров газет, издающихся там на английском языке. Эта кампания великолепно характеризует на одном ярком примере всю международную обстановку и, в частности, наше международное положение. Вся иностранная пресса в Китае и та часть китайской прессы, которая содержится иностранцами, неистово обвиняла нас в том, что мы вмешиваемся в дела чужой страны и науськиваем китайцев на европейцев. А с другой стороны, как сообщают народные китайские газеты, наш привет из Большого театра, посланный этому самому солдату Ли, встретил могущественное эхо в сердцах китайской народной массы, что в свою очередь усугубило бешеную кампанию против нас. Я покажу вам „Пекинский и Тьендзинский Таймс"; это только один номер, вы видите, как он велик. Англичане народ богатый, то-есть английская буржуазия, и печать у нее богатая даже в Пекине. Я приведу вам кое-какие места из передовой статьи, посвященной „советской пропаганде в Пекине". Прежде всего статья эта опровергает то фактическое сообщение, которое я сделал в Большом театре. На самом деле,—говорит статья,—дело было так: при первой попытке пройтись по запрещенной части посольского квартала Ли был только задержан и препрово-

жден в ближайший участок полиции, но потом, — говорит газета,—оказалось, что солдат психически ненормален, нападает на иностранцев, и ему было велено дать 400 палочных ударов и посадить его в тюрьму. Замечательное опровержение. Когда солдат Ли возмутился против иностранцев, то оказалось, что он „психически ненормален“ и ему дали 400 ударов,— 400, а не сорок, как я говорил, согласно первой телеграмме. Таково это опровержение! Оказывается, по мнению этих цивилизованных господ, если человек психически ненормален, то его надо лечить бамбуком. Вы ясно видите эту наглую ложь, которая сама себя обличает. Одно из двух—если этот солдат действительно ненормален, тогда его нужно лечить. А если вы лечите его бамбуком, стало быть он достаточно здоров и опасен для вас. Единственная поправка, которую я принимаю, касается числа ударов. Очевидно, один нуль по радио где-то потонул в пространстве... В глазах великобританского колониального буржуа, помешавшегося на высокомерии, китайский солдат, который говорит: „я имею право ходить по своему городу“, тем самым уже психически ненормален. И этого рода сумасшествие они пытаются лечить бамбуком, продолжая свою христианскую цивилизаторскую миссию среди варваров и язычников. Рассказав, какое мы послали приветствие этому солдату, газета продолжает: „Теперь для нас ясно, что ждет иностранцев в Китае, если там когда-нибудь утвердится советская власть!“ Теперь им, видите ли, становится ясно. Что же, мы позаботимся, чтобы им это стало ясно полностью, окончательно и навсегда! (аплодисменты). Да, когда китайский народ установит у себя крепкую народную власть, то тех иностранцев, которые пытаются класть ноги на китайский стол, не ждет ничего хорошего!.. „Но ведь товарищ Раковский (иначе они не говорят, как „товарищ“ Раковский,— это должно изображать тонкую иронию), ведь Раковский заявил во время переговоров с Макдональдом, что взаимное невмешательство во внутренние дела является одним из необходимых условий для создания доверия“. Вот в чем нас обвиняют: мы обещали невмешательство во внутренние дела, но обещания не выполняем. Какие такие дела? Чьи дела? Англии или Китая? Ведь у Китая есть свои внутренние дела.

Ведь вы извне прилезли в Китай и на китайский стол кладете ваши великобританские империалистские ноги. Вот как дело обстоит! И разве мы когда-нибудь обязывались у себя в Москве, на наших народных собраниях, не высказывать своего мнения о бесчинствах, подлостях и насилиях европейских империалистов в Китае? Никогда мы таких обязательств не давали и не дадим! Вы заметьте эту рабовладельческую психологию, которая слагалась веками: он грабит „своего" китайца, насилует его, наступил ему коленом на грудь,—все это норма, порядок, международное право. А когда мы у себя в доме высказываем по этому поводу наше мнение, поднимается вопль: как же так, ведь Раковский обещал „взаимное невмешательство". Так вы начните, господа рабовладельцы, с того, что убирайтесь вон из Китая и оставьте Китай китайцам. Вот это будет невмешательство в чужие дела! (аплодисменты). Все равно придется этим кончать, потому что почва под ногами нагревается. Об этом свидетельствует та же передовая статья, рассказывающая о демонстрации, состоявшейся в Центральном парке в Пекине для протеста против иноземных насильников. Собравшиеся демонстранты, как оказывается, потребовали отозвания английского посланника, отмены всех несправедливых договоров, принесения английским посланником извинений по поводу дела Ли-йи-Юана, раскрытие английских интриг в Тибете и пр.,—словом, выдвинули ряд совершенно справедливых требований. По поводу этой демонстрации, которую китайцы устроили у себя в Центральном парке (не знаю, есть ли там надпись „только для англичан"), газета пишет: „ясно, что ведется сознательная кампания для возбуждения вражды против иностранцев". Кто ее ведет? Кто возбуждает вражду? Да они же сами, насильники, угнетатели, рабовладельцы!

„Движение неизбежно приведет к взрыву против иностранцев вообще,—вопит далее газета,—если оно будет развиваться беспрепятственно. На китайские власти падает большая доля ответственности за тот опасный дух, который начинает распространяться в военных и политических кругах Китая. Они играют с огнем..." Так и запишем, что в военных и политических кругах Китая распространяется опасный для насильников

„дух“! „Играют с огнем“. Огонь почуяли, а кто играет с огнем, об этом говорят лживо. Не китайские власти играют с огнем, а европейские и американские империалисты. И эта игра кончится для них неизбежно величайшей катастрофой. Для нас ясно, ибо мы знаем азбуку истории и азбуку политики! Ненависть к нам и вытекает из того, что мы не вступаем в заговор с рабовладельцами против рабов. В этом главная наша вина, основное преступление. Недаром цитированная статья заканчивается словами английского дипломата о том, что все спасение „в теснейшем единении европейцев, потому что всякое разногласие в их рядах тотчас учитывается и обращается в свою пользу китайцами“. Вот в этом единении европейцев, т.-е. европейских империалистов, против угнетенных масс Китая и Востока вообще, в этом заговоре рабовладельцев мы не участвуем. Вот это есть причина, которая делает нас ненавистными в их глазах и заставляет их печатать бессмысленную клевету через свои официозные телеграфные агентства. Сегодняшние телеграммы на этот счет тоже очень интересны... Так как я говорю перед учительством, то позволю себе в скобках заметить: необходимо, чтобы наш народный учитель чем дальше, тем больше учился раз‘яснять повседневные телеграфные сведения, иногда изложенные сухим канцелярским языком. Они страшно поучительны, ибо излагают факты. Научиться понимать эти телеграммы, находить им место в ряду событий и раз‘яснять их другим, это высшая и лучшая политическая школа!..

Так вот сегодняшняя телеграмма о советско-китайском соглашении, сообщающая, что это соглашение произвело впечатление разорвавшейся бомбы, приводит отзыв одной из японских газет: „советский посланник в Пекине явится постоянным источником смуты, будет нарушать нынешнее согласие дипломатического корпуса по поводу разных дипломатических вопросов касательно Китая“. Они боятся, что мы испортим их дипломатический концерт, в мелодию которого входят вопли китайцев, избиваемых бамбуком во славу цивилизации. И тут они совершенно правы. Мы и они—разного духа! И меняться мы не собираемся и не обещаем!

ОПАСНОСТЬ НОВЫХ ВОЙН И МЕНЬШЕВИЗМ.

Тут мы приходим к об'яснению того, почему те или другие дипломатические переговоры и признания не дают нам гарантий мира. Мы, конечно, пойдем навстречу всяким переговорам и всякое признание и полупризнание возьмем, и всякий договор, нами заключенный, будем добросовестно выполнять. Но вместе с тем мы сохраняем революционный глазомер и отдаем себе ясный отчет в том, что основной антагонизм между империалистским миром и нами, несмотря на договоры, остается во всей своей силе и при первом случае, при первом повороте истории, может проявиться с ужасающей остротой.

Как велика опасность того, что эта бешеная ненависть империалистов уже в ближайшее время примет форму открытой войны? Я думаю, товарищи, что такой непосредственной опасности нет— и в силу общего состояния Европы и прежде всего наших ближайших соседей. Буржуазия пытается сейчас найти кое-какое хозяйственное равновесие, восстановить европейский рынок, смягчить социальные потрясения. Она пользуется для этого реформистами и пацифистами. Это дает—или обещает—продление передышки. Но реформистски-пацифистская политика буржуазии идет навстречу неизбежному краху. Ни по одному демократическому векселю буржуазия не заплатит и заплатить не сможет. Лжепацифизм может поэтому привести к новым кровавым конфликтам. В какой же мере „демократические“ партии представляют собою гарантию против возможных кровавых столкновений? Демократическая партия в Европе есть прежде всего мелко-буржуазная меньшевистская партия. Она организована в виде II Интернационала и в виде Амстердамского Интернационала Профессиональных Союзов. II Интернационал правит сейчас в Великобритании. Его политику в Китае мы только что видели, —ибо китайская политика империализма может быть полностью поставлена в счет меньшевистскому Интернационалу! В какой мере этот Интернационал является препятствием для новых военных конфликтов в Европе? Этот вопрос немаловажен, ибо II Интернационал совместно с Амстердамским Интернационалом Профессиональных Союзов по численности все еще превосходит Ком-

мунистический Интернационал—с тою разницей, что II Интернационал систематически слабеет, а наш систематически растет, не говоря уже о том, что боевой авангард класса с нами! В какой же мере меньшевистский Интернационал способен помочь нам дать отпор военным посягательствам буржуазии? А вы понимаете, товарищи, что если бы вспыхнула новая война, то она могла бы окончательно доконать остатки европейского хозяйства и европейской культуры. Вы, как учителя, знаете, как катастрофически падала за последние годы организация просвещения в Европе, в частности, как ухудшалось материальное оборудование школы и содержание учителя... Я знаю, что и у нас на этот счет очень и очень несладко, но у нас наблюдается процесс медленного, очень медленного, но все же под'ема, а у них все еще идет упадок, и не только в Германии, но и во Франции, в Бельгии, в Италии... Ухудшение материального положения школ, уменьшение численности учительского персонала во всей Европе есть наиболее яркий признак упадка культуры в результате империалистской войны и глубочайшего кризиса европейского хозяйства. И если бы возникла новая война, то это несомненно грозило бы тем, что Европа сошла бы со сцены, превратилась бы в кладбище цивилизации... Перед лицом этой грозной опасности мы спрашиваем себя: каково же вероятное поведение международного меньшевизма по отношению к войне? На-днях закончился в Вене конгресс Амстердамского Интернационала. На этом конгрессе обсуждался вопрос о войне. Бывшие, сущие или завтрашние министры буржуазных государств и их ближайшие соратники оказались вынужденными на своем конгрессе, под давлением народных масс, которые снова чувствуют великую тревогу, поставить вопрос о борьбе против военной опасности. В начале войны, товарищи, я жил во Франции. Тамошние меньшевики мобилизовали рабочих на помощь буржуазии в войне, и их главным лозунгом было: эта война будет последней. Убив германский милитаризм, мы убьем войну. Наша русская желтая печать писала тогда в том же роде, только поглупее. И вот 10 лет спустя после начала империалистской войны те же самые люди, которые обещали рабочим Европы, что это—последняя война, те же самые люди вынуждены собраться в Вене, чтобы обсудить, как

бороться с новой войной, которая надвигается на Европу. И что они предлагают? Они говорят: в случае, если буржуазия обрушит на нас опасность новой войны, мы прибегнем ко всеобщей стачке. А что они предлагали 12 лет тому назад, незадолго перед последней войной? То же самое буква в букву, точка в точку: в случае военной опасности, грозили они, мы ответим всеобщей стачкой. И они оказались банкротами. Что такое война? Война это очень серьезное дело. Есть два очень серьезных дела на земле: это война и революция. И в том и в другом случае класс ставит вопрос о своем существовании ребром: либо он победил, либо он побежден и разможжен. Когда буржуазия решает бросить страну, государство, армию в войну, она не шутки шутит, а подходит к делу с величайшей серьезностью. Она мобилизует все свои силы и средства. Она начинает с бешеной шовинистической кампании и через свою печать, через буржуазную школу, церковь, университет, обманывает народ, одурманивает его в конец. Совершивши эту политическую газовую подготовку, она ставит на ноги весь свой аппарат: жандармерию, полицию, судей, палачей. В этот момент буржуазия достигает апогея своей силы. И когда II Интернационал говорит: мы пустим против войны в ход всеобщую стачку,—то мы спрашиваем: что это за стачка? Ведь это такая стачка, которая должна разбить волю буржуазии: ты, буржуазия, хочешь воевать, а вот мы пустим в дело стачку и не дадим тебе воевать. Такая стачка есть революция, ибо заставить господствующий класс отказаться от войны можно только путем революции. Стало быть г.г. меньшевики, собравшись в Вене на международный свой конгресс, заявляют: в случае, если наша буржуазия захочет воевать, мы устроим революцию. Великолепное обещание! Но зачем откладывать? Ведь вы видите, что эта буржуазия способна снова устроить войну,—зачем же откладывать дело в долгий ящик? Не лучше ли свергнуть ее сейчас и помешать ей таким путем обрушить на нас новую бойню? Тем более, что устроить революцию в тот час, который буржуазия выберет для войны, невозможно. Такого рода угрозе мы, старые и опытные революционеры, не поверим. И немудрено: буржуазия выберет для войны то время, которое ей удобно; а время, которое буржуазии удобно для войны, бывает

тем самым неудобно пролетариату для революции. Когда буржуазный государственный аппарат крепок, когда он милитаризован, когда удалось обмануть мелко-буржуазные массы и часть пролетариата, изолировав наиболее сознательный элемент рабочего класса, тогда буржуазия может рискнуть. И вот когда она все проверила, почистила, приготовила и потом спускает войну с цепи, эти самые храбрейшие меньшевички и обещают: мы, тут как тут, немедленно начнем революцию против войны. Не верим, ни на иоту не верим, потому что азбуку истории, азбуку политики и даже больше чем азбуку революции мы знаем не плохо. Революция вырастает из высшего обострения классовой борьбы. Руководить революцией может только та партия, которая повседневно, повсечасно и повсеминутно хочет революции и на деле стремится к ней. Только такая партия способна обеспечить революции победу. Но в лице меньшевиков что мы видим? В мирное время они лойальные депутаты, министры, они вотируют буржуазный бюджет, поддерживают и укрепляют капиталистические армии. Макдональд в Англии строит крейсеры, танки, развивает военную авиацию. Для кого? Для буржуазии, ибо государство буржуазное, ибо фактическая, реальная власть остается в руках капиталистов. II Интернационал строит в мирное время для этой буржуазии армию и флот, а на конгрессах заявляет: знай, если ты захочешь все эти опасные игрушки пустить в дело, то мы, меньшевики, немедленно устроим революцию! Товарищи, ведь это же курице на смех. Кто же этому поверит? Я говорил только что о партии Макдональда. Возьмем для примера французскую социалистическую партию. Французские меньшевики постановили пока-что в правительство открыто не входить, но за бюджет голосовать. А бюджет ведь заключает в себе расходы на французскую армию. Для чего же эта армия содержится? Казалось бы, для войны. Нет, говорят социалисты, на армию мы для обороны отечества призываем рабочих нести жертвы. Но если буржуазия и впрямь решит для обороны отечества пустить армию в ход,—а буржуазия ведь никогда не воюет иначе, как для обороны отечества!—тут мы немедленно об'явим революцию. Ах, как страшно! Ах, как грозно! А вот вы с маленького начните: проголосуйте против военного бюджета! За этим второй

шаг сделаете. А там третий... А без подготовки в момент возникновения войны устраивать по заказу революцию—трудновато. Одно из двух: либо революция вырастет до войны и устранит войну, либо революция возникнет из развития войны. Но чтобы революция возникла по приказу меньшевиков в тот час, когда буржуазия начнет войну, этого не будет. Это пустяки, болтовня, шарлатанство! Чтобы подготовиться к моменту, когда создастся революционная ситуация, надо быть во всякий момент против буржуазии. Это очень простая вещь, но неоспоримая: чтобы партия могла руководить победоносным восстанием против буржуазии, эта партия должна порвать все связи с буржуазией, восстановлять массы против буржуазии, отказывать буржуазии в доверии, в бюджете, в содействии, сеять неизменно вражду против буржуазии, создавать ударные ячейки против буржуазии в наиболее чувствительных для нее пунктах: в армии, на железных дорогах... Не позволяют? Конечно, не позволяют! Но ведь и революцию сделать не позволят. Где нельзя явно, действуй тайно! А не хочешь действовать тайно, так не лги, не хвастай насчет будущей революции, ведь ты же угрожал революцией до 14-го года, а когда война явилась, ты вошел в министерство войны. Почему это будет иначе теперь? Из чего же это вытекает? Из того разве, что нынешний меньшевизм гораздо больше скомпрометирован, проституирован, проплеван, в результате империалистской войны? Из этого вытекает только одно: что его политика будет в сто раз подлее, чем она была во время империалистской войны.

УЧИТЕЛЬСТВО И ЗАДАЧИ ОБОРОНЫ.

Отсюда, товарищи, вытекает, что мы ни на временный сдвиг буржуазных правящих классов влево, ни на меньшевистскую оппозицию надеяться и полагаться не можем. Единственные противостоящие империализму силы, это—Коммунистический Интернационал и Советский Союз с его Красной Армией. Мы должны попрежнему об'единять нашу культурную и хозяйственную работу с постоянной заботой о нашей революционной обороне, ибо, если мы здесь прозеваем, то потеряем возможность и хозяйственного, и культурного развития. Мы не

хотим допустить, чтобы на Красной площади была надпись— „здесь русским рабочим ходить запрещается“. Мы не хотим быть биты и не будем биты (аплодисменты). Вот, товарищи, почему, несмотря на нашу бедность, мы вынуждены не забывать о том, что против бешеных собак империализма нужно иметь в запасе прививку. Прививки вырабатываются в лабораториях. Мы создаем теперь Доброхим, как одно из средств против возможных укусов мирового империализма. И я уверен, что сознательное учительство нам поможет в раз'яснении того, в какой мере задачи нашей культуры сочетаются с задачами нашей обороны. У нас дело действительно идет об обороне. Мы воевать не хотим, не только из-за Константинополя, на который не имеем никаких прав, но и из-за Бессарабии. Угнетенным бессарабским братьям, которые хотят вернуться в нашу семью, мы говорим: потерпите, вы не одни; есть народы колоний, которые страдают под игом империализма; ваша судьба, бессарабские рабочие и крестьяне, связана с судьбой пролетариата всей Европы; из-за Бессарабии начинать войну означало бы итти навстречу жертвам и бедствиям, которые далеко превзошли бы нынешние страдания Бессарабии. Час освобождения придет! Бессарабия будет свободна, когда революция опрокинет не только полицию и жандармерию в Бессарабии, но кое-что побольше того. А в Европе и во всем мире заготовлено много такого, что нужно опрокинуть, что пора опрокинуть! Мы не можем и не хотим ни одного шагу сделать, который мог бы приблизить войну; но мы отдаем себе в то же время ясный отчет в той глубочайшей вражде, которая нас окружает и в той опасности, которая отсюда вытекает. Вот почему мы настойчиво и упорно работаем над делом нашей народной обороны. И мы призываем к этому народного учителя. Оборона слагается из двух моментов: техники и человека. Техника это хозяйство. Человек это воспитание. А воспитание это учитель. Культурная работа учительства является сама по себе одним из основных элементов также и в деле государственной обороны. Давайте нам грамотную молодежь,—и наша страна будет непобедима. Грамотную не только в смысле умения читать и писать, что само по себе есть колоссальное завоевание для нашей, увы, малограмотной и безграмотной страны,

но грамотную также и политически! Одной из самых вредных буржуазных лжей является утверждение, будто школа может оставаться вне политики. Нет, никогда школа вне политики не была, нигде вне политики не стоит и у нас стоять не будет (аплодисменты). В архи-республиканской и демократической Франции я лично знаю,—а мой опыт все же очень ограничен, —по крайней мере полтора десятка людей, которые там так и носят название „смещенных учителей". Почему? За образ мыслей. Почему? Потому что школа подчинена политике буржуазии. Что делается сейчас в Италии под режимом Муссолини, в смысле чистки, перестройки и закабаления школы фашизмом, вы знаете. В Баварии, в Бельгии школа подчинена капитализму, является одним из политических орудий господствующих классов. И так везде и всюду. Мыслимо ли, чтобы в нашей стране, единственной, которая строит новую культуру, на основе господства трудящихся, чтобы у нас школа не приняла сознательного, активного и ревностного участия в этом великом строительстве? А чтобы принять такое участие, нужно сознательно стремиться к достижению социалистической цели. Как для того, чтобы сделать революцию, партия должна враждебно относиться к буржуазии повседневно и повсечасно, так и учительство, чтоб строить новую культуру, должно знать ее отличие от старой и должно стремиться к этой новой культуре, все свои силы приложить к ее созданию. Это и есть коммунистическая политика!

Поворот учительства к коммунизму является поэтому одним из самых значительных явлений по своему политическому и культурному смыслу. После колебаний, размышлений, сомнений, ошибок учительство поворачивается в сторону той оси, вокруг которой идет вся наша работа, все наше строительство, в том числе и дело обороны. Вашу культурную работу, товарищи учителя, мы учитываем, когда производим подсчет наших сил для целей государственной обороны, как первостепенной важности элемент. Когда Пруссия боролась с Австрией и победила ее в битве при Садовой, было сказано, что победил прусский народный учитель. Что это означало? Немецкая буржуазия, которая была тогда еще до известной степени прогрессивным классом, стремилась создать единую Германию.

Прусский народный учитель был проникнут этим стремлением— не только буржуазии, но и всего народа — к национальному единству. Учитель давал соответственное воспитание молодым поколениям рабочих и крестьян. Так он победил при Садовой. Задача, перед которой мы с вами стоим, стократно выше какой-либо из задач, которые когда-либо стояли перед классами или народами (аплод.), и наш народный учитель, овладевший этой задачей, понявший ее и передающий ее изо дня в день молодым поколениям нашей страны, займет величайшее место в историческом творчестве. И если доведется еще нам, товарищи, сражаться и побеждать на полях великих революционных битв,—а сражаться доведется и побеждать мы будем,— история скажет: в этих победах великая доля принадлежит учителю Советского Союза! (Аплодисменты. „Интернационал").

Через какой этап мы проходим?

Речь на V-м всесоюзном с'езде работников лечебно-санитарного и ветеринарного дела, 21 июня 1924 года *).

1. СИЛА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И УРОВЕНЬ КУЛЬТУРЫ СТРАНЫ.

На одном из последних докладов, который мне пришлось делать в Сокольниках, на юбилейном собрании работников просвещения, я получил вопрос, который имеет очень большое принципиальное значение и который теснейшим образом связан как с международным положением, в широком смысле слова, так и с происходящим ныне пятым конгрессом Коммунистического Интернационала. И вместо того, чтобы делать сто первую или тысяча первую попытку обрисовать конспективно так называемое „международное положение", я попытаюсь дать хотя бы в самых основных чертах ответ на тот принципиальный вопрос, на который я в Сокольниках не успел ответить и который я сейчас вам оглашу. Записка, полученная мною, у меня в кармане,—вот она: „Тов. Троцкий, об'ясните, пожалуйста, почему наиболее развитые капиталистические страны имеют наиболее слабую коммунистическую партию (Америка, Англия) и наиболее далеки от социальной революции. Этот вопрос мучит очень. Просим об'яснить". Таков вопрос. Ответ на него есть ключ к международному положению, широко понимаемому, то-есть как с точки зрения соотношения разных государств между собой и отношения капиталистических государств к Советской Республике, так и с точки зрения развития революции во всем

*) В интересах полноты изложения в текст включены два—три отрывка из других речей докладчика.

мире. В конце-концов, это ведь две стороны одного и того же вопроса. Конечно, все мы прекрасно знаем, что юридически наша дипломатия независима от Коминтерна, и Коминтерн независим от нашей дипломатии. Но в то же время не секрет, что успехи Коминтерна прямо и косвенно отражаются на успехах советской дипломатии, и успехи дипломатии отражаются на ходе мирового революционного движения. Этого никак не надо, однако, понимать в том смысле, будто рост коммунизма всегда и везде прямо и непосредственно улучшает наше международное положение. Нет, свежий пример Германии свидетельствует о том, что рост коммунистической опасности на известном этапе ухудшает отношение к нам соответственного капиталистического государства, даже и независимо от нашей государственной политики. Но и в этом случае связь между ходом революции и нашим международным положением ясна, и это уж не наша „вина", ибо обусловливается эта связь не „пропагандой", а всем ходом исторического развития. В последнем счете, разумеется, только победа коммунизма упрочит нас полностью и окончательно.

Так чем же об'ясняется, что наиболее передовые и культурные страны имеют слабую коммунистическую партию, и, наоборот, наша страна, которая не может быть, к сожалению, названа самой культурной страной в Европе, имеет самую сильную коммунистическую партию, правящую государством? В записке сказано, что этот вопрос мучит. И это вполне понятно. Мы знаем, что международный меньшевизм, начиная с нашего русского, на этом противоречии строит главное свое „обличение"—и международной коммунистической партии и советской республики. Ведь если взять это противоречие просто, так сказать, логически, механически, то недалеко до вывода, что коммунизм есть выражение... отсталости и варварства. Чем больше страна отстала,—так на первый взгляд выходит,—тем сильнее коммунизм, тогда как архи-цивилизованные страны: Англия, Америка, имеют самые слабые коммунистические партии, пропорционально как будто бы небольшим остаткам их варварства. На этом построена целиком философия международного меньшевизма. Позвольте же на этот в высшей степени важный вопрос хоть в самых основных чертах ответить.

На с'езде Коммунистического Интернационала одной из самых слабых европейских партий является, действительно, английская коммунистическая партия, американская, правда, еще слабее, но мы говорим пока об Европе. Самая сильная партия—наша. Затем идет германская, дальше — французская... Чем же в действительности об'ясняется тот факт, что коммунизм в такой могущественной, культурной, образованной, цивилизованной и пр. стране, как Англия, пока еще находится в состоянии пропагандистского общества, не имеет еще возможности играть активную политическую роль? Для того, чтобы с самого начала отвести столь простое и удобное на первый взгляд об'яснение, будто коммунизм прямо пропорционален отсталости и варварству,—об'яснение, которое выражает всю мудрость меньшевизма,—я напомню о кое-каких других явлениях и учреждениях великобританской жизни. В Англии есть—прошу не забывать—монархия, а у нас ее нет, нет ее во Франции, нет и в Германии. Монархию, как-никак, ни с какой точки зрения нельзя изобразить как выражение высшей культуры, как высшее достижение человечества,—этого и Макдональд не сделает,—он промолчит, вежливо и дипломатически прикусит язык, но не скажет, что признаком высшей культуры Англии является то, что у нее, в отличие от варварской России, есть монархия. В Англии есть до сих пор аристократия, пользующаяся сословными отличиями. Есть палата лордов. В Англии есть, наконец, колоссальное засилие церкви, или вернее церквей, во всем быту. Ни одна страна в Европе не дает картины такого могущественного влияния церкви на политическую, общественную, семейную жизнь, как Великобритания. Там, для того, чтобы человеку сказать, что он не принадлежит к церкви, не участвует в церковных обрядах, а тем более—что он не верит в бога, нужно совершенно незаурядное личное мужество. Так трудно там в каждом отдельном случае прорвать старую плотную ткань лицемерия, церковных предрассудков и житейских обычаев, основанных на этом лицемерии и на этих предрассудках. Никто из вас не скажет, надеюсь, что засилие церкви или церквей над общественным сознанием является выражением человеческого прогресса. Таким образом, оказывается, что в Англии, на ряду с таким фактом, как исклю-

чительная слабость коммунистической партии, имеются кое-какие другие, для нас не безразличные, факты, как наличие монархии, аристократии, палаты лордов и колоссальное влияние религии на политику, на общественную жизнь и на быт. И если односторонне подойти к Англии с этого конца, то-есть со стороны монархии, палаты лордов, аристократии, дворянского землевладения и засилия церкви, то ведь, пожалуй, скажешь, что самая варварская, самая отсталая страна в Европе—Англия. Это будет так же верно, как и утверждение меньшевиков, что коммунизм представляет собой продукт отсталости, то-есть так же неверно, так же однобоко, так же ложно. Можно ли действительно допустить, что Англия самая отсталая страна в Европе? Нет, это никак не укладывается в рамки нашего общего представления об Англии. В Англии техника самая высокая, а техника имеет решающее значение в человеческой жизни. Америка, правда, обогнала Англию в области техники: дочь английской культуры обскакала культуру материнскую по линии техники. До войны с Англией все острее соперничала Германия, которая угрожала обогнать и в отдельных отраслях промышленности обогнала Англию. Но сейчас, после разгрома Германии, Англия экономически первенствует в Европе. Английская наука, литература, искусство играли и играют первостепенную роль в развитии человеческой мысли и человеческого творчества. Как же выпутаться из этого противоречия? Ибо противоречие налицо: с одной стороны, высокая техника, наука и пр.; а на другом полюсе—монархия, аристократия, палата лордов, власть религиозных предрассудков над умами. Какой отсюда вывод? Вывод тот, что нет такого аршина, которым можно было бы измерить развитие страны во всех областях и внести на основании этого измерения одинаковую оценку для всех сторон общественной жизни. Развитие противоречиво. В известных областях страна достигает колоссальных успехов, но бывает сплошь и рядом, что этими именно успехами страна задерживает свое собственное развитие в других областях. Скажу об этом более конкретно. Англия первая вступила на путь капиталистического развития и достигла благодаря этому гегемонии над мировым рынком в девятнадцатом столетии. Английская буржуазия стала, опять-таки благодаря

этому, самой богатой, самой могущественной и просвещенной. Эти условия позволили ей, как мы знаем, создать привилегированное положение для верхов английского рабочего класса и тем самым притупить классовый антагонизм. Английский рабочий класс сознает себя самостоятельным и враждебным буржуазии классом гораздо медленнее, чем рабочий класс других стран, с менее могущественной буржуазией. Таким образом оказывается, что протекавший в исключительно благоприятных условиях рост английской буржуазии, самого передового из буржуазных классов Европы, надолго задержал развитие английского пролетариата. Медленный и „органический" рост английской техники и сближение буржуазной реформации с буржуазной революцией задержали работу критической мысли в отношении церкви. Английская буржуазия развилась под покровом старых учреждений, с одной стороны, приспособляясь к ним, а с другой стороны, подчиняя их себе, постепенно, органически, „эволюционно". Революционные потрясения XVII столетия радикально позабыты. В этом и состоит так называемая английская традиция. Ее основная черта—консерватизм. Больше всего английская буржуазия гордится тем, что не разрушала старых зданий и верований, а постепенно приспособила старый королевско-дворянский замок для нужд своей торговой фирмы. В этом замке, в углах, были свои иконы, свои символы, свои фетиши,—буржуазия их не выносила. Она их использовала для освящения своего господства. И она наложила сверху на свой пролетариат тяжелую крышку культурного консерватизма.

2. АНГЛИЙСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ И НАШ.

Английский рабочий класс развивался совсем не так, как наш рабочий класс. Наш молодой пролетариат в течение каких-либо 50 лет образовался в значительной массе своей из крестьян и из кустарей, которые жили в деревне, вместе с отцами и дедами, в старой обстановке, в хозяйственной отсталости, темноте и религиозных предрассудках. Капитал беспощадно взял крестьянского паренька, подростка, за шиворот и сразу бросил в котел фабрики. Перемена условий получилась катастрофическая. Когда обдало молодого крестьянина фабричным

паром, он сразу задумался над тем, кто он, где он. В этот период его настигла революционная партия и стала ему об'яснять, что́ он и где он. Она тем легче овладевала им, что никаких консервативных представлений у него не было: старые деревенские взгляды совершенно не годились,—требовалась полная и радикальная смена всего миросозерцания. У английского рабочего дело обстояло совсем иначе. У него и отец и дед были рабочими, а прадед и отдаленный пращур были мелкими ремесленниками. У него, у английского рабочего, есть семейная запись, он знает, кто был его пращур, у него есть фамильная традиция. Это тоже своего рода „культурность", но выражается она в том, что он в своем сознании тащит многие предрассудки своего пращура. У него, у английского рабочего, не было этого внезапного, резкого, катастрофического перехода от замкнутого деревенского мирка к новой индустрии; он органически развивался от отдаленных своих предков в постепенно изменявшихся условиях фабричной жизни и городской культуры. В его сознании сидят еще до сих пор старые средневековые цеховые взгляды и предрассудки, только видоизмененные и приспособленные к условиям капитализма. Цеховая жизнь и цеховые праздники—праздновалось рождение сына, отдача его в ученье, переход на самостоятельное положение мастера и т. д.—были насквозь проникнуты религиозностью, и эта религиозность перешла к трэд-юнионам, которые тяжелым консервативным хвостом своим уходят в средневековье...

Английская техника есть основная капиталистическая техника. Она не извне вносится, разрушая национальные хозяйственные формы, а развивается на основании этих национальных форм. Сознание рабочего класса отражает этот „органический" рост техники, чрезвычайно при этом отставая от него. Нужно не забывать, что человеческое сознание, если брать его в масштабе общества, ужасающе консервативно и неподвижно. Только идеалисты воображают, будто мир движется вперед благодаря свободной инициативе человеческой мысли. На самом-то деле мысль общества или класса ни шагу не делает вперед без крайней нужды. Где только возможно, старая привычная мысль приспособляется к новым фактам. Попросту если сказать: классы и народы до тех пор не проявляют решитель-

ной инициативы, пока история не хватит их своим тяжелым арапником. Если б дело было иначе, разве люди допустили бы до империалистской войны? Ведь война надвигалась на глазах у всех, два поезда по одним рельсам шли навстречу друг другу. Но народы молчали, глазели, ждали и продолжали жить привычной повседневной консервативной жизнью. Понадобились ужасающие потрясения империалистской войны, чтобы внести кое-какие изменения в сознание и в общественную жизнь. Трудящиеся России прогнали Романова, скинули буржуазию и взяли власть. В Германии прогнали Гогенцоллерна, но остановились на полдороге... Для этих изменений понадобилась война с десятками миллионов убитых, раненых, искалеченных... Разве это не яркое свидетельство того, насколько человеческая мысль консервативна, малоподвижна, как упорно она цепляется за старину, за все знакомое, привычное, дедовское—до нового удара бичем.

Такие удары, конечно, были и в Англии. Так, после быстрой индустриализации, развернулось во второй трети прошлого столетия бурное рабочее движение, так называемый чартизм. Но буржуазное общество стояло достаточно прочно, и чартистское движение сошло на-нет. Сила английской буржуазии была в ее росте, в ее богатстве, в ее мировом могуществе, крохами которого она делилась с верхушкой рабочего класса, разлагая, таким образом, и обессиливая массу.

Достаточно вдуматься в этот процесс как следует быть, чтобы понять глубокие отличия нашего развития, чрезвычайно запоздалого и потому чрезвычайно противоречивого. Возьмите наш металлургический и каменноугольный юг: необ'ятные степные пространства, слабо заселенные, степные проселки с невылазной весенней и осенней грязью... и вот на этих степях воздвигаются огромные металлургические предприятия. Конечно же они не из нашей экономики развились, а вторгнулись к нам благодаря иностранному капиталу. Из отсталых и разбросанных деревень европейский, а отчасти американский капитал собирал новые кадры рабочих, вырывая их из тех условий, которые Маркс назвал однажды „идиотизмом деревенской жизни". Вот эти новые пролетарии Донецкого бассейна, Кривого Рога и пр. не принесли с собой в шахты, на фабрики никаких наслед-

ственных традиций, никакого цехового консерватизма, никаких прочных и твердых верований. Наоборот, в новой непривычной и суровой обстановке они только впервые почувствовали, как следует быть, потребность в твердых верованиях, которые служили бы им идейной опорой. На помощь им явилась социал-демократия, которая учила их порывать связи со всеми старыми предрассудками и, таким образом, давала революционным путем рожденному классу революционное самосознание. Вот, в основных чертах, разгадка того вопроса, который был мне поставлен и который я, со своей стороны, поставил перед вами.

Можно сказать так: чем богаче, сильнее, могущественнее, умнее, крепче оказывалась буржуазия, тем больше ей удавалось задерживать идейное и, следовательно, революционное развитие пролетариата. Это другое выражение все той же мысли. Великобританская буржуазия привыкла к воспитанному ею же лакейству так называемых рабочих лидеров. Вот здесь я вырезал себе и наклеил очень интересную цитату из английской воскресной газеты „Таймс". Газета жалуется на то, что в Англии пошли сейчас, при правительстве Макдональда, бурные стачки, и она говорит: „у нас в Великобритании имеется лучший в мире состав рабочих лидеров, людей опытных, исполненных духом патриотизма, обладающих реальным чувством ответственности и обширными знаниями по экономике, но вместе с тем они все-таки оттираются в сторону открытыми революционерами". Это дословно. Насчет того, что они оттираются в сторону открытыми революционерами, это, к сожалению, пока еще преувеличено. Конечно, революционеры растут и в Англии, но, к сожалению, далеко еще недостаточно оттирают прочь тех лидеров, которых Таймс об'являет разумными политиками, до самого темени наполненными мудростью и патриотизмом.

Откуда все это? У нас в рабочем классе лидеров, которые бы заслужили такие похвалы буржуазии, нет и не бывало, даже если мы вспомним о том, что у нас в известный период эсеры и меньшевики играли не малую роль, потому что наша буржуазия, за вычетом наиболее острых и решающих моментов, когда приходилось очень уж туго, даже эсерами и меньшевиками была недовольна. А там, в Англии, откуда такая удовле-

творенность лидерами со стороны буржуазии? Да оттуда, что английская буржуазия сама же этих лидеров воспитала. Откуда взяла она эту возможность воспитывать „рабочих“ лидеров? Да оттуда, что сама она была могущественна и культурна, как правящий класс передовой капиталистической страны. По мере того, как рабочий класс поднимал своих молодых лидеров над собой, всякие политические „спецы“ английской буржуазии немедленно наседали на них, захватывали их, действовали на их воображение мощью буржуазной культуры. У нас средний мещанин, обыватель, интеллигент, либеральный и даже радикальный, искони считал, что так как Англия—культурнейшая страна, то все, что в Англии и из Англии—есть плюс, благо, прогресс и прочее. В этом выражается мещанское неумение диалектически мыслить, расчленять явления, брать вопрос в его исторической конкретности. Вот это подлинное благо—английскую технику—мы стремимся к нам перенести в обмен на хлеб, на лес и другие ценные товары. Но английская королевская власть, английский лицемерный консерватизм, религиозность, раболепие, ханжество, это есть отрепье, хлам, мусор веков, которого нам и даром не надо (аплодисменты).

Если на нашего среднего обывателя так действовала английская культура издалека, заочно, вызывая к себе слепое благоволение, то гораздо сильнее, непосредственнее, конкретнее, она действует на английского мещанина и на полумещанского представителя английского рабочего класса. То, что британская буржуазия сумела создать, это — гипноз своей культуры, своего мирового исторического значения. Вот этим-то искусно организованным гипнозом она действовала на рабочих лидеров, которых всегда умела окружить своими репортерами, фотографами, спортсменами, попами, лекторами и проч., умело напуская их на каждого новичка. Он сразу попадает таким путем в буржуазное окружение. Его то похвалят, если он клюнет на заигрыванья, то против шерстки погладят, если он сделает маленький шаг против буржуазии. И это не один раз, а изо дня в день, из недели в неделю, из года в год. И выходящий в люди молодой лидер начинает стыдиться того, что его воскресный сюртук недостаточно хорошего покроя, его мечтой является цилиндр для воскресной прогулки, чтобы не отличаться

от настоящего джентльмена. Это кажется мелочами, а между тем в этом жизнь. И в этом бытовом гипнозе—искусство правящего класса, мощного, культурного, лицемерного, подлого, жадного, — искусство, состоящее в том, чтобы повседневным воздействием обработать, подчинить себе все, что выдвигается из рабочего класса, все, что головой выше—на отдельной фабрике, в районе, в городе или во всей стране.

Вероятно, многие из вас видели, что такое „Таймс"? Это десятки страниц ежедневно, превосходный, мельчайший шрифт, разнообразные иллюстрации, бесконечное количество отделов, так что там все находит свое место, начиная с вопросов большой политики и кончая всеми видами спорта, проходя через дела церкви и моды. И под каким углом зрения? Конечно, под углом зрения интересов буржуазии.

Другие английские буржуазные газеты не так солидны, но построены по тому же типу, захватывая внимание читателя со всех сторон и ведя его к коленопреклонению перед национальной великобританской традицией, т.-е. перед буржуазией. А рабочая пресса очень слаба, да кроме того — за вычетом коммунистических изданий—насквозь проникнута тем же гипнозом буржуазной культуры. Этот гипноз дополняется прямым террором. Принадлежать к церкви в Англии то же, что прикрывать наготу одеждой или уплачивать по счету в мелочной лавочке. Разве можно ходить по улице нагишем? Разве можно не принадлежать к церковной общине? Для того, чтобы заявить о своей непринадлежности к церкви, а тем более о своем неверии в бога, в Англии нужно совсем-таки незаурядное мужество. Продуктом этого векового воспитания рабочих лидеров и является так называемое рабочее правительство Макдональда. Вот почему, в последнем счете, английский меньшевизм так силен, а коммунизм слаб.

3. ОТВЛЕЧЕННОГО АРШИНА КУЛЬТУРЫ НЕТ.

Теперь повторим вопрос: что же, эта слабость коммунизма в Англии—признак культурности страны, или признак отсталости? После нашего анализа мы уже не имеем никакого основания итти в ловушку столь механической постановки вопроса. Мы ска-

жем: это одновременно признак и очень раннего развития и большой отсталости, потому что история действует не механически, а диалектически: она в течение долгих периодов сочетает передовые тенденции в одной области с чудовищной отсталостью в другой. Если мы сравним, с точки зрения мирового исторического развития, „рабочее“ правительство Макдональда и буржуазно-национальное турецкое правительство (об этом я говорил уже в своем докладе в Тифлисе), то вывод получится не к выгоде Макдональда. Вы помните, что „великий“ либеральный лидер Англии Гладстон,—на самом-то деле он был либеральным филистером, и Маркс его самым сосредоточенным образом ненавидел,—„великий“ Гладстон обрушился некогда грозной речью на кровавого султана, представителя фанатического варварского ислама и пр. Если взять среднего обывателя и сказать ему: Англия и Турция, — ну, конечно, Англия—цивилизация, прогресс, Турция — отсталость, варварство. Но посмотрите, что выходит. Сейчас в Англии правительство меньшевиков, а в Турции буржуазно-национальное правительство. И вот это буржуазно-национальное правительство Турции оказалось вынужденным уничтожить халифат. Халифат — это центральное учреждение панисламизма, то-есть одного из наиболее реакционных течений во всем мире. А меньшевистское правительство Англии восстанавливает халифат в Хеджасе для поддержания владычества буржуазии над мусульманскими рабами. Вывод исторический таков, что меньшевистское правительство Англии, несмотря на британскую цивилизацию и пр., играет в этом мировом сочетании сил реакционную роль, тогда как буржуазно-национальное правительство отсталой Турции, как национально-угнетенной страны, играет прогрессивную роль. Вот диалектика истории! Разумеется, с точки зрения развития техники, науки, искусства Англия неизмеримо превышает Турцию. Накопленные богатства Англии куда выше того, что имеется по этой части в Турции. Но вот оказывается, что именно для охраны этих богатств и всей вообще национальной „культуры“ английская буржуазия вынуждена вести архи-консервативную политику, причем рабочее правительство становится в ее руках орудием восстановления халифата. Отвлеченного аршина культуры, при-

годного для всех областей жизни, нет. Нужно брать живые факты в их живом историческом взаимодействии. Если мы усвоим себе эту диалектическую точку зрения на вопрос, то нам многое станет гораздо яснее. Германия, например, не случайно стоит в вопросе о соотношении сил коммунистической партии и с.-д. между Россией и Англией. Это об'ясняется ходом развития капитализма в Германии. Необходимо, разумеется, конкретно обследовать историю каждой отдельной страны, чтобы выяснить более точно причины замедленного или ускоренного роста коммунистической партии. В общем можно, однако, сделать такой вывод: завоевание власти пролетариатом в странах, выступивших на путь капитализма с большим запозданием, как наша страна, легче, чем в странах с большой предшествующей буржуазной историей и с более высокой культурой. Но это только одна сторона дела. Второй вывод, никак не менее важный, гласит: социалистическое строительство, после завоевания власти, в странах с более высокой капиталистической культурой будет легче, чем в странах экономически отсталых, как наша. Это значит, что английскому рабочему классу дорваться до подлинной власти пролетарской, до диктатуры, будет несравненно труднее, чем это было нам. Но дорвавшись до власти, он к социализму пойдет гораздо скорее и гораздо легче, чем идем мы. И еще неизвестно, еще история на этот счет на-двое сказала, кто раньше построит социализм: мы или англичане. Если английский рабочий класс через 10 лет,—я примерно говорю, и цифры называю не для пророчества, а просто в качестве арифметического примера,—если через 10 лет английский рабочий класс возьмет власть в руки, он затем еще через 10 лет будет иметь подлинное социалистическое хозяйство, очень высокое, а мы через 20 лет будем, вероятно, иметь не только где-нибудь в Якутской области, но и ближе, еще много и много остатков крестьянской отсталости... Пока превратишь наш Север и наш Юг в централизованное социалистическое хозяйство, основанное на высокой технике, — при наших пространствах, еще слабо заселенных, — тут нужны еще десятилетия. И кажется, что лет через 20 или 25 английский рабочий, обернувшись к нам, скажет: „не прогневайтесь, я вас малость обска-

кал". Мы, конечно, не прогневаемся,—то-есть те из нас, которые доживут до этого.—Обскакивайте, сделайте одолжение, товарищи английские рабочие, обскакивайте, пожалуйста, просим, давно ждем (смех). Такова диалектика истории. Политика задержала, политика надолго как бы стреножила английского рабочего, и он идет вперед какими-то робкими, жалкими, макдональдовскими шажками. Но когда он от политических пут освободится, то английский рысак обгонит нашу крестьянскую конягу.

Чтобы обобщить сказанное мною теоретически, в привычных нам марксистских терминах, придется сказать, что самый вопрос сводится к взаимоотношению между базисом и надстройкой и к взаимодействию базисов и надстроек разных стран друг с другом. Мы знаем, что надстройки — государство, право, политика, партия и прочее — вырастают на экономическом базисе — им питаются, им определяются. Следовательно, между надстройкой и базисом должно быть соответствие. Оно и существует на самом деле, только не простое, а очень сложное. Мощное развитие одной надстройки (буржуазного государства, буржуазных партий, буржуазной культуры) задерживает иногда надолго развитие других надстроек (революционно-пролетарской партии), но в последнем счете — именно в последнем счете, а не непосредственно—базис обнаруживает все-таки себя в качестве решающей силы. Мы это и показали на примере с Англией. Если подойти к вопросу формально, то может показаться, что слабость английской коммунистической партии противоречит марксистскому закону о соотношении между базисом и надстройкой. Но этого, конечно, нет. Диалектически базис, как мы видели, все-таки обеспечивает свою победу. Другими словами: высокая техника даже через архи-консервативную политику все-таки обнаружит свой перевес и приведет к социализму раньше, чем в странах с низкой техникой.

Вот, товарищи, как я себе представляю основной ответ на поставленный мне в Сокольниках вопрос.

4. ФАШИЗМ И РЕФОРМИЗМ.

От общих соображений об исторических причинах силы и слабости коммунистических партий перейдем теперь к миро-

вой политической обстановке в более непосредственном смысле слова, как она сложилась к V-му Конгрессу Коминтерна. За последние годы наша печать не мало говорила о том, что мы вошли в эпоху фашизма. Иные считали, что именно фашизм приведет непосредственно к революции, к восстанию рабочих в Европе. Однако, за последнее время самое понятие фашизма чрезвычайно расползлось. По самым иногда случайным поводам говорится, что фашизм развивается или фашизм наступает. Если где-нибудь арестовали стачечников, то это уже толкуется, нередко, как установление фашистского режима, хотя стачечников буржуазия арестовывала и до фашизма. Нам на этот счет следует, товарищи, задуматься: что это такое фашизм? Чем он отличается от „нормального" режима буржуазного насилия? Ожидания на счет того, что именно фашизм, непрерывно обостряясь, приведет к восстанию пролетариата, не оправдались, и далеко не все мы их разделяли. Можно сослаться на то, что нам уже в 22 году довелось говорить, что если германская революция не приведет пролетариат непосредственно к победе,то мы будем иметь в ближайшие годы в Англии рабочее правительство, а во Франции— победу левого блока. В 23 году, на IV Конгрессе, мы это повторили. Соответственная поправка была включена в политическую резолюцию Конгресса. Кое-какие товарищи, из Австрии, Голландии и других стран, горячо спорили тогда против этого. Как же так: рабочее правительство в Англии, победа левого блока во Франции,—значит новая эпоха реформизма, значит революция уходит в туманную даль и пр. Иные додумались до того, что обвиняли меня в пропаганде... реформистских иллюзий. Эти товарищи полагали, что если что-нибудь предвидишь в смысле об'ективного развития, то тем самым несешь ответственность за то, что должно случиться; поэтому самое лучшее и безопасное — ничего не предвидеть а обсуждать все задним числом... (аплодисменты). Нужно, впрочем, сказать, что когда мы в спорах доказывали вероятность рабочего правительства в Англии и победу левого блока во Франции, то имели в виду лишь тенденцию развития. Это не значило, что мы на 100% были убеждены в том, что так в точности оно и случится: тенденция развития—это одно,

а живое преломление ее в действительности—другое. Факторов в истории много, они пересекаются, переплетаются, одни действуют в одну сторону, другие – в другую. Но история подвела дело так, что предвиденье на этот раз осуществилось полностью и целиком: в Англии мы имеем рабочее правительство, во Франции—победу левого блока. Мало того. Тогда же мы говорили, что если в Англии победит рабочее правительство, а во Франции левый блок, при том предположении, что в Германии революция не успеет победить раньше,—в таком случае мы будем иметь в Германии неизбежно временное усиление социал-демократии. Эта скомпрометированная партия, разбитая в прошлом году на враждующие части, крайне ослабленная, снова оживится в результате „демократического" поворота во Франции и в Англии и обратится к германскому народу с предложением: теперь возможно соглашение с Англией, там у власти Макдональд и К°, наши кумовья, возможно соглашение с Францией, где правят сейчас радикал-социалисты, почти-что наши двоюродные братья, и мы, германские социалисты, предлагаем германскому народу наше посредничество для того, чтобы добиться соглашения с западными демократиями. Другими словами, дело представлялось тогда так, что если революция в Германии не победит в течение ближайшего времени, то в европейской политике возобладает временно соглашательство,—соглашательство между странами и соглашательство между классами, — разумеется, „соглашательство" послевоенного периода, с оскаленными зубами и с ножом за пазухой.

Подтвердилось ли это предвиденье? Полностью и целиком. Что такое „план экспертов" по разрешению репарационного вопроса? Это есть попытка грандиозной международной экономической сделки под финансовой гегемонией Америки и Великобритании. Оккупация Рура „пока-что" остается, но она прикрывается и смягчается соглашением. Правительство Макдональда есть правительство политических сделок, классового соглашательства. Правительство левого блока во Франции есть опять-таки мелко-буржуазное правительство классового соглашательства с меньшевизмом на пристяжке. То же самое и в некоторых других странах. Таково положение в Европе А куда же девался фашизм? Нет ничего легче в политике.

как усвоить себе словечко, фразу и долбить ее. Я уже говорил, что сознание—самый консервативный фактор и что нужен большой бич для его подстегивания. Что такое фашизм? Может ли фашистский режим длиться неопределенное долгое время? Фашизм есть боевая организация буржуазии на время и для надобностей гражданской войны. Вот что такое фашизм! Он играет для буржуазии такую же роль, какую организация вооруженного восстания—для пролетариата. Рабочий класс готовится к вооруженному восстанию, перестраивает соответственно свою организацию, создает ударные сотни, вооружает динамитом своих боевиков и т. д. Может ли такое положение длиться вечно? Очевидно, нет: либо рабочий класс победит, и тогда он создаст регулярную армию, либо его натиск будет отбит, и тогда сойдет на-нет, по крайней мере, на ближайшее время, организация вооруженного восстания. Опять начинается эпоха политической агитации, собирания сил и пр., которая длится некоторое время и лишь затем, через несколько лет (после 1905 г.!), а иногда и десятков лет (после Парижской Коммуны!) подготовляется новое вооруженное восстание пролетариата. Мы уже сказали, что фашизм есть непосредственная ударная боевая организация буржуазии, которой уже не хватает старого государственного аппарата, связанного легальностью и демократией, когда ей нужно силой отбиваться от напирающего пролетариата,—и вот, она создает боевые банды, готовые на все, попирает свою легальность, свою демократию, чтобы отстоять свою власть. Может ли фашизм длиться долго? Нет. Если буржуазия удержится у власти, как это было в Италии в 1920 г., как это было в Германии в прошлом году, тогда она, использовав кровавую работу фашизма, старается расширить свою базу, опереться на среднюю и мелкую буржуазию, и снова восстанавливает легальность. Жить долго в условиях фашизма буржуазия не может, как пролетариат не может годами находиться в состоянии вооруженного восстания. Мы видим, что в Италии Муссолини за последние месяцы делает судорожные усилия, чтобы приспособить фашистскую власть, т.-е. ее нелегальный боевой аппарат, к легальной механике парламентаризма. Кое в чем он успел, но оппозиция нарастает скорее, чем его

успехи. Ему не удалось к тому же дисциплинировать своих молодцов, и мы имеем такой факт, как убийство социал-демократа Матеоти. Даже большинство буржуазных классов Италии против этого. Пролетарское восстание непосредственно не грозит, и потому потрясение законности путем убийства членов парламента буржуазии не только не нужно, но и опасно. Это излишняя роскошь!

5. ШАНСЫ РЕФОРМИЗМА.

Если мы усвоим себе такое конкретно-историческое отношение к фашизму, тогда будет понятно, почему в Германии буржуазия, которая к собственному своему величайшему удивлению оказалась несброшенной, стремится поскорее ввести победоносную реакцию в русло парламентаризма; почему после консерваторов к власти в Англии пришли не „фашисты", а рабочее правительство Макдональда; почему во Франции у власти стал левый блок; почему в Италии фашизм переживает острый кризис, хотя вожди его стремятся приспособить его к парламентаризму. Мы поймем также, почему можно было два года тому назад предвидеть и предсказать, что это произойдет. Это можно было сделать потому, что классовая борьба между буржуазией и пролетариатом развивается не по прямой линии, а путем последовательных острых схваток, с промежуточными, более или менее продолжительными, периодами легализованной „мирной" борьбы. Если бы этого не было, то капиталистическое общество не могло бы вообще существовать. Такие острые схватки гражданской войны были в Италии в сентябре 1920 г., в Германии—в 1918 и 1919 годах, в марте 1921 и в прошлом году. Германия стояла первой в ряду стран, дожидающихся революции, — и мы говорили: либо новая схватка с буржуазией закончится победой пролетариата, и тогда фашизму придется очень круто, либо она закончится поражением, — тогда революция будет отодвинута на значительное время, буржуазия должна будет искать более широкой базы и должна будет поручить меньшевикам зализывать те раны, которые нанесены фашизмом в гражданской войне. Сейчас меньшевики во всей Европе выполняют эту

именно работу. После эпохи империалистской войны, колоссальных потрясений, небывалых стачек, революционных столкновений, восстаний, — когда всего этого оказалось недостаточно для победы, и пролетариат временно отступил с передовых позиций,—а это произошло,—тогда буржуазия наряду с экономической ищет и политической устойчивости и с этой целью начинает опираться на промежуточные классы средней и мелкой буржуазии. Она призывает не фашиста, а меньшевика и говорит ему: „затри кровавые пятна, лей на раны бальзам утешения, успокаивай, обманывай, натягивай цветную паутину демократии". Эта смена, следовательно, не случайна, а закономерна, и потому ее можно было предвидеть задолго до того, как она наступила. Марксизм и дан нам для того, чтоб разбираться в ходе исторического развития и хоть отчасти предвидеть завтрашний день: без такого понимания и предвиденья нельзя сражаться и победить.

Таким образом, ново-реформистская и ново-пацифистская глава европейской, а отчасти и мировой истории, вполне закономерна. Но значит ли это, что она будет очень длительна? И, что еще важнее, значит ли это, что буржуазия находится на пути к окончательному восстановлению устойчивого капиталистического режима? Нет, об этом говорить совершенно не приходится. Процессы политической надстройки, при всей своей закономерности, имеют гораздо более подвижной и поверхностный характер, чем процессы в экономическом базисе. А здесь пока совсем нельзя установить такого рода явлений, которые свидетельствовали бы о том, что капиталистическое хозяйство Европы и мира близко к тому, чтобы найти новое подвижное равновесие.

Великая империалистская война выросла из того, что производительные силы капитализма переросли рамки национальной государственности. Милитаризм должен был своими способами раздвинуть рынок для каждой из воюющих сторон за счет другой стороны. Но этой задачи война не разрешила. Производительным силам сейчас еще теснее, чем до войны в тех государственных рамках, которые созданы Версальским миром и новым соотношением мировых сил. Отсюда—глубокий

затяжной хронический кризис капитализма. На третьем с'езде Коминтерна мы спорили о том: будут ли в по военной Европе наблюдаться коньюнктурные колебания рынка (под'ем, депрессия, кризис и пр.). Мы доказывали, что такие колебания неизбежны, пока сохраняется капиталистическая основа общества. Многие из вас помнят, какие горячие споры велись по этому поводу и в Интернационале, и в нашей собственной партии. Иным этот вопрос казался тогда полуакадемическим. В настоящее время не может быть уже никакого сомнения на счет смысла и значения тех прений, какие происходили на третьем Конгрессе по вопросу о значении и перспективах кризиса европейского капитализма. Эти прения имели отнюдь не академический, а глубоко практический, революционно-политический интерес. Спорный вопрос сводился к следующему: можно и должно ли ждать, что кризис будет итти непрерывной линией вниз, или же следует предполагать, что и в условиях распада капитализма малые циклические колебания будут иметь свое место?

Крупнейшее значение этих частных колебаний для пролетарского движения в после-революционный период сейчас уже совершенно бесспорно. И в ближайший период значение этих частных колебаний коньюнктуры для революционного движения ни в каком случае не будет меньше.

Вместе с тем, однако, временные улучшения коньюнктуры, благодаря правильной теоретической позиции, установленной на третьем с'езде, отнюдь не обязывают нас к признанию того, будто кризис европейского капитализма закончился. Так, бесспорный факт высокого торгово-промышленного под'ема за прошлый год в Америке, известное сокращение безработицы в Англии, некоторый рост французской промышленности, известная стабилизация германской, австрийской и польской валюты и ряд других фактов должны были бы нас, в случае неправильной теоретической ориентировки, привести к ложным выводам в духе реформизма. Таким образом, борьба против механического представления о кризисе имела в основе своей не стремление к тем или другим уступкам реформизму, а, наоборот, покоилась на широкой революционной перспективе и теоретически страховала нас от ложной оценки экономиче-

ских факторов второго порядка. У нас нет никакого намерения итти навстречу Гильфердингу и К° в вопросе о том, будто основное равновесие капитализма восстановлено, в результате чего буржуазное общество снова вошло в норму,—для такой оценки, как сказано, нет никакого основания, и самая мысль здесь является плодом благочестивого желания. Коньюнктурные торгово-промышленные колебания не устраняют основного несоответствия между производительными силами и государственными границами их эксплоатации. Из этого противоречия и выросла непосредственно империалистская война. Толчком к войне послужил коньюнктурный кризис, обнаружившийся в 1913 г. Нужно строго различать между действием основных факторов и тенденций капиталистического развития, с одной стороны, и циклических коньюнктурных колебаний—с другой. Кризис 1913 года сам по себе не вызвал бы войны, если бы не было указанного выше нестерпимого основного противоречия. Но противоречие это после войны только углубилось и обострилось. Уже отсюда ясно, что очередной малый под'ем не способен это основное противоречие устранить, а, следовательно, и восстановить экономическое равновесие буржуазного общества. Основа его основ—экономика—грозит и в дальнейшем величайшими военными и социальными потрясениями.

6. УРОК НЕМЕЦКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Весь вопрос теперь в том, сможет ли, сумеет ли коммунистическая партия использовать эти потрясения для того, чтобы, овладев властью, разрешить затем все противоречия капиталистического общества. Если спросить: стали ли мы, как Интернационал, сильнее за этот период, то нужно ответить, что в целом мы стали бесспорно сильнее. Почти все секции стали крепче, влиятельнее. Означает ли это, что сила их растет и будет расти непрерывно, по одной восходящей линии? Нет, не означает. Эта сила растет зигзагообразно, волнами, судорогами, —тут тоже диалектика развития, от нее не освобожден и Коминтерн. Так, в прошлом году, во второй его половине, коммунистическая партия Германии была политически несравненно сильнее, чем сегодня,—тогда она шла непосред-

ственно к завоеванию власти, и потрясение всей общественной жизни Германии было так велико, что не только самые отсталые рабочие массы, но и широкие круги крестьян, мелкой буржуазии, интеллигенции—все это надеялось, что вот коммунисты скоро придут к власти и перестроят общество. Такие настроения сами по себе являются одним из надежнейших симптомов зрелости революционной обстановки. Но оказалось, что коммунисты власть еще взять не сумели. Не потому, что не могли по об'ективной обстановке,—нет, нельзя себе представить условий более зрелых, более подготовленных для захвата власти. Если точно описать эти условия, то их можно, как классический образец, ввести прямо в учебники пролетарской революции. Но партия не сумела их использовать. На этом надо остановиться.

Первый период в истории Интернационала—от Октября 1917 года до революционных потрясений в Германии в марте 1921 года. Все определяется войною и ее непосредственными последствиями. Мы ждем близкого восстания европейского пролетариата и завоевания власти. В чем состояла наша ошибка? Мы недооценивали роль партии. После третьего Конгресса начинается новый период. Лозунг „к массам" означает по существу: „строй партию". Полнее и успешнее всего эта политика проводилась в Германии. Но здесь же она успела притти в противоречие с обстановкой, создавшейся в 1923 году, в результате оккупации Рура, одним ударом опрокинувшей фиктивное равновесие в Европе.

В конце 1923 года мы потерпели в Германии величайшее поражение, никак не меньшее, чем наше поражение в 1905 году. В чем, однако, разница? В 1905 году у нас не хватило сил, что обнаружилось в бою. Другими словами, причина поражения была в об'ективном соотношении сил. В 1923 году в Германии мы потерпели поражение, не доводя дела до столкновения сил, не мобилизовав и не использовав сил. Таким образом, здесь непосредственная причина поражения—в руководстве партии. Можно, правда, сказать, что если бы партия даже применяла правильную политику, она все же не могла бы мобилизовать достаточных сил и была бы разбита. Такое утверждение является, однако, по меньшей мере, гадательным.

В смысле об'ективной обстановки, соотношения классовых сил, самочувствия правящих классов и народных масс, т.-е. в смысле всех предпосылок революции, мы имели наиболее благоприятную обстановку, какую только можно себе представить: кризис национально-государственного существования, доведенный оккупацией до высшей точки; кризис хозяйства и особенно финансов; кризис парламентаризма; полный упадок уверенности господствующих классов в себе; распад социал-демократии и профессиональных союзов; стихийный рост влияния коммунистической партии; поворот мелко-буржуазных элементов в сторону коммунизма; резкий упадок настроения фашистов. Таковы политические предпосылки. Что мы видим в области военной? Очень незначительную постоянную армию: сто—двести тысяч человек, т.-е., по существу дела, армейски организованную полицию. Силы фашистов чудовищно преувеличивались и в значительной мере существовали лишь на бумаге. Во всяком случае фашисты после июля—августа были жестоко деморализованы.

Имели ли коммунисты за собой большинство трудящихся масс? На этот вопрос нельзя отвечать лишь статистически. Вопрос разрешается динамикой революции. Массы приливали к коммунистам непрерывно. Противники ослабевали столь же непрерывно. Те массы, которые оставались в социал-демократии, не обнаруживали никакой готовности активно противодействовать коммунистам, как это было в марте 1921 года. Наоборот, большинство социал-демократических рабочих с надеждой ждало переворота. Это и есть то, что нужно.

Было ли у массы боевое настроение? Вся история 1923 года не оставляет на этот счет никакого сомнения. Правда, к концу году настроение это стало более сдержанным, более сосредоточенным, лишилось своей спонтанейности, т.-е. готовности к постоянным стихийным взрывам. Но как же иначе? Ко второй половине года масса стала гораздо опытнее и почувствовала, или поняла, что дело подходит к решению вопроса в полном об'еме. При таких условиях масса могла выступить только при наличности твердого, уверенного в себе руководства и доверия самой массы к этому руководству. Разговоры о том, будто у массы не было боевого настроения, имеют

очень суб'ективный характер и отражают по существу неуверенность верхов самой партии.

Указания на то, что в массах не наблюдается боевого наступательного настроения, делались и у нас не раз накануне Октября. Ленин отвечал на это приблизительно так: „Если допустить даже, что эти указания верны, то это свидетельствовало бы лишь о том, что мы уже упустили наиболее благоприятный момент. Но это вовсе не означало бы, что захват власти в настоящий момент невозможен. Никто ведь не посмеет утверждать, будто рабочие массы в большинстве своем, или даже в значительном меньшинстве, будут выступать против переворота. Самое большое, что хотят сказать умеренные, это то, что большинство не примет активного участия в перевороте. Но достаточно, если в восстании примет участие активное меньшинство при благожелательном, выжидательном или даже пассивном, настроении большинства". Такова была аргументация Ленина. Дальнейшие события показали, что боевое меньшинство повело за собой подавляющее большинство трудящихся. Нет никакого сомнения, что в Германии события пошли бы таким же порядком.

Наконец, и с международной точки зрения положение германской революции никак нельзя было назвать безнадежным. Правда, бок-о-бок с революционной Германией стояла империалистская Франция. Но на свете существует зато Советская Россия. Коммунизм во всех странах стал сильнее, в том числе и во Франции.

В чем же основная причина поражения германской коммунистической партии?

В том, что она своевременно не поняла наступающего революционного кризиса с момента оккупации Рура и особенно с момента прекращения пассивного сопротивления (январь—июнь 1923 г.). Она упустила сроки... Самым трудным для революционной партии является переход от агитационно-пропагандистского периода, длящегося многие годы, к непосредственной борьбе за власть путем организации вооруженного восстания. Этот перелом неизбежно порождает внутрипартийный кризис. К этому должен готовиться каждый ответственный коммунист. Одним из средств подготовки является

тщательное изучение всей фактической истории октябрьского переворота. До сих пор в этом отношении сделано чрезвычайно мало, и опыт Октября был в высшей степени недостаточно использован германской партией... Она продолжала и после наступления рурского кризиса агитационную и пропагандистскую работу на основе формулы единого фронта—таким же темпом и в таких же формах, как и до кризиса. Между тем, эта тактика стала уже в корне недостаточной. Рост политического влияния партии шел автоматически. Нужен был резкий тактический поворот. Нужно было показать массе, и прежде всего своей собственной партии, что дело идет на этот раз о непосредственной подготовке к захвату власти. Нужно было организационно закреплять возрастающее влияние и создать опорные базы для прямого натиска на государство. Нужно было передвинуть всю организацию на фабрично-заводские ячейки. Нужно было создать ячейки на железных дорогах. Нужно было поставить ребром вопрос о работе в армии. Нужно было, в частности, и тактику единого фронта целиком и полностью приспособить к этим задачам, придать ей более решительный и твердый темп и более революционный характер. На этой основе должна была производиться военно-техническая работа.

Вопрос о назначении срока для восстания может иметь значение только в этой связи и в этой перспективе. Восстание есть искусство. Искусство предполагает ясную цель, отчетливый план, следовательно и срок.

Самое главное, однако, состояло в том, чтобы своевременно обеспечить решительный тактический поворот в сторону захвата власти. Это сделано не было. В этом главное и роковое упущение. Отсюда основное противоречие: с одной стороны, партия ждала революцию, а с другой стороны, обжегшись на мартовских событиях, она до последних месяцев 1923 г. отклоняла самую мысль об организации революции, т.-е. о подготовке восстания. Политика партии велась в мирном темпе, в то время, как развязка надвигалась. Срок восстания был установлен тогда, когда по существу противник уже использовал упущенное партией время и закрепился. Военно-техническая подготовка партии, начавшаяся лихорадочным

темпом, оторвалась от политики, которая велась прежним мирным темпом. Масса не поняла партии и не поспела за ней. Партия сразу почувствовала отрыв от массы и оказалась парализованной. Отсюда внезапное отступление с первоклассных позиций без боя—самое жестокое из всех возможных поражений.

Нельзя себе представить дело так, что история механически создает условия революции и преподносит их затем, по востребованию партии, в любой момент на блюде: получай и распишись в получении. Этого не бывает.

Класс должен в длительной борьбе выковать такой авангард, который сумеет разобраться в обстановке, который узнает революцию, когда она постучится в дверь, который в нужный момент сумеет понять задачу восстания, как задачу искусства, выработать план, распределить роли и нанести буржуазии беспощадный удар. И вот германская коммунистическая партия этой способности, этого умения, этого закала и энергии в решающий момент в себе не нашла. Чтобы яснее понять, в чем тут дело, представим себе на минуту, что мы в октябре 1917 г. стали бы колебаться, выжидать, отошли бы в сторону и сказали: подождем пока-что, обстановка еще недостаточно выяснилась. На первый взгляд кажется: революция не медведь, в лес не убежит,—если бы не совершили ее в октябре, могли же совершить на два-три месяца позже. Но такое представление в корне ошибочно. Оно не учитывает подвижного соотношения всех тех факторов, из коих слагается революция. Самым непосредственным ближайшим условием ее является готовность массы совершить революцию. Но эту готовность нельзя консервировать, а надо использовать именно в тот момент, когда она обнаружилась. Перед Октябрем рабочие, солдаты, крестьяне шли за большевиками. Но это, разумеется, вовсе не значило, что они сами были большевиками, т.-е. способны были итти за партией при всех и всяких условиях. Они пережили острое разочарование в меньшевиках и эсерах и именно поэтому пошли за партией большевиков. Разочарование в соглашательских партиях вызвало у них надежду на то, что большевики будут покрепче, что они сделаны из другого материала и что у них слово с делом

не разойдется. Если бы большевики в этих условиях обнаружили колебания и заняли выжидательную позицию, то тем самым они в короткий срок уравняли бы себя в сознании массы с меньшевиками и эсерами: массы так же скоро отхлынули бы от нас, как скоро они к нам притекали. Этим самым и произведено было бы радикальное изменение соотношения сил.

Ибо что такое собственно соотношение сил? Понятие это очень сложное и слагается из многочисленных элементов. Среди этих элементов имеются очень устойчивые: таковы техника и экономика, определяющие классовую структуру; поскольку соотношение сил определяется численностью пролетариата, крестьянства и других классов, постольку мы имеем здесь перед собой достаточно устойчивые элементы. Но при одной и той же численности класса, сила его зависит от организованности и активности его партии, взаимоотношений между партией и массами, настроения этих масс и пр. Эти факторы уже гораздо менее устойчивы, особенно в революционную эпоху, а мы именно о ней и говорим. Если крайняя революционная партия, которую логика событий ставит в центре внимания трудящихся масс, упустит момент, то соотношение сил меняется радикально, ибо пробужденные партией надежды масс сменяются разочарованием или пассивностью и глубоким отчаянием, и партия сохраняет вокруг себя только те элементы, которые ею прочно и окончательно завоеваны, т.-е. меньшинство. Это и произошло в прошлом году в Германии. От коммунистической партии все ждали, вплоть до рабочих социал-демократов, что она выведет страну из тупика; партия не сумела этого всеобщего ожидания превратить в решающие революционные действия и привести пролетариат к победе. Вот почему после октября—ноября начинается отлив революционных настроений. Это и создает основу для временного закрепления буржуазной реакции, ибо других каких-либо более глубоких изменений (в классовом расчленении общества, в экономике) за это время произойти, разумеется, не могло.

На последних парламентских выборах коммунистическая партия собрала 3.700.000 голосов. Это, конечно, очень и очень хорошее ядро пролетариата. Но оценивать эту цифру надо

динамически. Нет никакого сомнения, что в августе—октябре прошлого года коммунистическая партия могла бы при прочих равных условиях собрать несравненно больше голосов. С другой стороны, многое говорит за то, что если бы выборы прошли на два-три месяца позже, коммунистическая партия собрала бы меньшее число голосов. Это значит, другими словами, что ее влияние в данный момент идет на убыль. Было бы смешно закрывать на это глаза: политика страуса не есть революционная политика. Нужно, однако, ясно понять смысл этого факта. Я уже сказал, что и коммунистические партии не освобождены из-под власти законов диалектики, и их развитие совершается в противоречиях, через под'емы и кризисы. В период политического прилива быстро растет влияние партии на массы, в период отлива—влияние слабеет, усиливается процесс внутреннего отбора в партиях. Все случайное, ненадежное отходит, ядро партии сплачивается и закаляется. Этим самым оно подготовляется к новому революционному приливу. Правильная оценка положения и правильная перспектива избавляет от ошибок и разочарования. Мы уже видели это на вопросе о промышленных под емах и кризисах в послевоенную эпоху. Мы видим это далее на вопросе о наступлении в Европе ново-реформистской полосы. Сейчас нам необходимо со всей ясностью понять тот этап, через который переваливает Германия, иначе мы не поймем того, что несет нам завтрашний день.

После поражения 1905 года нам понадобилось семь лет, чтобы движение, под влиянием Ленского толчка, снова быстро пошло в гору, понадобилось двенадцать лет, чтобы вторая революция дала победу пролетариату. Германский пролетариат потерпел в прошлом году величайшее поражение. Ему нужен известный и при том значительный промежуток времени, чтобы переварить это поражение, усвоить его урок и оправиться от него, заново собрать свои силы, при чем обеспечить ему победу коммунистическая партия сможет лишь в том случае, если полностью и целиком сама усвоит урок и прошлого года. Сколько времени понадобится на эти процессы? Пять лет? Двенадцать лет? Никакого точного ответа на этот вопрос дать нельзя. Можно лишь высказать то общее соображение,

что темп развития в смысле радикального изменения политической обстановки стал после войны гораздо более быстрым, лихорадочным, чем до войны. В экономике мы видим, что производительные силы растут очень медленно, а между тем ухудшение и улучшение коньюнктуры сменяют друг друга чаще, чем до войны. Схожее явление наблюдается и в политике: фашизм и меньшевизм сменяют друг друга очень быстро, вчерашняя обстановка была глубоко революционной, а сегодня буржуазия по видимости торжествует по всей линии. В этом и состоит глубоко революционный характер всей нашей эпохи, и этот характер заставляет нас делать тот вывод, что торжество контр-революции в Германии не может быть длительным. Но в данный момент мы наблюдаем явления отлива, а не прилива, и с этим должна быть, разумеется, сообразована наша тактика.

7. ЕВРОПА И АМЕРИКА.

В Англии консервативно-реформистские и пацифистские иллюзии рабочего класса, сильно подрытые войной, достигают теперь нового и высшего расцвета под знаком рабочего правительства. Все политическое прошлое английского рабочего класса, поскольку оно выражалось в политической умеренности, соглашательстве, в реформизме и в соучастии в империалистской политике буржуазии, подвергается теперь высшему испытанию вместе с переходом власти в руки рабочей партии. Она сама смягчает это испытание для себя ссылками на то, что у нее нет в парламенте абсолютного большинства, и что она поэтому не за все в ответе. Но опыт все же поставлен историей в полном об'еме. Результатом макдональдовского режима, каков бы ни был его формальный конец, будет углубление критики и самокритики в рядах рабочего класса. А критика и самокритика означают рост левого крыла. Для Англии эпоха формирования коммунистической партии только теперь по-настоящему и открывается.

Правительство Макдональда не только усугубило временные демократически-пацифистские иллюзии английского рабочего класса, но и подняло его самосознание. Нельзя сказать, чтобы английский пролетариат чувствовал себя сейчас хозяином

в доме, ибо если-б у него было это чувство, то он и на деле стал бы хозяином. Но средний английский рабочий говорит себе: следовательно, и мы кое-что значим, если наших тред-юнионистов король призывает к власти. И вот это сознание, какие бы консервативные ограничения ни вносились в него всем прошлым, само по себе дает большой толчок будущему. Рабочие стали более требовательными, менее терпеливыми,— в результате стачки в Англии крайне возросли. И недаром „Таймс“ жалуется на то, что у нас-де прекрасные лидеры, но их быстро оттирают революционеры. Быстро не быстро, но оттирают и будут оттирать, — будут оттирать и ототрут (аплодисменты).

По всему экономическому и политическому положению европейские страны, в общем и целом, располагаются между Германией и Англией—с тем, пожалуй, из'ятием, что Италия сейчас снова как будто выдвигается в передний революционный ряд. Крушение режима Муссолини может пойти довольно быстро, а по самому характеру этого режима крушение его может принять очень радикальные формы и снова поставить пролетариат перед проблемой власти. Задача в Италии состоит в том, чтобы иметь к этому моменту достаточно сильную инициативную партию. Это большая и трудная задача, но ее нужно выполнить *).

---

*) По этому поводу 15 ноября 1922 г. мы писали во время 4-го Конгресса:

«Совершенно очевидно, что если революция не наступит раньше,—а данных для этого нет,—то в Англии предстоит, и притом в близком будущем, эра демократически-пацифистских иллюзий. Если на происходящих выборах победит даже старое консервативно-национально-либеральное большинство, господство его будет лишь кратким. Передвижка политических партий без левых неотвратима. Во Франции неизбежно пришествие левого блока, что, в свою очередь, возродит в буржуазной и социал-демократической Германии пацифистские надежды и оживление. Не исключена возможность, особенно при наступлении указанных выше условий, что режим Муссолини исчерпает себя прежде, чем рабочий класс Италии окажется способным взять власть; тогда и для Италии может наступить эпоха новой керенщины».

Особое место попрежнему занимает Америка. Темпы развития Европы и Америки и до войны были уже не одинаковы, а после войны различие еще более углубилось. Когда мы говорим о международной революции, мы ее сплошь и рядом представляем себе слишком суммарно, слишком общо. Тут будут свои этапы, отделенные друг от друга значительными промежутками. Все говорит за то, что американская революция развернется значительно позже европейской. Исторически весьма вероятен такой ход событий, при котором Восток сбрасывает с себя империалистское иго, пролетариат завладевает властью в Европе, а Америка попрежнему остается оплотом капитала. В этом смысле Соединенные Штаты могут стать и становятся основной контр-революционной силой истории. Этого могут не понимать филистеры, для которых вопрос решается мнимо-демократической формой, пацифистскими фразами и прочей дребеденью. Четырехлетняя длительность войны, истощившей Европу, была возможна только благодаря особой роли Америки. Америка же после войны помогла европейской буржуазии отстоять свои позиции. Сейчас Америка, через посредство „плана экспертов", организует сложную систему закабаления европейских трудящихся масс. Америка наиболее упорно противостоит признаниям Советской Республики. Соединенные Штаты чудовищно богаты. В распоряжении американской буржуазии имеются небывалые ресурсы для маневрирования как во внутренней, так и во внешней политике. Все это в совокупности говорит за то, что победоносному европейскому пролетариату придется еще, по всей видимости, считаться с американским капиталом, как с непримиримым и могущественным врагом. Социал-демократия—в первую голову немецкая—делает все для возвеличения политической роли „заокеанской демократии". Социал-демократия запугивает рабочих гневом Америки в случае их непочтительности и, наоборот, обещает им великие блага в результате соглашения европейских демократий под командой американских буржуа. На этом сейчас построена вся политика европейского меньшевизма. Будучи вообще агентурой буржуазии, европейская социал-демократия ходом вещей становится неизбежно агентурой самой богатой и самой могущественной буржуазии—американской. Гипнозом

американского капиталистического могущества социал-демократия стремится парализовать революционную энергию европейских рабочих. Мы это наблюдаем особенно в Германии со времени 1918 года, когда каутскиантский вильсонизм явился важнейшим контр-революционным фактором в рядах самого рабочего класса. Можно ждать, что в ближайший период, в соответствии с проведением плана экспертов, социал-демократия только усилит работу терроризирования пролетариата признаком всемогущей, благодетельной и грозной в одно и то же время Северной Америки. Борьба против этого террора и гипноза является необходимым условием успешной подготовки европейских рабочих к революции. Они должны понять, что об единенная Европа вполне способна не только самостоятельно существовать в экономическом смысле, но и отстоять себя в открытой борьбе против американской контр-революции. Когда мы говорим об об'единенной Европе, мы имеем в виду Европейскую Федеративную Советскую Республику, неразрывно связанную с нашим нынешним Союзом и через его посредство протягивающую руку на Восток народам Азии. Мы говорим европейскому рабочему: если придешь к власти, если создашь Советские Соединенные Штаты, включая и нас, ты об'единишь сразу два могущественные континента, получишь в свои руки великолепную технику, необ'ятные пространства и естественные богатства, величайший энтузиазм революционного класса, пришедшего к власти. Если тебе придется столкнуться лицом к лицу с вооруженной мировой контр-революцией,—а придется,—ты построишь свою Красную Армию и тебе не придется начинать сначала, ибо мы дадим тебе на закваску Красную Армию Советского Союза, уже опаленную войною и окрыленную победой (бурные аплодисменты).

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Из речи на заседании И. К. К. И.

(16 июня 1921 года).

Мы имели революции в Германии и в Австро-Венгрии, мы имели вполне революционное положение в Италии в тот момент, когда полиция и капиталистическое государство были там совершенно деморализованы. Во Франции нет ничего подобного, ее режим был наиболее стойким, она наиболее энергично управлялась волей правящего класса, который до сих пор чувствует себя торжествующим. Только в настоящий момент начинает наблюдаться некоторый отлив. Я имею в виду успехи радикалов и радикал-социалистов на дополнительных выборах. Оппозиция выступает весьма нерешительно— в лице радикалов и радикал-социалистов. Это значит, что политическая эволюция Франции, как я ее себе представляю в целом, обнаруживает уклон к радикализму и лонгетизму, к радикал-лонгетистскому блоку.

Если наступят какие-нибудь совершенно неожиданные события, могущие привести к революции, тем лучше,—но мы должны готовиться к положению, не совсем благоприятному для нас.

„Коммунистическое движение во Франции“ стр. 74.

Из письма т.т. Кашену и Фроссару.

(14 июля 1921 года).

Насколько можно судить на большом расстоянии, политическая подготовка Франции к революции происходит с превосходной планомерностью. У вас явно надвигается эпоха керенщины, режим радикально-социалистического блока, как первая смутная реакция против военной эпохи. Французская керенщина, в которой соединятся раздражение и отчаяние мелкого буржуа, эгоизм крестьянина, который не хочет платить за разбитую посуду войны, консерватизм более привилегированного рабочего, который надеется удержать для себя положение, созданное войной и пр. и пр., — французская керенщина будет означать чрезвычайную расшатку государственного аппарата. Между империалистскими кликами и их кандидатами на роль Галифе,

с одной стороны, и нарастающей пролетарской революцией,—с другой, станет временно, в виде буфера, беспомощный блок радикалов и социалистов—Кайо, Лонгэ и компания. Это будет великолепное вступление в пролетарскую революцию *).

„Пять лет Коминтерна“
стр. 127—128.

Из статьи „О едином фронте“

(к докладу по вопросу о французском коммунизме).

(2 марта 1922 г.).

Идея „левого блока“ висит во французской политической атмосфере. После нового периода пуанкаризма, который является попыткой буржуазии преподнести народу разогретое блюдо иллюзий победы, весьма вероятна пацифистская реакция в широких кругах буржуазного общества, т. е. прежде всего среди мелкой буржуазии. Надежды на всеобщее умиротворение, соглашение с Советской Россией, получение из нее на льготных условиях сырых материалов и платежей, уменьшение ноши милитаризма и проч., словом, иллюзорная программа демократического пацифизма, может на известный период стать программой левого блока, который придет на смену блоку национальному.

„Коммунистическое
движение во Франции“
стр. 142.

Из речи на заседании расширенного пленума И. К. К. И.

(8 июня 1922 года).

Я нахожу время от времени в партийных газетах мысль о том, что эпоха демократических иллюзий в пролетариате миновала. Это ошибка. Появление левого блока во Франции будет иметь новое большое влияние

*) Этот прогноз относительно французской керенщины, как непосредственного вступления к пролетарской революции, делался в расчете на дальнейшее нарастание и обострение революционной ситуации в Германии. Здесь мы, однако, потерпели в прошлом году тяжкое поражение. Само собой разумеется, что это временно укрепляет—на какой срок, покажет будущее — буржуазный, а следовательно и буржуазно-меньшевистский режим в Европе. Но отожествлять с е й ч а с рабочее правительство в Англии, левый блок во Франции с „керенщиной“ могут только те, кто повторяет старые слова, не задумываясь над их смыслом. Керенщина означает период агонии буржуазного государства. Разумеется, новые события, т.-е. радикальное обострение старых процессов, могут чрезвычайно приблизить эту агонию. Но сейчас ее нет. Об этом мы более полно скажем в другой работе.

15|VII—24 г.—Л. Т.

на демократические и пацифистские предрассудки в глубоких слоях пролетариата. Это капитальный факт. Наше движение в настоящую эпоху очень неровное. Оно совершается большими скачками. У вас, во Франции, был в начале войны период патриотических иллюзий национальной обороны. Потом — начало разочарования. Затем —заря русской Революции 1917 года. Потом военная победа с ее иллюзиями, которые повлияли на большую часть рабочего класса Франции. Потом новое разочарование и начало короткого периода революционных иллюзий. Я говорю иллюзий — потому, что не было ясного понимания задач и путей революции: неясное сознание вдохновило забастовку железнодорожников, последняя была плохо подготовлена, и еще хуже проведена. Эта забастовка была выражением революционных иллюзий. Коммунистическая партия — лучший продукт той эпохи.

С тех пор наблюдается некоторого рода отступление, разочарование, которое фатально следует за революционными иллюзиями. Предполагали, что революция гораздо ближе и гораздо проще. Разочарование, которое последовало, вызвало, в свою очередь, некоторую пассивность. Последняя несомненно заметна в рабочей массе Франции, где натиск капитала не столь значителен, чтобы вызвать сильную реакцию, где революционное настроение дремлет, где старые предрассудки оживают, где отсутствуют непосредственные жизненные толчки, необходимые для восприятия новых идей. Отсюда в результате—кризис в росте партии.

Но в то же время совершается молекулярный процесс в массе мелкобуржуазной и пролетарской. Растет недовольство национальным блоком, желание перемены. Идея левого блока появляется на горизонте.

„Коммунистическое движение во Франции“ стр. 243—244.

Из доклада на заседании активных работников Московской Организации.

(20 октября 1922 года).

Во Франции блок, который возглавляет Пуанкарэ, имеет до своей формальной смерти два года, и нет сомнения, что во Франции к власти придет левый блок, лидер которого, Эррио, приезжал к нам в Москву. Он будет министром - президентом. Другого кандидата нет, кроме Кайо, который выслан из Франции при Клемансо, как изменник, потому что он хотел прекращения войны. Его нужно еще прежде амнистировать, а это может сделать только новый парламент, и тогда он может оказаться во главе правительства. Но ближайшим кандидатом является в настоящее время Эррио, который подготовляет обстановку и условия для новой политики, для французской керенщины, ибо приход к власти левого блока означает власть радикалов и социалистов, которые, несомненно, в блок войдут. Для коммунистической партии эта обстановка архи-благоприятная, потому что теперь против национального

блока борются и социалисты и радикалы, и Жуо, а тогда только одна партия будет бороться против нового блока. Если будет левый блок, потому что старая масса национального блока износилась, то коммунистическая партия явится единственной оппозиционной партией, поэтому такая смена для нас является в высокой степени выгодной. В двух главных странах Европы — Англии и Франции—сейчас происходит перемена режима: в Англии происходит, а во Франции подготовляется ликвидация режима, который вырос из войны и из победы, которую одержали эти страны, и внутренняя раскачка, величайшее расшатывание устойчивости государств, восстановленных или полувосстановленных после войны, происходит сейчас и открывает более широкие перспективы для коммунистической партии.

„Пять лет Коминтерна“
стр. 453—454.

Из статьи „Противоречия“ советской политики.

(3 ноября 1922 года).

Новая эпоха реформистски-пацифистских иллюзий, после иллюзий войны и победы, неизбежна во Франции и может стать прологом пролетарской революции.

. . . . . .

Сейчас, в послевоенной Франции, левый блок может, а в известном смысле должен появиться на сцену, как последний политический рессурс расшатанного в конец режима. Политика Интернационала по отношению к французскому коммунизму диктуется заботой о том, чтобы левый блок, звезда которого восходит над Францией, действительно вошел в историю, как последнее правительство французской буржуазии.

„Коммунистическое
движение во Франции“
стр. 302—303.

Поправка к проекту тактической резолюции 4-го Конгреса Коминтерна.

(Внесена 15 ноября 1922 года).

В проекте сказано: „Банкротство Ллойд-Джорджа, одного из крупнейших представителей этого, так называемого, пацифизма, знаменует собой ликвидацию целой полосы буржуазной международной политики“. В плоскоскости правительственно - дипломатической это утверждение более или менее пра-

вильно. Но дальнейший текст, говорящий о крушении буржуазных партий, о их безыдейности и проч., придает вопросу широкую общественно-историческую постановку и в этой связи, мне кажется, получается нарушение необходимой перспективы. Ллойд-Джордж—организатор империалистской победы—никак не может быть назван вождем пацифизма, носителями которого в Англии являются независимые либералы и рабочая партия. Совершенно очевидно, что если революция не наступит раньше,—а данных для этого нет,—то в Англии предстоит, и притом в близком будущем, эра демократически-пацифистских иллюзий. Если на происходящих выборах победит даже старое консервативно-национально-либеральное большинство, господство его будет лишь кратким. Передвижка политических партий без левых неотвратима. Во Франции неизбежно пришествие левого блока, что в свою очередь возродит в буржуазной и социал-демократической Германии пацифистские надежды и оживление. Не исключена возможность, особенно при наступлении указанных выше условий, что режим Муссолини исчерпает себя прежде, чем рабочий класс Италии окажется способным взять власть: тогда и для Италии может наступить эпоха новой керенщины, другими словами, если в лице Ллойд-Джорджа потерпела крушение шарлатанская попытка „левого" империализма сыграть на дипломатическом поле полу-пацифистскую комедию, то подлинный расцвет пацифистских иллюзий только еще предстоит.

В своем докладе я говорил о необходимости своевременного усечения правого крыла партии (особенно во Франции и в Италии) для того, чтобы неизбежная пацифистско-демократическая реакция против режима последних восьми лет не захлестнула нашу собственную партию, что, конечно, лишило бы нас возможности использовать неизбежное и очень острое крушение европейской керенщины для перехода в революционное наступление.

Я думаю, что эта перспектива должна найти в тезисах то или другое выражение.

Из доклада „Новая экономическая политика Советской России и перспективы мировой революции".

(Доклад на IV Конгрессе Коминтерна 17 ноября 1922 года).

В Англии, как и во Франции, явно подготовляется новая парламентарная ориентировка буржуазии. Методы открыто империалистские, агрессивные—методы версальского мира, Фоша, Пуанкарэ, Керзона — явно упираются в тупик. Франция не может получить с Германии того, чего у Германии нет. В свою очередь Франция не может платить своих долгов. Антагонизм Англии и Франции возрастает непрерывно. Америка не хочет отказаться от получения уплаты по долгам. И среди средних и особенно мелко-буржуазных слоев населения накопляются реформистски-пацифистские настроения:

нужно бы договориться с Германией, с Россией, расширить Лигу Наций, смягчить бремя милитаризма, получить заем у Америки и т. д. и т. д. Военно-оборонческие иллюзии, идеи и лозунги национализма, шовинизма; затем надежды на великие плоды побед, — словом, иллюзии, которые захватили в странах Антанты и значительную часть самого рабочего класса, сменяются отрезвлением и разочарованием; такова почва для роста левого блока во Франции, так называемой, Рабочей партии и независимых либералов—в Англии. Разумеется, никакой серьезной перемены политики от реформистски-пацифистской ориентации буржуазии ждать нельзя. Об'ективные условия капиталистического мира ныне меньше всего приспособлены для реформизма и пацифизма. Но весьма вероятно, что понадобится еще практическое крушение этих иллюзий, прежде чем станет возможна революционная победа.

Мы говорили до сих пор только об Антанте, но совершенно очевидно, что если бы во Франции у власти стояли радикалы и социалисты, а в Англии—рабочие оппортунисты и независимые либералы, это неизбежно вызвало бы в Германии новый прилив соглашательских и пацифистских надежд: с демократическими правительствами Англии и Франции можно-де договориться, можно получить отсрочку по платежам и даже скидку, можно при их содействии получить заем в Америке и пр. А кто же более приспособлен для соглашения с французскими радикалами, социалистами и английскими трудовиками, как не германские социал-демократы?...

Конечно, события могут развернуться и острее. Не исключена возможность того, что репарационная проблема, французский империализм, итальянский фашизм доведут дело до революционной развязки, не дав буржуазии времени выдвинуть вперед свое левое крыло. Но слишком многое говорит за то, что буржуазия вынуждена будет прибегнуть к реформистской и пацифистской ориентировке прежде, чем пролетариат почувствует себя подготовленным для решающего наступления. Это будет означать эпоху европейской керенщины.

„Пять лет Коминтерна“
стр. 498 – 499.

Из статьи „Политические перспективы“.

(30 ноября 1922 года).

Еще 16 июня прошлого года в своей речи на заседании расширенного Исполкома я развивал ту мысль, что, если революционные события в Европе и во Франции не наступят раньше, то вся парламентски-политическая жизнь Франции начнет неизбежно кристаллизоваться по оси „левого блока“, в противовес ныне господствующему „национальному“. Революция за эти полтора года не наступила. И вряд ли тот, кто следит за жизнью Франции, станет отрицать, что за вычетом коммунистов и революционных синдикалистов —

политика ее действительно идет по пути подготовки смены национального блока левым. Правда, Франция стоит целиком под знаком наступления капитала, непрерывных угроз по адресу Германии и проч. Но параллельно с этим нарастают—растерянность буржуазных классов, особенно промежуточных, их разочарование в политике „репараций", их стремление смягчить финансовый кризис сокращением расходов на империализм, их надежды на возобновление сношений с Россией и проч., и проч. Эти настроения захватывают и значительную часть рабочего класса через посредство реформистских социалистов и синдикалистов. Больше того, они захватывают известные элементы нашей собственной партии, одним из примеров чего является поведение недавно исключенного Барабана, который, будучи членом Ц. К. Коммунистической партии, занялся проповедью левого блока. Таким образом, продолжающееся наступление французского капитала и французской реакции нисколько не противоречит тому, что французская буржуазия явно подготовляет для себя новую ориентировку.

В Англии положение не менее поучительно. Господство либерально-консервативной коалиции сменилось, в результате недавних выборов, господством чисто консервативным. Явный шаг „направо"! Но, с другой стороны, как раз цифры последних выборов свидетельствуют о том, что буржуазно-соглашательская Англия уже вполне подготовила для себя новую ориентацию — на случай дальнейшего обострения противоречий и нарастания трудностей (а то и другое неизбежно). За консерваторов было подано менее чем пять с половиной миллионов голосов. За рабочую партию вместе с независимыми либералами—почти семь миллионов. Таким образом английские парламентские избиратели уже сейчас в большинстве своем отошли от тучных иллюзий империалистской победы к тощим иллюзиям реформизма и пацифизма. Знаменательно, что „Союз демократического контроля", радикально-пацифистская организация, провел в парламент свой комитет в полном составе. Имеются ли серьезные основания думать, что нынешний консервативный режим приведет в Англии непосредственно к диктатуре пролетариата? Мы таких оснований не видим. Наоборот, мы полагаем, что безвыходные экономические, колониальные и международные противоречия нынешней Великобританской империи будут давать большую пищу плебейско-мещанской оппозиции в лице, так называемой, Рабочей партии. Все говорит за то, что в Англии, больше чем в какой-нибудь другой стране земного шара, рабочий класс, прежде чем перейти к диктатуре, должен будет пройти через стадию рабочего правительства, в лице реформистски-пацифистской Рабочей партии, собравшей уже на последних выборах около $4^1/_4$ миллионов голосов.

. . . . . .

Итак, вряд ли есть основание категорически утверждать, что пролетарская революция в Германии победит раньше, чем внутренние и внешние затруднения во Франции приведут к правительственному и парламентскому кризису. Такой кризис означал бы новые выборы, а новые выборы привели бы к победе левого блока. Этот последний нанес бы тяжкий удар консервативному правительству в Англии, усилил бы оппозицию Рабочей партии и,

весьма вероятно, привел бы к парламентскому кризису, к новым выборам и победе Рабочей партии, одной—или в союзе с независимыми либералами. Каково было бы влияние этих событий на внутреннее положение Германии? Германские социал-демократы вышли бы немедленно из своего полуоппозиционного положения, чтобы предложить свои услуги „народу“ для восстановления мирных, нормальных и пр. отношений с „великими западными демократиями“. В этом смысле я и говорил, что перелом внутренней политики во Франции и Англии, если он произойдет до победы коммунистов в Германии, может на известное время окрылить германскую социал-демократию. Шейдеман может снова притти к власти,—но это будет уже прямым вступлением к революционной развязке. Ибо совершенно очевидно, что бессилие реформистско-пацифистского режима в условиях нынешней Европы обнаружилось бы не в течение лет, а в течение месяцев и недель.

„Пять лет Коминтерна“
стр. 532—534, 535—536.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Предисловие I
1. На путях европейской революции 5
2. Перспективы и задачи на Востоке 30
3. Первое Мая на Западе и на Востоке 42
4. На новом переломе 66
5. Амстердамский Интернационал и война 82
6. Мы и Восток 90
7. Через какой этап мы проходим? 108
Приложение 141

КНИГИ т. ТРОЦКОГО.

Октябрьская Революция. Изд. „Коммунист". М. 1918 г.

Итоги и перспективы. Изд. „Советский Мир". М. 1919 г.

Годы великого перелома. Люди старой и новой эпох. Изд. „Коммунист" М. 1919 г.

Годы великого перелома. Война и техника. Изд. „Коммунист". М. 1919 г.

Годы великого перелома. Бельгия и Сербия. Изд. „Коммунист". М. 1919 г.

Терроризм и Коммунизм. Госиздат. П. 1920 г.

Новый этап. Мировое положение и наши задачи. Госиздат. М. 1921 г.

„1905". Госиздат. М. 1922 г.; 2-ое изд. 1922 г.; 3-е изд. 1924 г.

Между империализмом и революцией. Госиздат. 1922 г. Изд. „Новый Мир". Берлин. 1922 г.

Война и Революция. Том I и II. Госиздат. П. 1922 г.; 2-ое изд. 1924 г.

Очерки политической Румынии. (Л. Троцкий и Х. Раковский). Госиздат. М. 1922 г.; 2-е изд. 1923 г.

Вопросы Быта. Изд. „Красная Новь". М. 1923 г.; 2-ое изд. 1923 г.

Коммунистическое движение во Франции. Изд. „Московский Рабочий". 1923 г.

Литература и Революция. Изд. „Красная Новь". М. 1923 г.

Как вооружалась революция. Т. I. Изд. ВВРС. М. 1923 г.

Основные вопросы революции. Госиздат. М. 1923 г.

От Октябрьской революции до Брестского мира. Изд. „Пролетарий". Харьков. 1923 г.

Очерки политической Болгарии. Госиздат. М. 1923 г.

Поколение Октября. Изд. „Молодая Гвардия". М. 1924 г.

Как вооружалась революция. Том 2-й. Изд. ВВРС. М. 1924 г.

О Ленине. Госиздат. М. 1924 г.

Пять лет Коминтерна. Госиздат. М. 1924 г.

БРОШЮРЫ т. ТРОЦКОГО.

Программа мира. Изд. „Книга". П. 1917 г.
В плену у англичан. Изд. „Книга". П. 1917 г.; 2-е изд. ВЦИК. М. 1918 г.
Жан Жорес. Изд. „Книга". П. 1917 г.; 2 е изд. ВЦИК. М. 1918 г.
Организация Красной Армии. Изд. ВЦИК. М. 1918 г. (Доклад на V съезде советов).
Красная Армия. (Речь в ЦИК 22 апреля 1918 г.). Изд. ВЦИК. М. 1918 г.
Слово русским рабочим и крестьянам. (Речь на рабочем собрании 14 апреля 1918 г.). Изд. „Жизнь и Знание". М. 1918 г.
Труд, дисциплина. порядок спасут социалистическую советскую республику. (Доклад на Моск. Конференции РКП 28/III—18 г.). Изд. „Жизнь и Знание". М. 1918 г.
На борьбу с голодом. (Речь 9 июня 1918 г.). Изд. „Коммунист". М. 1918 г.
Письмо крестьянам-середнякам от Народного Комиссара по военным и морским делам. М. 1919 г.
На страже мировой революции. Изд. „Советский Мир". М. 1919 г.
Наше военное строительство и наши фронты. (Доклад на VII съезде советов). Изд. ПУР'а. М. 1919 г.
На фронтах. (Доклад 24 февр. 1919 г.). Изд. „Советский Мир". М. 1919 г.
Письмо крестьянину Пермской губ. Ивану Андреевичу Сигунову. Госиздат. М. 1920 г.
Организация труда. (Доклад на IX съезде партии) Изд. ПУР'а. М. 1920 г.
Мобилизация труда. (Речь на III Всерос. съезде советов нар. хозяйства). Госиздат. 1920 г.
Война с Польшей. (Доклад ВЦИК 5 мая 1920 г.). Изд. Политотдела Запфронта. 1920 г.
Советская Россия и буржуазная Польша. (Речь в Гомеле 10 мая 1920 г.) Изд. ПУР'а. М. 1920 г.
На производственный путь. (Доклад на партийном собрании.) Изд. Госиздат. М. 1921 г.
Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство. Госиздат. М. 1921 г.
Весенние происки врагов. Изд. ВВРС. М. 1922 г.
Основная военная задача момента. (Дискуссия о единой военной доктрине). Изд. ВВРС. М. 1922 г.
Фронтов нет—опасность есть. ВВРС. М. 1922 г.
Мировая революция и IV конгресс коминтерна. Изд. ВЦИК. М. 1922 г.
Задачи XII съезда РКП. Изд. „Красная Новь". М. 1923 г.
Основные вопросы промышленности. Изд. „Красная Новь". М,. 1923 г.
Задачи коммунистического воспитания. Изд. „Красная Новь". М. 1923 г.
Перспективы и задачи военного строительства. Изд. ВВРС. М. 1923 г.
Новая экономическая политика. Советская Россия и перспективы мировой революции. Изд. „Московский Рабочий". М. 1923 г.
Новый курс. Изд. „Красная Новь". М. 1924 г.
Современное положение и задачи военного строительства. Изд. ВВРС. М. 1924 г.
Ленин и старая „Искра". Изд. Истпарт. М. 1924 г.
Красная памятка. Изд. „Красная Звезда". 1924 г.
На путях к Европейской революции. Изд. „Красная новь". М. 1924 г.
Молодежь, учись политике. (Речь на пятилетнем юбилее Ком. Интерн.) Изд. Москпрофобра. 1924 г.

Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

1р. 50к

Цена ~~65 коп.~~

9

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР — Москва, Воздвиженка, 9.
ОТДЕЛЕНИЕ ИЗД-ВА — Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

1. Москва, пл. Свердлова, 2-й Дом Советов — „Серп и Молот“.
2. Москва, Сретенка, д. № 8.
3. Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.
4. Ленинград, Проспект Володарского, 64.